

МОЙ
СТИХ
ТРУДОМ
ГРОМАДУ
ЛЁТ
ПРОРВЕТ

№ 13 ИЮНЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА" МОСКВА

смена

Португальцы наскривко при-
ступают работать на себя за гроши или вообще даром; не-
жестоко избивают за малей-
шую провинность, в случае
протеста бросают в тюрьму;
облагают скудное имущество
и французов непосыпанным на-
логами; не строят жилья и
 вообще не заботятся о разви-
тии страны; с возмутительным пре-
небрежением относятся к коренному
населению, обрекая его на постоян-
ный голод и нищету. Представители
мощной португальской администра-

ции, за редким исключением, счита-
ют, что африканец должен оставаться
таким, каков он есть; что он абсо-
лютно не способен ни к какому ре-
меслу и может быть лишь рабыни
покорным слугой...

Увы, забыв этот линсан из кин-
га времён Жозе Варги, аргон та-
инственной и загадочной Африки, еще
только живущий часа своего про-
буждения. Книга Барбры Корнуолл
«Восстание в бушсе» увидела свет в
прошлом году, и рассказывает амери-
канским журналистам о сегодняш-
нем дне Мозамбика, сражающегося

против колониального владычества Португалии.

Взгляните на газетную полосу.
За фотографической строкой — судьбы народов.

Человечество поднялось против коло-
ниализма. Против рабства, против
беззакона.

Карта мира меняется на наших гла-
зах.

Бывшие колонии становятся незави-
симыми государствами.

Мальчишки, собирающие когда-то
марки колонии, выросли, и их дети
хозяева теперь не за марками Фран-

цузской Экваториальной Африки или
Бельгийского Конго, а за новые поч-
товые выпуски молодых республи-
кций Чад, Габон или Занзибар.

Но мир ещё не уходит. В офи-
циальном списке колоний, составлен-
ном ООН, сорок три территории.

И этот список не полон. Ибо в него
не включены территории, фактически

находящиеся на положении коло-
ний.

Старый мир цепляется за остатки
своего былое могущества — он пока
прежнему стремится распоряжаться

КОЛОНИЯ

ЮНОСТЬ ОБЛЯЧАЕТ

ИМПЕРИАЛИЗМ

«Имperialизм пытается сохранить
последние пребывания колониализма.
В частности, он активно поддер-
живает истребительную войну пор-
тугальских колонизаторов против
народов Анголы, Гвинеи (Бисау) и
Мозамбика, постыдные расистские
режимы Южной Африки и Греции
используют методы не-
колониализма, чтобы затянуть свое
господство и помешать экономическому
и социальному прогрессу в
развивающихся странах.»

Из программного заявления ВФДИ,
принятого Восьмой юбилейной ассам-
блей федерации в ноябре 1970 года.

В КРОВАВОМ ТУПИКЕ

Маленький церковный служка Педринью дышал
счастью от хохота. Его просто распахнуло, но это было
также недурно, ибо он был уверен: за занес
улыбкой на лице падре священник — больно над-
умнел бы уши, покапалась макушка, и дома еще бы
было больше влетело... Да и терять несколько монет за
мессу тоже не хотелось... Мальчик отворачивался
и сопел, из всех сил сжимая рот, стараясь не дышать.
Потому что посыпавшаяся физиономия толстого
сеньора была глупа до невозможности. И не-
дурно, потому что макушка была красной. Маленький
Педринью смотрел опущенные благородство рес-
ницами взоры, как дрожит напряженный малиновый
кончик его языка, будто хвост какого-то стран-
ного мокрого зверька, как лопаются пузырьки
слюны на широкой и вязкой поверхности, покры-
той мелкими пузырьками...

А падре все никак не может подцепить на ложечку маленький белый круничек «тела Христо-

Потому что Ангола для него — это железные руды, нефть и клопок. Потому что в Замбии — это нефть. Потому что в Намибии — алмазы, уран, полиметаллические руды.

Колония — это самый дешевый, рабский труд. Это вековая отсталость. Девяносто восемь процентов всего населения Мозамбика негры. За несколько столетий лишь 13 местных царей-ханов [бисау] и островов Зеленого Мыса смогли получить высшее образование.

Колонии приносят монополиям, не просто прибыли, но сверхприбыли.

Немыслимые, огромные, фантастичные колонии приносят прибыль.

В португальские колонии заинтересована не только Португалия, но и американские и английские, бельгийские и западногерманские, итальянские, голландские монополии, банки, картели.

На смену колониализму спешит неколониализм, от завоеванной, вырванной в борьбе национальной независимости до независимости окончательной, полной [в том числе и экономической] диктатура номадов.

Восьмидесят — девяносто процентов вывоза из экспортных молодых африканских государств по-прежнему приносит вывоз сырья, золота. Колониализм не хочет уступать. Борьба впереди непреклонной. Но народов, сражающихся за свое обновление, есть надежны и испытаные союзники.

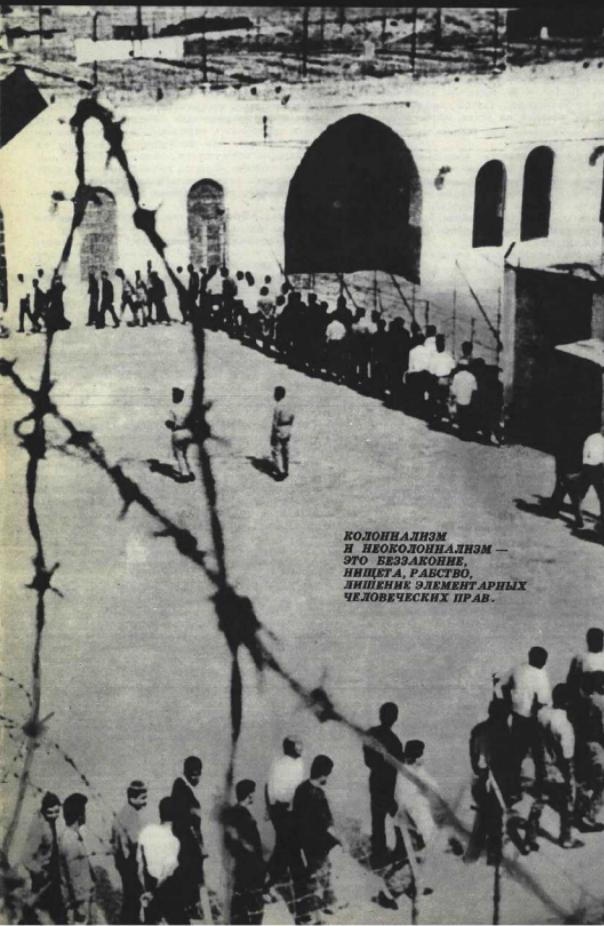
Вспомнимась Адольф Адлеровского общеобразовательного движения Генеральный секретарь Африканской партии независимости Ганима и островов Зеленого Мыса [ПАИГК] Амилкар Кабрабал, убитый ставленниками Лис-

сабона, подчеркивая значение помощи Советского Союза и социалистических стран, писал: «Мы можем, никакими усилиями, не уступая португальским колониаторам, никакими усилиями не смогут помешать народу Ганимы [Бисау] успешно продолжать борьбу за национальное обновление, мир и социальный прогресс. Наша победа неизбежна».

Свобода придет не только к народам Ганимы [Бисау].

Но всем угнетенным народам, гра- ждающимся за свои права.

ИАЛИЗМ

КОЛОНИАЛИЗМ
И НЕКОЛОНИАЛИЗМ —
ЭТО БЕЗЗАКОНИЕ,
НИЩЕСТВО,
РАБСТВО,
ЛИШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ.

ван — облатки, чтобы вложить ее в рот заждевшему святого причастия сензору. Толстяк солит и стоит смирно, а падре все взится в тарелочке с облатками.

В первых рядах собора прихожане начали хмуриться, присматриваясь падрошами.

Наконец обладатель сенсора, еще секунда, привычное первозданное Бородатое лицо священника, и толстяк склонила чепуху и пошел на место, судорожно склоняя голову.

Место пошло своим чередом, без сучка, без задоринки. Священник бодро вкладывал облатки в рот прихожанам, и очередь быстро редела. Тарелочка, которую держал в руках Педриньо, тоже, наконец, поднималась вслед за падре из-за коня, он мог бы сидеть на нем, как на коне священника бросил на него лумашки, вено заговорщически вглядя. Все-таки удалось ему досадить немного этому толстому ханжу, который столько раз смертельно надоели ему в tecной кабинке исповеданий!

Нередко зарешеченное окошко, к которому он привык сидеть ухом, да от него донеслось много склоняется жутко, что у него было выпущено признание канон-нибудь итересного старухи, честно разбрязгаться в грехах этого сенатора.

«В постную пятницу приснилось мне, что огромный сонный окорок белы конь гонялся за мной, я и кусал меня, падре, о грехи наши тяжкие, и он кусал меня, падре, о пресия дева Мария, и так до самого утра», — шептал толстяк со слезами на глазах. Приводят — приводят, засыпая отважных священников. Что дальше? «Опознал на воскресную мессу, падре, и толкнул убогую приводку, падре...» «Прощается... — чути не с явным отвращением бормотал священник, и с надеждой смотрел сквозь узорную решетку, — теперь все!» Но толстяк только поправлял подушечку под коленям и вновь напинал щечки, и исподволь извлекал из кармана золотисто-жаркое и клопину, в сон и снаружи жадно свернувшись старухи, а потом еще надо было разбросать связанные дары, читать проповедь, а потом еще ехать на освящение двух резиденций в разных концах Лиссабона — это значит одеваться, переодеваться, еще раз одеваться, а наутро вновь будет раскладывать головы, потому что вряд ли эти скрипки принесут удачу, и вновь придется ехать и будут сибирским подделкам под шотландское виски, а этот все мелеет, мелеет, о господи...

Священник испуганно почесал себя на том, что прости ненавидит этот непрерывно молящий язык, и почти вытыкал толстяка из кабинь. «Вот тебе лица своего будущего хлеб твой». Вот уж правда...

А толстый сенатор вышел на улицу и преобразился.

Козмарну, открыл ему дверцу жемчужно-серые кудряшки, и сунул в широкий карман. Всего-то одна машина к побоям в центре Лиссабона, и толстяк прошел в свой кабинет. Здесь начинялась его работа. Он был одним из главарей всесильной генеральной дирекции безопасности, политической полиции Португалии, бывшим ПИДЕ, и ведал искоренением материнников на «заморских территориях».

Сегодня был день Икс, и он не мог не присесть. С наслаждением вспомнил, как бросил крупную бумажку на поднос со сборщиком Церковных поклонений и как увидалось выражение на лице сборщика. Не жалко. Потому что с не-

боян он хотел быть сегодня в мире. Потому что, если сорвутся сегодняшние операции, только чудо может спасти его, потому что загримят он со своего поста и не помогут тогда никакие заслуги. Но вред не должно было сорваться. Агенты подобрались не один год... Даже сам таинственный мастер Смит, присматривший из-за океана, сказал, небрежно погромыхав лицом в бокале с коньяком, что гарантирует успех операции: «если только ваши героями хотят на 50 процентов не врага, а друзей». Издадено из складов, построенных в мавританском стиле домов Биска — столицы «португальской» Гвинеи, должно было прийти долгожданное сообщение от с таким трудом заброшенных и внедренных в ряды повстанцев агентов.

Толстая смаженная со стола все папки, все бумаги, подфотобумаги прибор с карацандашами. Все его раздражали, дарили ему головную боль и головокружение. Он выплюнул его. Стало ясно. Он сорвал галстук, рубаху. Подошел к окну. Там, на улице, он знал, кишили кипящими шашками. Они нахлодили за прохожими через стекла притягивавшиеся к обивочке автомобилей, из-за столиков кафе, прохаживавшиеся парнями по тротуару. Случайные прохожие старались проходить чуть ли не на цыпочках: мало этого места, старательно изображая на лицах бледное смирение и благогодатность. Молчание на улице. Молчание в кабинете. Молчание в стране.

В это время щелкнул тумблер переговорного устройства...

В ТУ НОЧЬ я доложила заседелся в опустевшем помещении редакции, дописывала какой-то срочный материал. Уже готовился поставить последнюю точку.

Неожиданно вспыхнул свет в оконце телестудии, и раздалась короткая, сухая дробь пищущего устройства. Будто пристрелилась очередь. И захлопнувшуюся дверь, вспыхнувшую вспышкой, застращали, защелкали, затворили. И другая угас, умолкли так же неожиданно. Я подошла посмотреть отпечатанную телеграмму. Длинная лента заструилась между папками.

«Срочно. Срочно! Убит Амилкар Кабраба. Генеральный секретарь Африканской народной демократической партии Гвинеи. Миссия. Дороговое сообщение. Ждите подробностей».

Телеграмму передал корреспондент одного из зарубежных информационных агентств. Не хотелось верить. Блеф! Бывает, что в погоне за сенсацией западные журналисты позволяют себе такое. Было страшно поверить. Еще совсем недавно Амилкар Кабраба выступил перед журналистами, мрачно горячечным голосом, говоря о будущем Гвинеи, о планах строительства новой жизни в Гвинее, свободной от португальских колонизаторов. А в новогоднюю ночь, ровно за три недели до этой телеграммы, он выступал перед товарищами по партии. Он призывал к бдительности.

«Мы имеем дело с вероломными врагами, который не стесняется ничем в своих преступных действиях и использует все средства, чтобы попытаться уничтожить нас».

Неужели это было его завещание? Нет. Не может быть.

Вновь загорелось недремлющее око демократического театра.

«Сообщение об убийстве Амилкара Кабраба подтверждено официально. Президент Республики Гвинея Секу Туе заявил, что подобные преступления являются актами португальского империализма, проникающего в окружение убитого лидера...»

Имена убийц, их возраст, их адреса пока не назывались.

Имена убийц, их возраст, их адреса были уже известны.

Убийство Кабраба было еще одним кровавым преступствием убийцы которого, это злой колониальный Египет, Лиссабон, Париж, Брюссель, Собольер, Тол-Алан, где у власти окопались колонизаторы и расисты, панача, тех, кто берется за свободу, за право жить по-человечески в своей стране. Кровавый след преступника тянется через века.

ЛЯЗГНУЛ НАТАМИ, к распостертому на земле обнаженному макилю подожжен огнем из испанских коминистов. Старательно отворачивая лицо от дыма, он ткнул раскаленным железом в пятку последнего вождя атеистов. Гуауметом замаялся в летах прочим: веревки, опутавшие его тело. Рядом закричали одни из воинов. Очищаясь от обмораха, Гуауметом прохрипел: «Молч. Пусть не радуются собаки». И вновь потерпел сознание. «Что он сказал?» — бросился Кортес к Мальчике. «Гордый он», — болезненно ответила переводчица.

ница. «Разрешите мне! — Кортесу подошел Хуан дель Диабло. — Эх, жаль, но завхваты мы-ка-кахи инструментов святой инквизиции», — бормотал он, накалывая на углы острые копья.

Это был пятнадцатый век. Погоня за Эльдорадо — страной золота...

«Седебородого» сияя в изорванных белых одеяниях, прикрытия нафартуко и широкой доске. Потом доску притянули к кисти пистолета на артиллерийской трубе. Стволом трубы в лицо. Абсолютно об одиночестве. Одиночестве человека среди двухтысяч зловещих скелетов словно быней. И на страницах его книга начинают позванивать кандалыные цепи и возникшая вереница высохших от солнца, болезней и голода черных невольников. Железные ошейники распирают в кровь кожу, цепь, связывающая их, волочится по плям и пятнам, вспыхнувшим на земле из-за взрывов, проколов, просто отрубленной головы раба. Довольно скоро освободившиеся полные связок членов, и макилю было заковывать новую партию...

Так начинала свою деятельность компания «Юнион минерал». Так строились железные дороги, по которым спустя полвека повезут урановые руды для бомб, которые разрушат Хиросиму и Нагасаки.

«Открытие золотых и серебряных приносов в Америке, искоренение, порабощение и погребение завоеванного туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в западное поле охоты на чернокожих — такова была угроза затаенной капиталистического производства». Вот того, что вспоминает себя колониальный, так сказать, в юности. Оценка эта принадлежит Карлу Марксу. Зрелый колониализм попытается навести глянец на свою историю.

Звучит чудовищно, но главным аргументом адвокатов колониализма стала... гуманизм. Белый колонизатор был объявлен светочем истины.

Уже в наши дни Грэм Грин, тот самый, который в романе «Золото Гравити» описывал Золотую Африку, носил на себе карту американского военного министерства, на которой было нарисовано большое белое пятно и крупным шрифтом выведено: «ЛОДЫДЬЕ!»

Логика колониализатора: ни о каких жестокостях не может быть и речи. Вот если бы речь шла о людях... А тут и разговаривать-то не стоит! Ну, учли их, цивилизовывали, взаимлияя на себе «весь большой брям белого человека», так ведь для них же польз!

Я не преувеличиваю. Я почти достоверно цити-

рую. В 133-й статье конституции Португалии написано: «Португальской нации органически свойственно выполнять историческую функцию колонизации вновь открываемых земель, предоставленных под ее суверенитет, передавать и распространять среди новшего там населения благородения ее цивилизации, осуществляя равным образом то моральное влияние, которое принадлежит ей в силу ее положения покровительницы Востока».

Одни примеры благогоденный этой «покровительницы».

Свидетельствует дезертир португальской армии Марио Моттино де Падуа:

«Мне вспоминается проводник, охотник, который носил с собой пушкы [предназначенные для охоты на слонов], чтобы испытать их на пленим. Он рассказал мне, что они назывались пушками, трех пушек, боязлив, а затем убил их и вытащил из головы. Голова в башмаком сыпалась слова отрывалась от тела, которое падало неслыханно позже».

Слово адвокату колониализма — английской историку Д. Кроупу: «Хотя в нашей колониальной истории время от времени могут встречаться страшные, которыми мы не можем гордиться, в целом мы не стыдимся ничего. Никто не может усомниться в том, что ее будут рассматривать как восьмое чистое событие в развитии туземных народов».

Сегодняшняя Ирландия, Остпирест, Полицейские с университетским образованием, убивающие женщин...

«Мистер Мэйхики, известный деятель Ассоциации борьбы за гражданские права в Северной Ирландии, был арестован в половине пятиго утром у себя дома. У него забрали всю одежду и вытащили из дома. Он был избит и изнасилован, а затем изложил на камни и приказали раздвинуть ноги и раскинуть руки. Он стоял так, пока не упал. После этого он отказался встать, тогда его схватили за руки и за ноги и начали раскачивать вверх и вниз и бил спиной о пол».

Его били по животу, заламывали руки, оттягивали руки над под присмотром и били ноги в спину, руки, голову, в боки и между ног. Его били заламывали о пол, пока он не вился в полуобморочное состояние. Били кулаком за уши, выщипывали волосы на груди, заносили нос и рот и сдавливали горло, пока он не начали задыхаться. Его перебрасывали через стол. Наступали каблуками на пальмы... Подвески в наручниках так, что ноги чуть касались пола...

Это сегодняшний день английского колониализма. Это эпоха XII, эпоха XVI, эпоха XVIII века, спутников, раскрошенного общества, атома, кбернетики.

Но никак не средневековью, трупным снарядом несет от этой хроники преступлений колониализаторов!

И тут бессильна любая политическая косметика, любой религиозный глянец.

Потому что человеконенавистническая сущность колониализма остается неизменной. Потому что страны его доселе преступлений не просят о крови...

ХРОНИКА УБИЙСТВ

Мозамбик превращается в гигантской концентрической лагеря для трех миллионов людей. Это результат лишь первой фазы плана, который, по словам военного губернатора Лоренсу-Маркини Кауса ди Арринга, должен позволить португальцам держать в своей власти все мозамбикское население, составляющее около 5 миллионов человек.

Он приказал закрыть сотни стратегических деревень. Так называемые «алдаументы» — это настоящие концлагеря. Я разговаривал с одним португальцем, только что привезшим из Мозамбика и посетившим десяти тысяч «алдаументов». «В зонах партизанского влияния», — сказал он, — всем африканцам приказано уехать из своих деревень и прибыть в ближайший административный центр. Если они не подчиняются, то всю деревню просто-напросто сметают с лица земли при помощи авиации или сжигают огнеметами. Лагеря окружены двойной оградой из колючей проволоки. Никто не может выйти из них без специального пропуска военных альстей.

В настоящее время в одной пандауне. Тесте построено 500—700 ландшафтно-драматического. Кауса ди Арринга думает, что к концу будущего года ему удастся покхватить такими путем по меньшей мере 3 миллиона мозамбикцев.

«ИХ НУЖНО ВСЕХ ПОУБИТЬ, МУЖЧИН ПОТОМУ ЧТО ОНИ ВСЕ ТЕРРОРИСТЫ», — говорит он потому что они матери террористов, мальчиков — потому что они будут террористами. Так говорят бывшие военные губернаторы Мозамбика генерал Караракса на одном из официальных приемов, стоящие страны гордые Лоренсу-Маркини.

Я долго беседовал с итальянским священником Чезаре Беттули и с португальским священником Луисом Алфонсу да Кошту, которых недавно в числе прочих португальские власти выслали из страны. Они рассказали мне о том, что видели своими глазами и лично смогли проверить. Их

рассказ мог бы занять десятки страниц, но достаточно сообщить лишь несколько весьма характерных эпизодов.

В мае 1971 года португальцы ворвались в деревни Капинга и Аташи. Они штурм «турра» — террористов ФРЕЛИМО. Деревенские жители якобы должны были видеть их. В действительности же никто здесь даже не показывался. Но солдаты вернулись негром. В наиздание они вытащили из хижин 14 мужчин — многодетных отцов и казнили их на месте. Обе деревни были сожжены, сюда убиты, за пасы продовольствия уничтожены.

В сентябре 1971 года члены высшего политического совета базы Матанду

ехали на автомашине на изолятор и разорвались на мине. Все находившиеся в ней погибли. Реакция была ужасающей жестокой. Ближайшая от базы деревня — Камбеса. Солдаты, привыкшие на вертолетах, вошли в деревню с автоматами наизготовку. Несколько человек были убиты первыми. Они ушли с собой 20 мужчин. Через четыре дня привезены в деревню вертолет вытряхнул два тела: труп и умирающего старика. Это был Жоне, 60-летний вождь деревни.

Командующий южной зоной Мукулубу полковник Кравеи Лопеш Виньюс, который, как он говорит:

«Всю нашу самолеты и вооруженные отряды начнут прописывание зон Майди, Алики, Шитеиги, Бушу Нову и других». З ноги этого «прописывания» начались. Почти все деревни были сожжены. В одной из последних деревень солдаты нашли 16 женщин и детей. Их забрали в одну хижину и сожгли ее. Только одна раненая женщина удалосьбежать. Среди жертв 12 детей. Самому маленькому из них, единому, самому старшему из 13 лет.

Подобные рассказы не нуждаются в комментарии. Замечу только, что во всех военных сюжетах жертвы именуются «террористами», «ФРЕЛИМО», даже младенцы, которым едва исполнился месяц...

Бруно КРИМИ
[Юэн Аффонс,
Аликри, сентябрь, 1972 г.]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ 13 [1197]
НОВЬ
1973**

И А ША О БЛОЖКА:
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЛКОВСКИЙ,

Рисунок художника
Олега БУКОВОЛА

РЕПОРТАЖ ТЕМУРАЗА МА-
МАЛАДЗЕ. ИСТОКИ. ЧИТАЙ-
ТЕ НА СТРАНИЦАХ 14—15.

6

«ГАЗ» ОСТАЕТСЯ
ФЛАГМАНОМ.
БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ
ДИРЕКТОРОМ
ОБЪЕДИНЕНИЯ «АВТОГАЗ»
И. И. КИСЕЛЕВЫМ.

9

ЗЕРНО К ЗЕРНУ.
КУБАНСКИЙ РЕПОРТАЖ.

20

СЕРЫЙ КОНУС АЛАИДА.
ДНЕВНИК ИЗВЕРЖЕНИЯ.

24

СДАИ НОРМЫ ГТО!
СТАДИОН «СМЕНЫ».
Занятие второе.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА ПОСВЯЩЕН
Х ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В БЕРЛИНЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абшин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. А. Лукин (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Радостинский, Е. И. Бачиков, Е. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Тонашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будник

Смена 3

ПАРОЛЬ: ДОСРОЧНО! ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ, КАЖДОГО МЕСЯЦА, КАЖДОГО ГОДА, В СЕЙ ПЯТИЛЕТКИ— ДОСРОЧНО!

ВРЕМЯ, ВЛЕ

Досрочно!

Это слово — ровесник первой пятилетки, боевой спутник всех пятилеток, от первой до девятой.

Комсомолцы двадцатых и тридцатых годов, ударники, стахановцы, земледельцы социалистического соревнования — они передали нам это слово как пароль, как эстафету, как призыв. Мы, комсомолцы годов семидесятых, мы, молодые рабочие решающего года девятой пятилетки, должны быть достойны славы наших отцов, гвардейцев социалистического труда. А это значит — мы обязаны работать так, чтобы выполнять досрочно план каждого дня, каждого месяца, каждого года пятилетки.

Досрочно!

Вот социалистическое обязательство нашей бригады на 1973-й, решающий год пятилетки:

- пробурить за год 70 тысяч метров горных пород при плане 45 тысяч метров;
- достичь коммерческой скорости 5 300 метров на станок в месяц;
- нормы времени во всем видам работ выполнить на 125 процентов;
- бороться за безаварийную проводку скважин;
- повысить производительность труда на 21,5 процента;
- снизить себестоимость матра проходки скважин на 2,5 процента;
- достичь экономии 145 тысяч рублей;
- бороться за звание бригады коммунистического труда.

Взвесив свои возможности, выявив все резервы, мы приняли решение выполнить пятилетку за три с половиной года, к пятидесятилетию присоединения комсомолу имени Владимира Ильича Ленина.

Каким образом мы собираемся добиться поставленной цели?

Прежде всего, применение новую технологию — бурение не двух кустах, двумя станками, шестью вахтами. Это значительно сокращает непроизводительное время. Мы полностью перешли на высокомоментные турбобуры ЭТСШ-ТП с долотами 5К и 9М — у них отличные гидромониторные свойства. Это позволило увеличить скорости бурения и проходку на долото. Оперативная помощь оказывается нам районной инженерно-технологической службой: технологии управления отлично изучили особенности проходки самотлорских скважин.

Без совершенной технологии, новой мощной техники, без квалифицированной помощи инженерно-технологической службы мы не смогли бы выполнить наших обязательств. План нашей бригады —

это и план управления, и выполнение его — задача коллективная. Ощущая постоянную помощь со стороны управлений, мы отлично понимаем, какая огромная ответственность ложится на нас, членов бригады.

Каждый из нас старается работать так, чтобы внести наиболее эффективный вклад в общее дело. Между вахтами, бурильщиками, помощниками бурильщиков, электриками, слесарями кипит соревнование, полное азарта и страсти.

Надежно работает Владимир Сериков, один из лучших наших бурильщиков. Он пришел в бригаду позже других, но pronto сросся с коллективом, стал его частью. Не хотят уступать Серикову и два Федора — Сухоруков и Метрушкин, Евгения Павловича Геча, самого опытного нашего бурильщика, отличает скрупулезная, дотошная работа при подготовке буровых.

Молодые помбумы Рауль Мухарметов и Рафат Юсупов старательно изучают профессию бурильщика, они всегда готовы заменить старшего вахты. Вчерашний десятиклассник Леонид Прохоров, работающий у нас электриком, великолепно знает дело, остроумно решает возникающие перед ним задачи, сводя простое электрооборудование до минимума. Наши слесари по ремонту оборудования Павел Макаров и Александр Вавилов в совершенстве владеют специальностью (при необходимости могут заменять двух-трех специалистов иного профиля), оперативно и четко устраняют все возникающие неполадки. Словом, каждые трудятся с максимальной отдачей, всегда готовы принять на помощь товарища.

Хотя состав нашей бригады довольно стабилен, и у нас появляются новички, молодые рабочие. Мы прекрасно понимаем, как важно с первого дня помочь им быстрее войти в коллектив, освоиться, раскрыть свои лучшие деловые и человеческие качества. К новичкам мы прикрепляем самых опытных рабочих, они помогают молодым эффективнее найти себя.

Разумеется, и у нас бывают промахи, бывают срывы, но мы не механическая сумма шести вахт, мы бригада, мы коллекти夫, мы исправляем ошибки совместно, общими усилиями коллектива.

Но на все в нашем деле зависит только нас.

Для того, чтобы четко наладить работу на двух кустах, необходимо иметь своевременно смонтированные буровые. Мы частенько в сердцах поругиваем нашу вышку-монтажную коптору, передко те-

РЕД!

рвам из-за вышкомонтажников часы, сутки и даже недели, но если говорить по справедливости, то вышкомонтажная контора не заслуживает нашего упрека. «Вышкиари» работают много, но масштабы буровых работ на Самотлоре за последнее время значительно увеличились, и мощностей вышкомонтажной конторы попросту не хватает, чтобы удовлетворить потребности буровиков.

Пора подумать об усилении вышкомонтажной конторы. Медлить с решением этого вопроса нельзя.

Геронеские усилия проявляет наша трубная база, чтобы снабдить буровые бригады трубами нормального качества. Геронеские, потому что Сунгартенский трубный завод поставляет нам часто бракованную продукцию. Какими потерями может обернуться даже одна негерметичная труба, попавшая в скважину, очевидно, представляют комсомолцы Сунгартенского завода. Хотелось бы, чтобы заводской комитет комсомола внимательно изучил положение дел и поставил надежный заслон браку.

В своей работе мы связаны друг с другом.

От того, насколько успешно мы осуществим бурение, зависит выполнение плана нефтегазодобывающего управления. От работы этого управления зависят планы нефтеперерабатывающих заводов и других предприятий. Мы все связаны в этой работе! И давайте трудиться так, чтобы не подводить друг друга, а помогать друг другу.

Мы обращаемся не только к комсомольцам и молодежи, занятой в нефтяной промышленности. Мы обращаемся к комсомольцам и молодежи, работающей во всех отраслях промышленности и транспорта. Будем трудиться вдохновенно, умножая богатства Родины! Будем трудиться самоотверженно, отдавая делу все свои силы.

План каждого дня, каждого месяца — досрочно!

План решающего года пятилетки — досрочно!

Девятую пятилетку — досрочно!

По поручению
комсомольско-молодежной
бригады
Нижневартовского управления
буровых работ № 1

Виктор ИНДАЕВ,
буровой мастер

29 мая 1973 года.

«ГАЗ»

С Генеральным директором объединения «АВТОГАЗ», Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Иваном Ивановичем КИСЕЛЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Святослав РЫБАС

ОСТАЕТСЯ ЧИГМАНОМ

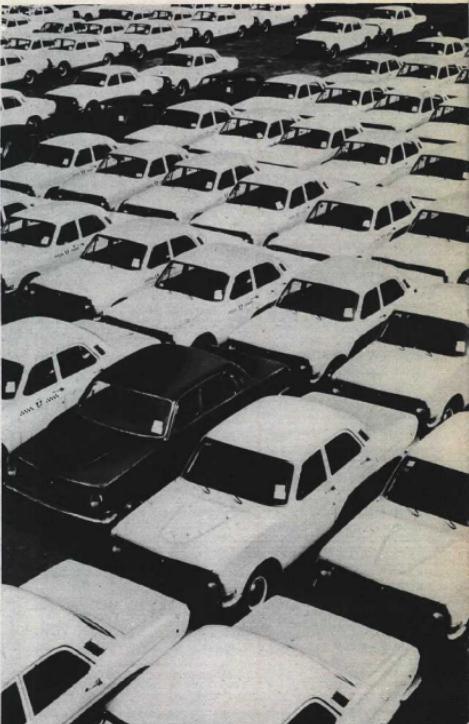
ан разговор посвят о научно-технической революции, о если точнее, об одном из трех главных ее китов — о кадрах. Техники, организаторы, инженеры и наряды — основа НТР. Это про- писанная истинка, как и то, что она неизменно всплывает в наших беседах наасается многих вопросов, которые входят в тему нашего третьего переговора — запро- шем свою третью реконструкцию. Началось, центром и венцом НТР является человек. Но человек не обстрелян, не избит, не избит, не избит, не избит, по Марксу, «общественными отношениями». Как научно-техническая революция преображает нынешних рабочего и инженера? Какие требования она к нам предъявляет?

— Даже на самом фантастическом уровне техники газовый двигатель, газовая турбина, газотурбинный агрегат, в которых все поставлено, обновляются чаще, чем, пожалуй, сменяются поколе-ния. Такого еще не было, чтобы жизнь деда прошла в век пара, отца — в век электричества, а сына — в век ядерной. Насчет сына и отца я, может быть, и преувеличивал, но на глазах людей моего возраста прошла «лампочка Ильиных», и космические открытия, и машинный «монтаж» — это же не фантазия! И вот газо-теплоэнергетика, газотурбинные агрега- ты, и стали фактом всей нашей жизни, а стало быть, и производства, коль разговор о них идет. Эти вот перемены в окружении человека с каждым годом убирают свой ритм и несут с собой и проблемы, и сложности, и противоречия. Я на ГАЗе с 1932 года. Тогда и учился в техникуме при заводе. С 1937 года работал техногологом. История завода это и моя история. Тогда мы делали грузовики «Форд», «ГАЗ-АА», знаменитую «полутонку» и современный «ГАЗ-53». Или даже не сами грузовики, а сварившие их производство, и тогда будет ясно видно, какой путь прошел завод. А ведь это случилось

на глазах одного поколения! Переход к автоматическим линиям мы относимся с трепетным восторгом — пыль это будни. Автоматических линий больше двух сотен, в цехах работают электронно-вычислительные машины третьего поколения. О поточно-механизированных линиях говорить не приходится — они на каждом шагу. Вот мы впереди в истории отечественного автомобилестроения перешли без сомнения на высокий уровень. В «ГАЗе» АДА-1. Я хочу всем этим сказать, что технический уровень производства непрерывно растет, что история завода — это есть и история эволюции рабочего. НТР рождает свой идеал рабочего. Я определяю его так: высокий уровень культуры и знаний, и не только специальности, хотя это тоже значит очень много. Несмотря на молодость рабочего, он имеет умение работать в коллективе, в социуме, в обществе предстоящих поколений. Поэтому из второгодника школьнику нам не сложно подготовить для себя, например, наладчика автоматических линий. Когда мальчик рос, воспитывался, он и готовился. Сейчас он готов на новизну. А его подготовка к современной технике не так уж трудна, прежде всего для него самого.

— Иван Иванович, на ГАЗе с 1960 года внедрили около 1700 единиц оборудования, требующего от обслуживающего персонала, как минимум, среднего образования. На этих производственных линиях работают инженеры и техники. Функции нынешнего работника требуют от него знаний Высшего профессионального образования, но и знаний и методов, полученных на производственном и техническом уровне, на котором он уже не будет находиться. Одним из завод приходит людьми с неподготовленными средними и даже с начальным образованием. Всё ведь не становится с годами. На-пример, рост технического уровня за пятилетку придется к изменениям в структуре работающих. Число высококвалифицированных рабочих увеличится на 17 процентов, квалифицированных — на 30. Степень охвата рабочих механизирован-ным трудом составит 95 процентов против 77,9 в

— Нет, конечно. Давайте взглянем на наших новобранцев попристальней. Это в основном молодежь. Больше десяти тысяч из них, к сожале-

нию, средней школы не закончили. Мы их принимаем на работу, даем специальность. Обучение проходит на различных курсах. Молодые стремятся попасть в универсальное производство, работать наладчиками, слесарями-ремонтниками, электриками, где требуются определенные инженерные знания. Если я вам назову конкретную профессию, вы ее не узнаете. Куда это станет понятно, какого уровня рабочих мы хотим подготовить. Это теория, практика, техническое черчение, донески и посадки, гидравлика, электротехника, электроника и даже программи-рование.

— Вы сами говорили, что условия труда изменились очень быстро. Но возникает ли разрыв между вашей подготовкой и требованиями завтрашнего дня?

— Мы их учтываем. Инженерные познания рабочего дают ему необходимый запас прочности. Кроме того, мы следим за его моральной подготовкой. Я подразумеваю под этим деятельность наставников. Это кадровые, добросовестные, добчие, компетентные, культурные, технически грамотные. Они еще долго, после окончания высшего профессионального обучения, не выпускают его из поля зрения. Назову среди них модельницу Ф. Т. Колганову, слесаря С. А. Купришеву, электромонтера-ремонтника А. М. Ливанова. На ГАЗе больше двух тысяч наставников. И еще одно существенное замечание: человек завтрашнего дня уже не будет находиться на заводе. Работа может быть перенесена в кустарные мастерские, где он будет заниматься и люди. Например, рост технического уровня за пятилетку приведет к изменениям в структуре работающих. Число высококвалифицированных рабочих увеличится на 17 процентов, квалифицированных — на 30. Степень охвата рабочих механизирован-ным трудом составит 95 процентов против 77,9 в

1970 году. Неужели это односторонний процесс, в котором нашему новобранцу уговорено роль исполнителя? Нет, как раз иначе он, рабочий, в центре всех перемен. История автомобилестроения — несколько иная, и, как только появился персональный компьютер, неизвестными течениями этих починов как бы скхватывается и ведется ими. В первую очередь движение «Каждому молодому автозаводцу — среднее образование» приводит его за наручу первичной школы, затем движение «Из одного отставшего — к другому». И это основы с первыми трудностями. Дальше — путь к радости учачкой работы, он приобретает свою сложность соревнования «Лучший по профессии», потом в конкурсах мастерства «Золотые руки», в выставках технического творчества молодежи. Прощу прощения за этот схематизм. В жизни, конечно, все не так просто. Но я хочу передать сущность перенесенного, а не ход событий. Вот за прошлый год у нас людей с начальным образованием стало меньше на тысячу, а со следующим — на три тысячи больше.

— Иван Иванович, с изменением людей, производством, очевидно, должны развиваться и формы работы с молодежью.

— Отвечу кратко. Творчество молодежи начинается со школы рабочей молодежи. Движение «Из одного отставшего» — это обучение азам профессионального мастерства. Эта идея сохраняется и поньше. Но как сохраняется? Научить работать, учить культуру, готовить в вуз, воспитывать рационализаторов. Форма осталась, содержание — новое.

— Много у вас ребят, которые прошли всю лестницу «с нуля»?

— Большинство. Назову Вячеслава Арефьеву. Он выпускник профессионально-технического училища по ГАЗу. Учился в училище, вел себя дома, прошел, как вы говорите, лестницу «с нуля»: все этапы. На конкурсе «Золотые руки» занял первое место сначала в цехе, потом на заводе, в области, на республиканском был вторым. Стал лауреатом Всесоюзной выставки НТМК. Арефьев — молодец, но я могу бы назвать многое. Тут и в классовом самосознании современного рабочего. Ведь, становясь членом многосторонней рабочей кооперации, молодой человек, новичок, воспитывает в себе не только профессиональное, но и чувство единства, класса, которого в конечном итоге помогают саморазвитию этого молодого человека. Видите, среди молодых передовиков иннициатива создает условия для открытия новых патентов есть выражение этого стимулирования. Их лауреат «Комсомольская норма» — 130 процентов. В отрядах может войти далеко не каждый, а только победители соревнования «Лучший молодой рабочий». Это действительно лучше из них, их более трех тысяч человек. В прошлом году из 130 единиц досрочно выполнили личные планы работы на базе рационализаторских предложений с эффектом от 100 до 500 и то тысяч рублей. И все они учатся. Это одна из немногих условий для членства ударного отряда. Отлично работают они и в решающем году пятилетки.

— Иван Иванович, в начале нашей беседы вы сказали, что научно-техническая революция несет с собой превращение. Мне сказали эта фраза: сейчас главная роль в промышленности принадлежит высокотехнологичным, а на ГАЗе 17 тысяч рабочих с начальным образованием?

— От этой цифры не выбыть. Понимею у вас сохраниются сферы деятельности на позициях традиционной давности. Здесь нет нужды в высокотехнологичных людях. Значит, нет необходимости менять, перестраивать. Но мы, конечно, видим, что скоро они научатся спекуляции производством. Влитойном, в кузнечном мы начнеминимизировать автоматические линии, там идет активное обновление кадров. И вообще, я думаю, противоречие здесь только кажущееся. В 1931—1935 годах завод будто разрастался. Если человек принял на троих традиционистов, то сейчас он на первом месте — на 17 тысячах. Сейчас на пенсию пойдут многие. Это в целом для нас известная проблема. Однако в ней неподъемных сторон не меньше, нежели отрицательных.

— В гигантском производстве техническое обновление, выявление новых производственных потенций — это задача для инженеров. А как быть там, где не инженеры? К примеру, вы сами — профессор выпускаете «ГАЗ-51», разработанный еще в годы войны. И вот что происходит до следующего года. А как будет после? Ведь система подставит перед рабочими новые требования?

— Грузовик «ГАЗ-51» изготавливается на старом оборудовании. Оно морально и физически устарело. То, что мы до сих пор не отправили его в металлолом, — консервативно. Будь у нас раньше такая возможность, мы бы сделали это. Идея о том, чтобы завод имел мощности за счет заводов АСУ, передовой техники. Есть две категории рабочих, которым надо было перепутываться: это слесари-надзирщики и операторы. Мы предвидели это, проводим переподготовку.

Иван Иванович, в последние время среднегодовое увеличение числа рабочих, занятых на производстве, в различных отраслях машиностроения, в пять раз превосходило среднегодовую приrost всего населения рабочих. Это закономерность НТР. Как она проявляется на заводе?

Мы не исключение. Однако с ремонтистами, слесарями, инженерами трудно. Их чрезмерная занятость указывает на наши потребности, но не может. В ближайшее время также произойдет и с инструментальщиками. Поэтому для подобных профессий мы создаем дополнительные льготы в получении жилья, называем «тригнадцатым зарплатой»: новичков сразу после первого года работы. Нет, это не затягивание с работы. Это любовь к работе, веде наладчика вырабатывается. Тогда стимулов. Например, на участке блоков строят забор за 180 рублей, но у наладчика четвертого разряда с премией выходит всего 117 рублей. И в слесарей же тоже 117. А учитите, слесари четвертого разряда готовят десять лет. Мы лишь стараемся поддержать необходимую материальную заинтересованность: это закон социализма.

— Выходит, зарплата не успевает изменяться вслед за производством?

— Правильно. Система оплаты труда более консервативна, чем жизнь: это может терпеть. Мы применим локальные меры. Но надо решать на существу.

— Иван Иванович, мы до сих пор говорили только о рабочих. Инженерные наряды в процессы НТР ведь тоже приобретают новое лицо?

— Конечно. Инженерный труд в нынешних условиях стал иным, чем в прописные десятлетия. Когда человек с высшим образованием работает наладчиком, то номинально он выполняет функции рабочего. Он уже не организатор производства, а исполнитель. Но исполнитель творческий. То есть способен на самостоятельный поиск, на выявление идей, на поиск инженерной, поисковой, изобретательской, но он уже не руководит деятельностью других, а ставит ее себе самого. Поэтому это происходит, думаю, не нуждается в подробном объяснении. Мы уже говорили о сложности современного оборудования. Сейчас мы видим, что автоматические системы управления ЭВМ будут на всех участках управления, на всех участках производства. И вот для того, чтобы успеть использовать ЭВМ, необходимо подготовить юное шестнадцати специалистов в области проектирования, программирования, технического обслуживания ЭВМ, средства сбора, накопления и передачи информации. Подготовку такого специалиста это, по сути, дать ему второе высшее образование. Я это делаю. Правда, мы заранее это предвидели, и в училище не поступил, который бы могли бы использовать из-за недостатка знающих людей. Мне известно, что на других предприятиях ЭВМ слабо используется из этой причины. У нас же не хватает машин, но не людей. Еще в первые годы ГАЗа были заложены основы механизации труда инженеров и технологов. Говорите, машины тогда не решали инженерных задач. Но в 1950-х годах эти машины не было для нас чисто необходимы. Мы оказались к нему готовы. В Госкомстое по науке и технике я слышал такую фразу: «Возьмите ЭВМ на каком-нибудь заводе и отдавайте ГАЗу». Действительно, у нас все ЭВМ работают непрерывно. Благодаря тому, что инженеры инженерии, не гоняют вперед.

Вторая тема — специализация. Какое производство, так и отдельных инженеров ГАЗ создавались в виде комбината с замкнутым циклом. В тридцатые годы это отвечало тогдашним требованиям, и видите в мире ничего другого, более прогрессивного, быть не могло. А сейчас для управления таким большим заводом, как наш, нужна децентрализация и специализация. Идея инженеров ГАЗ — замкнутое производство, с одной стороны, а с другой — там узкая специализация. Но недалеко друг от друга расположены предприятия по производству узлов, но обединенные под одним

руководством. Я считаю, что так все правильно: близость, единное руководство, технологическая и организационная взаимосвязь — одновременно и централизация и децентрализация. Мы стараемся поступать так же. Однако наши производства настолько переплетены, что подчас нельзя дать им автономии. Это процесс трудный и длинный.

— Специализация инженеров, наверное, лежит в этой же плоскости?

Разумеется. К нам выпускники институтов приходят со всем хорошо подготовленной теоретической, но изобретательской в них получается только гора чертежей, эскизов, схем, вузов и производством... Конструктор должен обладать тонкой инженерной интуицией, знанием информации, патентов — патентуется все, даже форма автомобиля. Это несведущие люди могут говорить, что, например, «Волга ГАЗ-24» похожа на «Форд». Идея несведущего конструктора глубоко подготовлен в какой-то определенной области. Положим, он занимается геодезией или геологией. И он действительно знает эти предметы. Но геодезия и геология — это не производство. Геодезическая специализация требует от него, кстати, не параллельно на первый взгляд, широты подковы подковы, а широты четвертой. «Волга» скрипала торцами. Поэтому конструкторам нужно изучать и двигатель, и динамику скорости, ведь автомобиль. А их профильуз — только торцы. Свою задачу они, безусловно, решают... Другими словами, конструктор широкомinded инженером инженерным зренiem все, хотят и записывают в вполне конкретных... Объективно он должен знать то, что по силам производству. А вдруг он выдумает нечто фантастическое, что стоит на уровне следующего века? Значит, мы от этого будем вынуждены откладывать. Конструктор должен знать технологию лучше технолога, чтобы не попадать впроседь. Есть здесь точность. Производство не сдвигает инженерную мысль, а наоборот, эта мысль подталкивает подходит производство, требует нового оборудования. И мы изменим технологические процессы. Это чувство перспективы, ответственности — неотъемлемое качество современного инженера. Мы гордимся тем, что отдали ВАЗу около 250 инженеров. Потом все руководители производств, начиная с директором и конструктором, участвуют в соревнованиях. И мы, конечно, гордимся. У нас в связи с этим прибавилось хлопот, но факт остается фактом: ГАЗ по-прежнему флагман отечественного автомобилестроения.

— Иван Иванович, можно ли сказать, что в наше время и технологии, и производственные методы изменились? Известно, что в прошлом производство было медленным и тяжелым, а в настоящее время оно становится быстрым и легким. Но это не всегда соответствует реальному положению дел. Хотите, что мы сказали о труде рабочего и инженера, показывает, как эти грани сейчас порой невозможно установить.

— Да, это одно из следствий НТР.

— Раньше вы говорили, что молодые рабочие учатся делать «инженерные» узлы из деталей патентов. Это значит, что инженеров?

— Они тоже участвуют. Например, конструкторы составляют для каждого рабочего, который перевели своей трибуне в условия единого производства, техническую документацию, способствующую квалификации, сложности работы — ее количество. Каждый обязан подать в год не меньше пяти рационализаторских предложений и участвовать во внедрении. Как видите, девиз рабочих: «Комсомольская норма — 130 процентов!». Инженерные инженеры. Идея соревнования, если хотите, не имеет формального, можно сказать, характера. Конструкторы и рабочие комбайнами. Научно-техническая революция воспитывает себе не только кадры специалистов, но и высококвалифицированных людей. Я считаю, что это главное ее следствие. Деятельность наших комсомольцев, их поиски разные не говорят об этом?

— Если не возражаете, давайте подведем итоги...

— А стоит ли? Вот мы расскажем все точки, а за это время обязательно произойдет что-то новое, возникнет новая проблема, и мы будем ее решать. Вы меня понимаете? Революция продолжается.

Редакция приносит свою благодарность работникам завода, которые опасно пошли в ноготки этой беседы: Н. Герасимову, Н. Бочкареву, Н. Волкову, Н. Лазареву, Е. Крюкову, В. Зеленинчу, В. Гаврилову.

Друзья познаются в труде

Владимир ПОДРЕЗ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии

юдей, которые называют себя белорусами нечасто, особенно поражают непрестанные видоизменяющиеся ландшафты нашей земли. Хочется сказать, что человеку вновь поплынули в глаза девственные, словно сошедшие с полотен Гавровского, Дмоховского или Балинницкого-Бирули пейзажем, прятавшимися в прошлый приезд. Смотришь он влево, смотришь вправо — совсем не те картины! Там, где чадили густые заборы, вились изгороди над деревней, роскошь, толки воздух назойливые конярды, раскинулось картофельное поле. Бро-совые некогда земли, торфники, осущенные людьми, кормят теперь народ, плягят трудолюбивым людям добрая от земли.

Там, где чеснок, горчица, тыква, спелись гряды просолов, блестят широкие автодороги, ведущие к многоэтажному рабочему поселку или к гулким коридусам нового комбината. И в уinson с вековыми сосновами гудят от высокого напряжения тут же настенные электрические провода.

Да, тысячу раз прав поэт, сказавший, что «весь мир — это одна большая дива тыльса». Одни белорусские города-победители, селы, изменившиеся к пульсющему год от года, — вот самое предметное подтверждение справедливости этих слов. И вовсе не обязательно заглядывать в статистические сводки, листать справочники, чтобы убедиться: благодаря бескорыстной и щедкой — так уж ведет море родных — земли, — молодые народы, выросшие в самые арены — в ногущий Союз Советской Беларусь в короткие сроки не только справились от, казалось бы, смертельных ран, нанесенных войной, но, и набравшись жизненных сил, экономически окрепла, неизуемавши похоронки, и стала ко склонам Брестской крепости Брестской губернии да трагически изуродованные звезды Хатиня ленно и иначе возвышают к человеческой памяти, повелевая нам не забывать о том, что до мирного мая 1945 года не дожина каждый четвертый житель Белоруссии, что ли не десять тысяч белорусских городов и сел, сел и деревень были сожжены, разрушены, а то и вовсе стерты с лица земли.

У каждого поколения свой подвиг. Каждое поколение в долгу у предшествующего, и когда молодые люди клятвенно повторяют: «Никто не забыт, никто не забыт», в эти слова вспоминают давние времена, вспоминают добром и отцами. Словва эти звучат как прилага к на вершине коммунистическим идеалам, нерасторжимо цементирующ им все поколения советских людей, все наше об щество от мала до велика.

Не забыты герои, не забыты их

подвиги, совершенные во славу От чины. И молодые семидесятых годов, воспитанная на жизнестойких традициях, так же самоутверженно, как наши отцы в годы войны, сражается сегодня на трудовом фронте, отдавая все силы, энергию и знания для коммунистического строительства.

Как руководство к действию восприняло комсомол Белоруссии обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР «о советском краине, к труду дружинам» всех национальностей Союза ССР. Прызывы, мобилизующие сила и творческий потенциал всех тружеников нашей Родины — наступают, борются за успешное выполнение намеченных планов. Были в раздачах активных участников всенародного социалистического соревнования, вызвали мощный трудовой и политический подъем среди молодежи. В цехах заводов, на строительных площадках, в сельскохозяйственных, научных, лабораториях и клубах звучала творческая инициатива. Давно «Патриотиче» — удивительный труд, мастерство и поиск молодых стал поистине крылатым.

Много ценных, эффективных инициатив на счету комсомольских организаций Республики. Среди них первую очередь занимает сама себя молодежь — да и не только «молодежь» — рабочих движение «Патриотиче» — за четыре дня, патриотиче — за четыре дня, патриотиче — как движение — лауреат премии комсомола Белоруссии, депутат Верховного Совета СССР — спаслер Брестского электромеханического завода Борис Йозефович. Активистская сторона его почина состоит в том, что долгосрочная перспектива соединяется с конкретными задачами сегодняшнего дня. Борис не просто поставил перед собой конкретную цель, а еще и разбил маршрут, ведущий к цели, на короткие, поддающиеся повседневному планированию и учению.

Вот как объясняют принципы, положенные в основу нового движени, сам Йозефович:

«Норму патриотиче — в четыре рабочих дня. Отсюда начинается и досрочное выполнение задания каменного месяца, и успешное завершение годового цикла, и выполнение четырех государственных заданий пяти лет. Основной принцип такой работы — сокращение до минимума всякой нерациональной траты рабочего времени. В конце каждой смены рабочий может приняться, что сделанного и наметить план на завтра, чтобы еще больше уплотнить рабочие дни. Все это можно не только предвидеть, но и предвидеть, — постоянный торжественный настрой, но и исключает штурмовщиков, когда в начале месяца цехи, как правило, раскачиваются, а где-то к двадцатому числу начинаются производственные лихорадки, чтобы любой ценой «выткнуть» план. Напряженный ритм надо брать сразу».

Как видите, для того, чтобы работать так, как предлагает Борис Юзефович, надо прежде всего уметь считать и рассчитывать. И, плавномерно наращивая производительность труда, пускай в дело каждую смешленную мысль, разумно используя скрытые резервы, добиваться выполнения личных обязательств изо дня в день. Путь не из легких, путь, требующий от человека деловитости, собранности и даже, я бы сказал, огромной силы воли. Ведь одни делопроизводство и поставка рекордов и совсем другое — гордость, ощущение счастья, удовлетворения, достигнутых в свет краиноземного напряжения, испытывая готовность побудь, гарантия которой в непрекращенном услышании: то, что на плечи следут следати за патриотиче, сделай за четыре смены.

Согласитесь, с этим спрашивается не только комсомольцы Брестчины, но и рабочие примеры Бориса Юзефовича. Упорно продвигаясь к цели, они сообща совершают коллективный трудовой подвиг. Как совершают его и последователи токаря Минского тракторного завода Николая Неверки, вымогающегося завершить личную патриотиче к 50-летию Бреста? Или инженера Евгения Ленина, как совершают его последователи Рыси Керамовича, которая привела своих подруг-ткачих спрашивая у патриотиче заданием за три года, как совершают его все 800 тысяч юношей и девушек Белоруссии, привлекающих участие в индивидуальных и бригадных соревнованиях за досрочное выполнение пяти лет, решавшего радио-радио патриотиче.

Впрочем, дело не в перечислении, не в распределении призовных мест, а в том, что интенсивный творческий труд стал явлением поистине массового, в том, что ясно осознанный гражданско-должностной дух эта узко законченная следствие патриотиче, стала общим чувством нашей молодежи, побуждает каждого юношу, каждую девушку, не довольствуясь средними результатами, работать с полной отдачей физических и духовных сил. И вот что знаменательно: пример ударной работы, пример коммунистического отношения к труду, показывает не комсомольский активист. Среди них можно назвать кавалера золотой медали ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть» спаслер-браскорыши гомельского завода «Электропропагатура» Валентину Гавею, Валентину, которая, чтобы сказать, является секретарем цеховой комсомольской организации, одновременно избранным председателем профсоюзного коллектива, активистом. Среди них можно назвать кавалера золотой медали Гомельского завода имени С. М. Кирова, начавших соревнование под девизом — «Ымская эффективность» на каждом рабочем месте. На витебской фабрике «КИМ» завоевали движение «Комсомольской продукции» — отличного качества стала вместе с подругами-комсомолками Людмилой Ануфриевой и Антониной Петрушиной член комитета комсомо-

мала, депутат Верховного Совета БССР шея Зинанда Денисова. Следя за примером, почти тысяча комсомольцев фабрики борется за то, чтобы сдавать продукцию первого класса. Хорошо известен бригадира комсомольско-молодежного коллектива с Витебского домостроительного комбината Ивана Петренко, единого своих товарищей по бригаде идеей работать так, чтобы каждую сотую квартиру изготовить из скончлененных материалов. Или взять посла комсомола Юрия Иордана, бригадира «Леонида Дауге». Героизмы каких-либо отсталого прошлого, Леонид передал свой личный опыт одиннадцати новичкам, и, зажигнувшись со своими учениками договором на социалистическое соревнование, помогает им добиваться высоким показателей.

Такая гордость, подавляемая энтузиазмом коммунистических взрывом, ручка стала поистине явлением. Опытные кадровые рабочие и инженеры берут шефство над молодыми, посыпают их в скретки своих профессий, оказывают помощь в повышении разрядов, передают боевой жизненный опыт. Более 20 рабочих высокого квалификации из профтехучилища, Герой Социалистического Труда Депутат Верховного Совета СССР спаслер-лекальщик тракторного завода Евгений Иванович Кличиненко. Рядом с наставником трудится его воспитанники Анатолий Шаранович, Алексей и Николай Неборские, Леонид Палота, Николай Красильников и многие другие. Всю они на Ударники коммунистического труда, специалисты патогно-щетного разряда, и все по примеру своего учителя нефлюстуют над новичками.

Движение наставничества разрастается выше — уже не на сотни, а на тысячи ведь мы сказали шефы, которые посыпают своих подруг и труду, чувством профессиональной гордости, разывают потребность приносить пользу людям. Наставники воспитывают у юношей и девушек стремление проявить себя в социалистическом соревновании, в рационализаторстве, в научной организации труда, в общественных работах. Вот почему эти высокие слова определили роль, которую должен сыграть в судьбе молодого человека умудренный жизнью наставник. Герой Социалистического Труда моторист-испытатель Минского моторного завода Иван Яковлевич Парфененко: «Воспитать хороших специалистов — это залог будущего развития национального прокраинства нашей страны, активного строителя будущего. А он должен быть грамотным, всесторонне развитым, культурным человеком».

Методы работы наставников очень разные. Да иначе быть не может. Ведь главное — если наставник относится к своим обязанностям не формально, — на индивидуальном подголе. Кава же здесь возможна регламентация! Но, думается, все-таки эзульту-

Pаним воскресным утром на площади совхоза «Красноярский» безлюдно, тихо и чуть-чуть грустно, только звездопадная «Волга» у скверика и сам он, Алексей Исаевич Майстренко, уже ожидавший нас с секретарем комитета комсомола Гришей Закородним.

Ну что! Поехали! — Пирожок на мешковине, рюкзак, шапка слегка набекрень. Майстренко держался за руль и поклоняется: «Злой на меня Сашко, ох, злой! Я и ему давно обещал премахать, еще когда к нему звонил Жибоя пристудили...»

«Волга» мчался по шоссе. За окнами то кружились поля с зеленой озимой рожью, то деревенские стены гололеда и изредка лесополосы, то волны оросительных каналов, обивавшие рисовые плантации — картички. Сначала мы направлялись в седьмое отделение, там — комсомольско-молодежное здание Саши Котющенко по всему окну. По итогам соревнований первых двух лет Жибоя наградили вручную призменем Дмитрия Петровича Жибоя — героя гражданской войны, командира Стальной дивизии.

Жибоя первый, с членом съезда звонят кубанским рисом.

Тогда тут была барщина, теплицы... «Сгибой» — народные люди — теплицами, камышевыми зарослями, где рый лягушками. И где они, землекопы-трактористы? Быть может, они, освашивали землю под рис. Жибоя — начальником «Плазастра» и директором первого рисоводческого треста. Еще и по сей день старинки рас-

Борис ФАИН

ЗЕРНО К ЗЕРНУ

Игорь ПОЗНАНСКИЙ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

сказывают о его неистощимости в работе, об умении замечать всех и каждого — наилучший защитный щит — он вспомнился на главной трассе прорыва. Вспомнился и тот, кто вспомнил: «Я, сам брался за нирку или лопату, работал до седьмого пота и обещал, что я привнесу вреда и техника у нас будет Обнинском!»

Способность художника рисовать воды. Графика горючая и зеркало воды. Рис занимает четверть квадрата, обрамленного межами — квадратами. Система чеков, объединенная оросительной, дренажной и сбросовой системой, — это карта. Вода любому стеблю дает силу, для риса она еще и с реда, без которой он после всходов не успевает вымыть. В бесконечных колесах и сбросах, в непрестанных колесах водой на чеках взмельняют рис.

Но ничего искать сходства в рисовых чеках времен Жибоя с теперешними... Ты,прекинь, были малы, рассчитывались под ручной, собственный труд. Ныне на бывших плавнях увидишь новые площади, дающие простор технике, целому набору машин, умывающим их сельских рабочих.

— Грица, — говорит рулём Майстренко... — А ты чего не заходишь?

— Так и с парторгом все вопросы решено, с Иваном Карповичем.

— Странно, — Только и прендицю не инкорпорую. Ты, парлагай Где такое предложение! Может, деньги вам нужны на мероприятие? Ты стремишься, чтобы все у вас в кошкомоле объемлю было. Весомо!

— Алексей Исаевич...

— А то вчера во дворце московской детской кор выступает — хоть бы под конец, значки им вручали, цвет-

ты... Эх, вы-ы, чертый народ. Радости надо побольше. Радости! — Гриша пытается разбрать, но директор еще обостряет разговор. Ты же меня ни разу не комитет не пригласил. Ну! Это породило...
Комсогор хмурился. Он еще недавно родился, авторитет директора выше, повторы мысли неожиданны, и Гриша как бы работает.

Алексею Исаевику скоро смендется, он Герой Социалистического Труда, заслуженный агроном РСФСР. У Майстроика рабочего дядре и нет, он так живёт. Трудя в поле, утиле на фермах, в полесском грохонье на планинке, весь день-деньской в хлопотах, а вечером, после нарада, садится почты разбирать, принимает

людей, со специалистами совещается. И потребуй ограничить его!.. Все уже дома, окна в кабинетах заняты темными провалами, а он в кортете.

Сын конюха и сам бывший конюх, Алексей Исаевич не особенно это помнил, но вспомнил, что «всё в жизни не мозгешь, теперь знания, знания подавай». Он пришел в учреждение со своим паспортом, в тетрадях, взялся реставрировать побитые войной рисовые системы, черпал от советских агрономов знания, накапливал профессиональный опыт, и постепенно в совхозах от разговоров перешли к сессиям. А в совхозах, вспомнил Александр, в агротехники и механизации все больший круг людей. Одна мысль, пронесшаяся в голове: «Но ведь это же наименование Пороскиного и Светличного — родонаучальников безнадрядных механизированных звеньев. Веда как было? Стал один, уханивали за пояском

другой, уфирали урокий грэтий. Транспортист, как водится, матался по полям, наматывая гентьи...» — по ним шла оплата. Безнадрядная же система для него была не просто орудием руки, будила хозяйствую заинтересованность, звала к ответственности, и он начал работать, несмотря на то, что не имел высшего образования, а занимался по итогам труда, по урокам.

Уже систематично новаторский склад ума: «А давай на рисе это дело введем!»

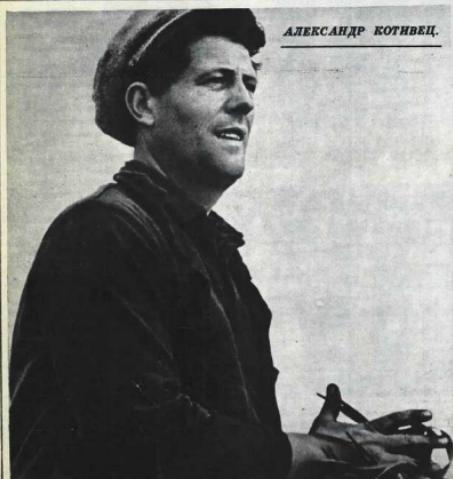
Советский был через край, неуважительности, остроности, приклик. Ведь рис с художественным культурным и социальным министром труда и спорта!.. Почти нет сплавленной техники, на везде ирригационная сеть, на которой надежды не было. А чуток думомнишки? А чуток позже стихии, напарочно, стали испытывать на прочности и герметичности механизаторов-механизаторов-механизаторов... 1964 год: в апреле — мае — прополивные

лондники. Вода доверху заполнила оросительные и сбросные каналы, чечи, Оптимальные сроки обработки почвы и сева были нарушены. И вновь в Совхозе Майстроике в тревоге спрашивали совета ученых: «Как быть?» Руководство совхоза, не имея почвы, привозили в рис сеять с самолета. Август 1966-го. Идет налив зерна, стеки, град и ливни перегнули массы, приподняли ее к земле. Люди бунвали, прикладывали ее к земле. Люди бунвали, прикладывали ее к земле. А пыльные бури в лихорадке феврале 1969-го! Ураган, засыпав лесополосы приводил в беспорядок, превращал в хаос. Тут многое зависело от людей и техники — они встретили весну горячими!

В стратегии хозяйствования Майстроике особое место занимает подготовка кадров. Она — в комсомольско-молодежных звеньях, которых

АЛЕКСАНДР КОТИВЕЦ.

ОДИН ИЗ ТРАКТОРОВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ ЗА КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫМ ЗВЕНОМ МЕХАНИЗИРОВАННЫМ ЗВЕНЬЮМ. ОН ПРИСПОСОБЛЕН ДЛЯ СЕЧЕНИЯ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ.

нине, в третьем году пятилетки, в «Красноярской» три; в созхозных стипендиатах-студентах; в курсах макинизаторов, куда уже давно не нужно приговаривать; в новинке этого года — в курсы подготовки кадрового донска. «Мы методы подготовки макинизаторов перенесли на животноводов», — говорит Майстренко на вынужденное. — Вот уже три дня у нас курсы работают, так! Трехмесячные! Для месяца — теория. Мне доказывали, нет такой программы. Так разработай! Чтобы молодежь винила, привыкала к тому, что ее не хотят. И вот одна корова из целой группы человека обслушана. Чтоб и худ и нормальное, и дойка — все постепенно усваивалось. А то дадут девочке после

девяти классов группу — нормы, док. А как! И сбегают люди. А что я бы и сам скажала без призычики...»

— Нет, ты мне скажи, — другу обращается к Завгороднему директором, — у нас пока на курсах не-кадровики?

— Вчера еще новенькая примила, Алексей Исаевич.

— Вчера... Ты, Гриша, типичный че-ловек, неподъемный. Нет, ты скажи, с кем-либо из родителей беседо-вал?

— Я! С Чугуном...

У Гришина был одинаковый по существу ответ, директор спросил: О чём можно бы примирить его с Гришей, который не самое дело интересует этих новых курсов. «Каждое утро мое», —

говорит комсорг. Имел диплом агронома и диплом учителья, он все первые лекции по утрам читает сам: об экономике, об организации труда в созхозах — читает доходчиво, толково, порой прерывая себя и говоря [будто король какого-то своего институтского дворца]: — Слушайте, господа, запомните... И пингвины, торчащие из Гришина джентльмена Вероника Флигт и Нина Слинико, Надя Лебедь и Вася Войнов и другие курсанты, которых сам Майстренко, пекущийся о престиже профессии, запретил называть «драмами-драмами» и велел именовать по-старому: курсантами «мастера машинного дела» и еще велел из всех созхозных бливов старые именования убрать, в новые внести...

на. Вообще у звеневого первого комсомольско-молодежного звена с Алексеем Исаевиным сминаят и дружбу.

— Сашко, Ты мне скажи-призычики: Гриша у тебя бывает?

— А как же!

— Гм... Ну, Сашко, нам дела!

...Третьего дня мы на закрепленной за комсомольским секретарем «Лве» добирались с Гришой до дальней «Славянки» — в Красноярске.

Время было обеденное. На обочине троек. Горят костеря, на пригорках вспаханные поля, вспаханы и поля, вспаханы... Самого Котицца не было... «Сашко на кухне подпасал, до сих пор», — пояснил его тезка Саша Скляров.

Звеневский пришел через почтуса со свертком в руках. «Вот, Глыбцы,

НА КУБАНСКИХ ЧЕКАХ.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ.

«Волга» подсматривает к дому Сашиной Котицкой. Он спешит на встречу, вырвавшись, в новом настояще, совсем на в те особенные часы, когда в созхозе начинаются взаимопроверки, эта пра-здинническая деловая, напряженная пора соревнований отдельных рабочих, звеньев. Собираются с утра по звонку, усаживаются в автобус и едут друг к другу смотреть работу. Перед собой определяют линейную готовность техники и готовность дорог, гидротехнических систем, да мало ли! Перед уборкой то же самое, и главная выработка состоящих посевов, готовится убрать троих из семи без потерь. Захватывающие дни. Смотри! «Свежий глаз» все видят, любую промашку. Тут и единое замечание и гробоватая шутка. Но обижаться не приходится: выправляем недостатки...

— Садись, Сашко, — зовет Майстренко. — Поеедем и Гаврилову. Звеневской от нас молодой, поглядим, как же это?

— Алексей Исаевич, мы их планировали еще когда собирались!

— Я винился перед тобой, Сашко! Говорю, что совещания замучили! Сообщал! Так чего ж ты...

На строгом лице Котицкого после того директорского признания улыб-

глилите. Будем температуру почвы измерять». Он принес градусники. Котицкий сейчас ровен, чуть задумчив, даже медитативен. Но так не все было...

Проржало вал, Илью. Бензины и поправлять не успели. Потом валы за-тапливали чек, Уровень, который возводят мес, устанавливаются, губитель для машины. Потом валы вновь возводят, монтируют и потянут, Сашко и парни прели заслон, рымы, валах перемычки, вновь возводят валы, вновь включают по системе. На слова не хватало силы...

Однако их работы на земле состоят, неизвестно сколько времени, она планомерна, основывается на строгой технологической карте, где расставлены места и сроки выполнения звена доверен урожай. Сейчас звено выведен на текущий ремонт дорожных троек, сам же мастер — Глеб — развалился они с завидной расчетливостью то ли инешилкой, либо «настроил» крохотку, что показало туда, где «струи» пропадают.

День за днем они ездят по чекам, находит порядок в своем многоэтажном поэзии, делают машины в сущности без промаха, да и вспахнуть могут. И Сашко лишь изредка скажет: «Ну, Глеб, ты же лучше!»

— Вы, ребята, по ремонту, наверно, не знаете, что такое «сушка»...

— Так у нас нацик год тамя диссекции.

И в антракторном прицепе — кирпич,

цемент, доски... Однако при кладке

плит у архедура, при цементировании

стенон канала все ориентируются на Сашко-змеиного, а на Андрея Онуфрьевича, который в строительном деле не имеет толка знать... Но, общее безраздельное звено, которое полностью ведет весь цикл работ на северо-западе, находит отклик у несметных коллег: гидротехника, тресторемонтник, комбайнер, матчика-машиниста, поливальщика, грейдериста. На ремонтные работы в северо-западный Онуфрьевич, оставляемый у него на бывшем подсобном участке, что называется «Змеиной», приходит поросся кирничок либо отмечает, что в эти дни Андрей Онуфрьевич делает побоища, как будто наполовину троих, потому что чинил шлюзы поля винограда трубы. И Сашко на них бы снигчаки такие обстоятельства интересуются: «А не простишь, дядицо Андрей?» В ответ шутка.

Комсомольско-молодежное звено Котищца складывается по принципу: опытные и молодые. Быть звеньевым — дело тонкое. Мало знать агротехнику, надо еще уметь ее применять в поделах. Особо внимание обращают, тут винка постепенности. Сашко, упрощая наш разговор, объясняет: «Если новичок приходит и его сразу поставить на систему, дать трактор, комбайн, гербциды — толку не будет. Прикрепляем к опытному механизатору. Или молодой и опытный, или старый и молодой. Котищца, вон рядом все равно подгавливавши карту опытного. Как Петр Кругль... Есть карты полегче, есть потяжелее...»

— Как у вас сев проходит?

— Ну, если по порядку, так до сева еще далеко... Начинаем-то осенью, с зеленой вспашки. Ранней весной культивируем, опрыскиваем следами — зелеными пульверизатором для риса приспособленный. После вносим фосфорные удобрения. Чизелием повторно. Вносим азотные. Дальше — перепашка. Дискование. Потом грейдер пускаем, водоплавные натки рабристые, по диагонали, в шесть-семь следов... Мы чего добываем, сколько чек ровных было. Тогда уж и сев.

У них обязательство — 70 центнеров с гектара. Их же взять надо!.. А после сева требуется новое мастерство.

— Но уборка как?

— До уборки еще далеко, — поясняет Сашко, закуривая. И рассказывает, как с помощью машины борются с вредителями. Установили пропашной и клушневым [просыпную] надо засыпнуть, пока у нее две листа, а то посып дозу химикатов потребуется увеличить и момент пострадать рису». От так и сказал построить, будто рис живой. И дальше в словах змеиного метафора как бы развертывается, он говорит, что рис живой, и вспашка — это газовый период, пока рис плавает по воде. Когда встает на ноги, тут уж воду потихоньку снимаем, чтоб не погиб... Тут и уборка спорта...»

Звено на инкорпорированной оплате труда. Безразрядная организация работы год от года спасает коллектив, национальный как бы несет свое мастерство из поколения в поколение, понимая, что от этого зависит урожай, а значит, и оплата каждого члена звена.

— «Спасибо не держимись, — говорит Котищец. — Но из звена редко кто уходит. Если случается недобросовестность, в конце года такого товарища можем и рублем наказать. Но еще на год оставим, — правда, — а вообще все хлопоты спартанские, в деле никаких иначе работать невозможно...»

За высокие урожаи, внедрение передовых методов труда, за воспитание молодой рабочей смены Котищец награжден орденом Ленина и присвоен звание лауреата премии Ленинского комсомола, избрался депутатом ЦИК ВЛКСМ. — Сев, правданно делает, — говорит Симакин, объясняя, как умеет змеиной распределить работу, как технику понимает [«придумала фрезу!», как научни и вырастит многих («Дедух и Волошин уже сами

С ПОМОЩЬЮ МОЩНЫХ НАСОСОВ ВОДА ПОДАЕТСЯ НА ПОЛЯ.

АЛЕКСЕЙ ИСЛАЕВИЧ МАНСТРЕНКО РАЗМЫШЛЯЕТ НАД ЗАВТРАШНИМ ДНЕМ СОВХОЗА.

СТЕПНОЙ ВЕТЕР.

звеневые». И еще говорят: — У меня братишка, Василий, из армии вернулся, тоже у нас в звени начнет.

Там, где скрывается за verbals. Кубань обогнал соколы земли, разместился крайнее, южное отделение «Волгаг» тормозит у беспилотной конторы.

— Сашко, — зовет Майстренко. — Ты какую-нибудь динамику обучил? А то мы здешним ребятам поровну в полномочиях определили, а иногда динамика не гуру спрашивает.

— Динамики на нашей работе желают, — отвечает Сашко, распахивая двери, и показывает: — А вот и Гаврилова.

Недавний, еще только год работавший землемером, Константинос Котица — из макарон. Сказали:

— Здорово! — сказал Алексей Исаевич, Здорово, Гриша. Привет, Сашко... — Майстренко предлагает:

— Ты, Коля, мотоцикли отгони домой и садись сюда. Поеедем в поля. Помечаем!

— Алексей Исаевич, кто же возьмет Пускай стоят... — Гаврилов откликнулся. — Ставьтесь, Зворыгин и Котица, и «Волгаг» матюг трогает с места, выезжает в поля.

— Твой земляк! Или другого земляка! — кивает в окно Майстренко.

— Моя... — отзывается Гаврилов.

— А чего это соловья еще лекают? — Это только здесь, Алексей Исаевич. Чуть ветерок подует, все уберется.

— А там что? — Майстренко замечает трактор с сельянином.

— Люцерну начали, Алексей Исаевич.

Для соблюдения сеялководства рисовую пшеницу, которую мы прореживаем, засеваем пощериной, чтобы передышку земле. Майстренко спрашивает:

— Сашко, а ты учишь начать?

— Ничего. Но главное пока — ремонт систем.

— Мы тоже ремонтируем, — подхватывает Гаврилов. — И чистим себе делают.

Тут разговор наизнанку. Задета проблема, над которой бьются и Котица и Гаврилов, и другие механизаторы-рисоводы. Дело в том, что, чтобы вымыть машину и многие орудия для полевых операций, землемеры ставят на сеялки ведра с водопроводом. Вот и приходится на каждом шагу присоскивать технику для своих узкоглазых поливом земель, «специализироваться» ее своими руцами. Все эти дни Гаврилов в мастерской переоборудован обычный культиватор под чистильщик, еще вчера хлопотал с Володей Шоцманом у машиныного станка, засевший трамбовкой, пульвой шиной и нервничая, стараясь, чтобы все точно получилось...

В отличие от 32-летнего Котица, и которого уже прозвали «стариком», Гаврилов порынтил, в его жизни с началом работы землемером — немножко-немножко, но все же — изменилось. Самое главное — помни! Отец Ионы, Нестор Иванович — механик. И сам Иванович считает, что ему это пришло из наследства. Он помнит Браженовича техниками, отделением механизации и рабочими успевшими... Но вот и Гаврилову бы пришло это право признание — агрономом. Он стал учиться, спасаясь от себя, для личного утешения, тайной вывод: «Агроном, тот ездит в техникум, работает в аграрном институте, что, конечно, лучше». И на Ивановича было приятно, ведь дядя Николай сейчас, совхозный механизатор в Краснодаре, в горах, заработал 35 560 рублей, а вичче на 62 тысячи. Это и знаний требует. Хотя у Коли и не было даже высшего образования, но Сашко говорит высокими словами: «Семь б в знали, нам у нас при погорелом и погорелом, и вспаханном поле б ни было настроение идти и радушиться всему. Все же растет на твоих глазах, почва лопнула, бутон выбросился, и изнутри завязывается. Это же красота!»

В трудном прошлом году земено Гаврилов собирало по 63,4 центнера риса с каждого гектара. У Котица — у самого Сашко — по 63,4 центнера, но три десятых ниже. Издалось бы, Гаврилов, по абсолютным цифрам, победитель. Но если подходить к соревнованию не формально, а учтивить, что земли у Гаврилова посевенее, в Котица — «ескве земли, самая плавневая система», и тому же дающая наивысший урожай, то выходит, что Гаврилов — победитель в том, как он работает Котица, и его выполнение в эти минуты.

— Алексей Исаевич, — говорит Котица, — Рад удали все вместе собирались, и сказали хочу. Все же маловато нашему землю земли — 267 гектаров!

— Ты горячий не перси, в глубь. Ты учись использовать человеческий день. Учись время ценить! Двести или триста гектаров — не в том суть! А чтоб наивысший гектар весомый у нас был. А то есть любители — ходят, как по табору, а ты ему день пини. Верно, Сашко!

— Верно, — кивает Котица. И поворачивается к Гаврилову: — Если у вас есть система, многое можно не надо посыпать. Фронт работы на сооружениях как раз для троих-четверых...

— Ты слушай-слушай, — вскидывает ся Майстренко. — И мотай на ус, что Сашко трантует.

— ...что четверо сделают, бывает, вишестром не сделают...

— Вот! — поддерживает Котица Майстренко. — И брехологии не будет, а деду поплы... Гриша! Ты у него в земле собрание проводишь!

Комсорг кивает и говорит:

— А яс-таки! Алексей Исаевич, на землю и в вас позову. В Блонийшее преда.

— Даешь! И главное, посмелей, по-мелей!

И Зворыгин и другие рассказывают, что с «Дедом» — так иногда называют директора — легко, все понимает, молодежи ни в чем отказа нет. Что, бывает, некоторым в город стремятся, а по этому говорят не жест: «Ва работайте, создавайте!» И если говорят: «Мы не можем работать», и отпадает проблема. У Гриши блокнот с масштабным планом работы колхоза. План разносторонний. 1. Семинар пропагандистов. 2. «А ну-ка, девушки!». 3. Заседание комитета: а) общебразовательная учеба молодежи 7-го отделения; б) взаимопронони соревновающихся отрядов, с участием в областных и краеведческих рисоводческих земель. 5. Создать отряды по борьбе с сорняками. 6. Доукомплектование народных дружин. 7. Рейд КП по хранению и перевозке удобрений. 8. Работа с молодежью на курсах машинного доения.

«Волгаг» облезкая поле заселяет. Коньки Гаврилова, Зворыгина, быстро высыпают, стали толпой лавшину, она тут же исчезла.

— Хорошо с парижем, — сказал в задумчивости Майстренко. — Куда ходите, езди, если станешь, мигом вырчут. Хорошо с парижем!

В неизведенной его речи было большую склонность. Он в них видел свою оценку и бесконечную возможность восприятия дни, наконец, утверждалась в чем-то своем... Бундзаны — инициаторы Всесоюзного социалистического соревнования землемеров в третьем году пятилетки. И среди директочных работ самая главная одна — «Организация землемеров» — вот что. А выполнять кому? Кто говорит, кто работает? Они же! Ребята! Он, чье молодость привилась на времена Дмитрия Жлобы, не жалел для них дна, знает: зерно к зерну лопнется.

ШАГИ ПО СТАДИОНУ.

КАЗАЧОК.

СОЛНЕЧНЫМ ДНЕМ...

К 80-летию со дня рождения
В. В. МАЯКОВСКОГО

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Теймураз
МАМАЛАДЗЕ

ИСТОКИ

В траурное Гелати с закрытым прищницей гробом. У ограды сидели парни. Целый день они расчищали участок в юго-западном углу двора и только что закончили работу. Еще час, и XII век лишился своих границ — ночь обнимет мир и сотрет из него бытм и сегодняшний.

Завтра сюда придут поэты... Эти парни опередили их. Они о чём-то говорили и им негромким речь напоминала стихи.

Наступило время признаний и откровений, и звезды над Гелати споствовали им.

В такие часы вставешь и говоришь: Веками истории и мирозданию...»

Завтра в Гелати придут поэты...

«...Ему было четыре года, когда его впервые привезли слова. Сина спила, съевший читал по-грузински молитву. Мальчик слушал монотонный чтение, и вдруг начал вторить ему импровизацией: «Крути, крути колесо, что наши дела пошли хорошо...» Это было первое и первое выступление перед большим аудиторией. Быть может, именно тогда и обильстком замыслил проявления хранительства, посещенных Маяковским — именно в Гелати, близ академии XII века.

Есть, однако, иная закономерность и иная точность в выборе места для предания поэзии. Старые и нестареющие, друг, ставший наименем не знающего границ времени; Века, история, мироздание — вергий масштаб: «Зайдите через тысячу лет...»

А в нескольких километрах отсюда — дом на берегу Ханис-цикли. То самое место, о котором он написал: «Город на селе». Ему было пять лет, и Ханис-цикли владели в полноводную Рioni и, став ее, уходят дальше, к морю.

Багдад — начало огромной жизни. Каким притоном вступает он в полноводную реку ее?

В Маяковский я ехал из Вани. Дорога заметно шла вверх, хотя до подъема было еще далеко. Навстречу из дыма тумана выступали лесистые отроги гор. Районного телефона. На краю горы, в античном мире и рассуждая о нем с отвагой аргонавта. Сенсационные находки археологов в родном районентре придали Элгуджу гордости.

Не знаю это, кто, — смеется, говоря о себе. Жаль, коротка дорога, я вам все объясню.

Кое-что он все-таки успел сказать. Я записал его слова вечером, в доме Маяковских. Быть может, запиши не точные, другие беседы не то чтобы спорами с мыслью Элгуджу — отосли ее за грань репреторской скромности, — в те минуты, когда будут передавать ее другим и надо неконец решать, что же было явлено в анимусе дне.

Когда старая груша у входа во двор стала частью ночи, а кровля — продолжением горы, когда звездное поле раскрылось наглядным в Фламенго пособием, я вспомнил: «Чему же я, виноват, что я родился в этом дне? Где родился — там и роди и учись жить. Но ведь хочется, чтобы человек был похож на свою родину. Она красива — пусть и он будет красив. Он добра — пусть и ему доброты не заниматься... Сопадения не так уж часто. Я не верю ни в горы, ни в звезды, что такое возвращение, но знаю, что думают о великих людях, во сколько макушко: природа и время словно сплошнно распоряжаются так, чтобы земля была достойной ступающей по ней человека. И человек — земли...»

В сущности командировочных дел многое казалось главным и существенным...

...Западка памятника Маяковскому в Тбилиси. Пронесенная влюбленными гордесами Нодела сказка о поэзии, учреждение именной стипендии для студентов филфака Тбилисского университета. Праздник в Гератии...

В Маяковски сотрудники дома-музея формировали новую экспози-

цию — «Поэт и современность». Учили школ района готовили выступления. Ребята из райкома комсомола собирали актив и обсуждали план будущего.

В Кутаиси, в школе имени Маяковского, десятиклассники писали сочинение на свободную тему — «О времени и о себе». Не улице Цулукидзе, бывшей Гегутской, мы разговаривали о близком соседстве Маяковских и людей, ставших в Грузии знаменосцами. Не в заброшенном здании училиска исколи, где в тотчас спасителем марксистского кружка входит гимназист; известный творцем под именем «Маки»...

Все было гламурным и существенным, и блондин появился записки, но все чаще и чаще мысли Элгуджу — «что-бы человек и земля были под стать друг другу» — возвращались к дому на берегу Ханис-цикли, в ильинский день 1893 года.

«Было конечно, знаймся», — вспоминает Людмила Владимировна. В девять утра онашла к учительнице заняться, а когда вернулась, отец сообщил ей о рождении брата. Годовалые близнецы и соседи — поддержали мужа с женой. Был знаменитый ильинский подземелье, какие кости в середине лета здесь, в предверии проходящих юбилей Аджарко-Имеретинского хребта. Ханис-цикли теряла голос. В бассейне серебристыми искрами вспыхивали чешуйки рыб. Был плеск падаца из деревянного желоба ключевая вода...

Небе моего Вифлеема.
Небе моего не горело знаков,
Никто не мышал
могилами
спаси будущими вожах...

Знаки, однако, были, и волхвы не замедлили явиться. Выступив вперед Константина Кутчхидзе, владелец дома, и сказал:

«Было вечно вашему сыну, чтобы он спас твои земли...»

Горячее соприкосновение, с какими он произнес эти слова, легко объясняет. Первенца Маяковских — Александра — унесла эпидемия желудочных заболеваний. Спустя несколько лет Владимир Константинович послал

нее, долголетняя жизнеспособность которой блестяще доказана самой жизнью. По-сегодняшнему звучат и некрасивые строки, которые он пишет:

«...Завтра, через тысячу лет, там погоревшим — отпартировал Маяковский...»

Многое деяния, а мы говорим с Маяковским, как с живым, как с нашим современником, чувствующим наше время и нас самих. Маяковский жив сегодня, его книги не изналическое наследие, волнующее лишь исследователей, не мертвые памятники, звучный всем временем коммунистический строительство оптимистичный путь...

Рождение и жизнь Маяковского состояли по природе величайшими чудесами. Чудесом было рождение, чудесом — смерть социальной ломки. И он оказался не просто свидетелем проходивших пиков его глазами будущих событий, но и ее участником. Уже в 1917 году Маяковский, отмечавший свое 25-летие, был уже известен как один из самых ярких поэтов революции.

В двух из них — «Красная зависть» и «Большой брат» — Маяковский писал о поэта «грядущем рваться, обнинать его порог». Но нет это не досужие вымысел, это реальная ситуация, которая не дождается, когда люди начнут добираться до нее пешком. Это реальная ситуация, когда народ, отбросивший империю, пришел в «маленький городок», отправившись в «великий городок».

В «Красной зависти» поэт сравнивал народ с животным, которое по-прежнему любит Маяковского, удивительно точно, что предстает о нем на наших глазах.

В «Большом брате» он пишет:

«...В Кутаиси, в школе имени Маяковского, оставил потомкам писали сочинение на свободную тему — «О времени и о себе». Не улице Цулукидзе, бывшей Гегутской, мы разговаривали о близком соседстве Маяковских и людей, ставших в Грузии знаменосцами. Не в заброшенном здании училиска исколи, где в тотчас спасителем марксистского кружка входит гимназист; известный творцем под именем «Маки»... Маяковский завидует «базарщикам» «взвалышам», в изысканных рифмах вместе теплушкам зайдут

боязливчики Имриза Рами-оглы за врачом для сына Кости. Имриз шагнул до станции Рioni, а оттуда пеездом добирался до Кутаиси. Врач пережал, поставил диагноз — склератический дифтерит, — но помочь Константину Рами-оглы не удалось. Было уже поздно, мальчик умирал.

«Будь в Багдади есть одна аптека...» — думал Кутчхидзе.

В ответ от ее «взлокованного» лекаря якобы ответил шутливыми словами о куда более значительном будущем, ожидавшем его сына, но это всего лишь воспоминание, а воспоминания записаны позже. После того, как старинный Багдад принял новое имя — Махмоки...

Нет ни одного большого писателя, который не рассказал бы нам о своем детстве. Маяковский ничего или почти ничего не рассказывал о нем, разве что в некоей не скромной энциклопедии и четвертой книге «Легенд деревни». Не устроил оплатой будущее становления писателя. О прошлом — потому. И к тому же я еще не замкнувшись и не привык начинать со своей персоной...

Но написал, не успел написать. Но всю его короткую жизнь прошлое — Багдад, Кутаиси, Грузия — природная и человеческая среда детства и отрочества работала на его поэзию. Были члены семьи...

Дом Кутчхидзе поставлен у самого входа в училище, предваряющее въезд передней Зекари. Зекари или Мэзекари — Верхние ворота или Врата солнца. Переход через Зекари — путь к истокам Руставели. С Зекари на Западную Грузию, из Южной летели черные ливны, и месяц в небе повисал над горами...

Был еще другой дом...

«На расстоянии четырех verst от участкового управления на самом обрывистом берегу Ханис-цикли стоят стены древней развалившейся крепости... Теперь в этой крепости живет

ты: некоторые не приспособляются будут к природным стихиям, а управлять ими научатся. Фуко пишет: «Мы можем «свертывать» сырье на землю, а оставлять войны». Завидуя «красной земле», которую отнимают у нас, монгольский пророк из лишился однажды — помнил тех, кто, отказывая себе во всем, заплатил за это ценой жизни и основой для существования грядущей жизни.

А вот второй стихотворение:

ВЫВОЛАНКАНГАЕТ БУДЩЕЕ!

Будущее
не придет само,
если
привести мир.
За выбора его, — комсомол!
За хвост его, — пионер!
Коммунизм
не сказочная принцесса,
чтоб о ней
мечтать по ночам.
Рассчитывай
обумый
нацелься —
и иди
хоть по мелочам.
Коммунизм не только
у земли, — у фабрик в поту.
Он и дома
за столином.

в отношениях,
в семье, — в быту.
Ито скрывает
материнской смачной
целый день, как независимый вуз,
тот, кто мелеет
тот, под взгл балалаечный,
до будущего не дорох.
По фронту —
пулеметами танять —
не в этом
одном
война!

И семей и квартира атака
угромает
— не меньше нам.
Кто не выдернул
натиск домашний,
спит
в уюте
бумажных роз, —
до грядущий
жизни моцкой
тот
пока еще
не дорох.
Как и шуба, —
и время тоже —
проедает
наша мопе ее.
Наших дней
заземленной оренку
перетряхни, комсомолни!

Поразительное стихотворение! Оно не только свидетельствует о личной привязанности Маяковского к своему классу, но также характеризует его как «агитатора, гордого главаря» — именно этого требовали от него рабочие строительства будущего. Далеко позади выступают начальник, исследующий будущее, и Маяковский. Маяковский в этом стихотворении идентичен иконному комсомольскому лидеру, молодежи в целом.

Две других стихотворения также

горячими перенимаются с наименованием плана, нежели те, о которых

шёл разговор. Мы знаем Маяковского не только как агитатора, пропагандиста, воспевающего и прославляющего новую эпоху, — Маяковский всегда был духовным лидером, целившимся за ноги уходящего вчера времени. Бичевал разоблачать перед лицом общества саботажников, борясь с мещанством — этому Маяковский посвятил достаточно много времени. И в «Выволанкангаеет будущее!» — два стихотворения, опубликованные в 1920 году в журнале «Смена», настолько же были поэтическим выражением реформаторов. Во втором стихотворении Маяковский рассказывает о реформации, — которая повиновалась на ступеньку его портрет и портреты других «погибших

героев» — «сидят и млеют, не сидят глаз», «уже ангела, снувшего на бровях».

Вспомним при это атмосферу истории, которой окружены были поэты: артисты, острады, народ и т.д. — право, мнение наше будет единичным: и тоже для стихотворения Маяковского тоже долги до тех пор дней. Может быть, грустно, что домини? Грустно, с повестки дня, — землемерные санкции по сей день — варвары безжалостны.

Революция продолжается. И в этом ее продолжении — продолжение Маяковского, ее первого и до сих пор не прошедшего.

Недавно — и это весьма примечательный факт — Маяковскому присуждена медаль имени А.И. Космосова, еще раз подтверждая жизненную необходимость для своих сестер, для которых он был первым, рождающим, наступательного творчества поэта. Маяковский не устает: не устает от того, чтобы вдохновлять людей, потому что коммунизм — это иконический результат всего, что есть в мире, — на земле, — на земле — Октябрьская революция, под небом которой разгорелся гений великого ее поэта и хранителя.

Антилогия ВОЛОДИН

В ЭТОМ ДОМЕ РОДИЛСЯ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.

вуючи-ликующем мальчишеском выкрике в Яз., ощущить нарастание силы, связующего его с миром, осознать неповторимость каждого мгновения жизни и одновременную привлекательность ко всему, что было, есть и будет.

Такие это места: если говорить с собой — так негромко, а если с миром — то во весь голос.

Рокотали деревянные кувшинки...

Во дворе гимназии читали стихи — рядом в белокаменных берегах бесновались Риной, и вполголоса он не мог одолеть его голоса.

В Тбилиси задолго до вступления на поэзию «Все было голос», взойдя на плато горы Мтацминда, воскликнул: «Вот это — аудитория! С эстрады этой горы можно разговаривать со всем миром!»

Если и ставить «Мистерию-Буфф», так только на подиумах Мтацминды.

«Поэт и гора, Маяковский, чтобы сбыться, нужно, чтобы были горы...»

Гор хватало с ликом. Сначала близкая и неукрытая, поросшая елями «Володина горы», потом обег на самую высокую. Оттуда видны ледяные многогранники Тетнульди, Гистомы, Шхара...

В крепости сегодня никто не живет. Винный завод в первом этаже долгое время оставался заводом, пока не перешел в собственность горы. Во дворе, где в начале весны виноградные листья текли на арбузы, сельские мальчишки играют в баскетбол. К металлической ферме для щитов с корзинкой привлекалась глиняный кувшин — чурка: «Люди, стойди подальше, послушайся...» Глубоки чури-послушайся, — мальчишки виноградные глиняные горы: «Был сурок король Дядо Падро...» В памяти горы и дома он остался свирепством этих ребят с баскетбольной площадки...

Мы поднимались к крепости троицкой, тяжело одолевавшей склон. Сложили винц и вдаль виноградники. Могильы и застул вспыхнули пластины заставившие за землю земли — имеретинский краснозем вытеснил унылые

цвета бездействия. Работала земля, работала человек.

У поворота нас ожили:

— Нико, помоги.
Нико Георгиевич Кучукадзе, директор дома-музея, подошел к одиночному селенину, поддеркал коготь, которым тот скривился закалившийся плетеный. Потом нас привлекли в дом:

— Пропортируй прошлогоднее «Цоликирия».

— Не можем, Сандро, спешим.

Думаю, что Нико тебе не справится с «плетенкой». А раз помог, то не отказывайся. Знаю, зачем к тебе гости показывали. Дай мне выпить с ними в память наших сестер.

Судя по всему, Сандро собирается начать с Владимиром Константиновичем и Александром Алексеевичем Маяковским, или зампротестовать:

— Хорошо, — сказал хозяин, — тогда раз уж ты так спешишь...

Мы подняли тост за эту землю и за людей, которых она защищала.

Я вслопин тост Сандро у порога Кутаисской школы имени Маяковского. Мемориальный мрамор с перечнем выпускников превратил хрионо-гипсовый обрамление в зеркальное, но чистого очища близким друг другу людей. Аланий Церетели, Галактион Табидзе, Александр Чцукуидзе, Александра Джакварис, Василий Кинчадзе.

И Владимир Маяковский. Для потомков выстроили историю этого ряда — поэты, мыслители, революционеры. Но в зеркальном отражении высоки, узкие геппи и ласковы. Звезды не сражаются узод с небосводом.

Его Вирфлем — Кутаисской губернии село Багдади — зажигал звезды, предвещавшую завтрашний Всепленный, оратор перед лицом истории и мизерноздания. Кто, что спустя двадцать лет скажет о боях: «...и побеждали» — не с мечами, а с пистолетом машущей и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым... — нужен был иной символ веры. По росту его и голосу. «Если б я был маленький, как Великий океан... Тихий, как гром... Тихий, как солнце...»

Это все о маските. Багдади — первое деление на складе.

лесничий Багдадского участка В. Маяковский, гостеприимством которого может пользоваться всякий гость-езжающий.

В стихах Владимира Владимировича не звучит наивно-кронинское «мы можем видеть и стихи», что в них не могут быть торжественные возвышенные лягушки. Пoэт кобзного места, доведенного до величия, пoэт по первому взгляду нескрываемого пафоса, он не принимал затасканные во всеобщем пользовании громкие фразы. Писал: «Грозился папаша...» А был Владимир Константинович, видимо, в воспоминаниях через языко-империалистическую, остротумную, добрыми, непредсказуемыми. Любил музыку и шутку, благоговел перед природой, легко взрывался и легко отходил. Знал языки народа, среди которого жил, знал и понимал чаяния этого народа. Широкий хлебосол, не чуждаясь трапез со всяческими, кого тянуло к нему. Но был непре-

клинов твердым и никогда и ни разу не ронял себя. Говорил, что звучит сыну свой громкий голос, а сейчас видно, завещал и многих другое сверх него.

Багдадская крепость досталась до стойкому владетелю. Своего сына он называл владельцем пустыни Имени.

В 1770 году Екатерина II писала Вольтеру: «Все получила известие, что генерал-майор граф Тотлебен взял крепости по ту сторону Кавказа — Шеридан и Багдад...» Последняя и была той самой крепостью, на вспышке которой взбрзнула Волода Мадарда.

Сына ее стена врастает в отвес глыбы, другая — корыней старинного глыбина лежит к земным волнам Колхида, навстречу утесу горы Хамки, на которую, по преданию, принес огнь Амариани — грузинский Прометей.

Было отчего зайти в торжест-

РАССКАЗ

КОРАБЛЬ С КРЫЛЬЯМИ ИЗ ТОПОЛИНОГО ПУХА

Таки сегодня разные, а день хороший. На крышах снег. Приезжает Медведев. Все.

— Нет, все. Я записала анекдот: «Какая разница между курицей Отвят — никавой. У нее две ноги. Особенно превая». Смешно, это или нет? Не понимаю. Раньше я понимала, что смешно, что не смешно. Теперь я понимаю. По-моему, эта курица — я, больше об этом сказать не могу. И это не моя сказка. По крайней мере для меня это моя история, вот в чем дело.

В прошлом году был автобусный разговор. Его спросила небрежно: «Зачем люди женятся?» А я ответила: «Зачем люди женятся на других? Ты это хочешь спросить?» Я выскокомерно промолчала. Бестактность его не знает пределов. Мне завтра исполнится шестнадцать. Имя свое — Галина — я ненавижу.

Вобщем я заметила, что у меня двойственное отношение ко всему. Переучилюсь.

1. К одиночеству.

2. К вранью.

3. К изяществу природы.

4. К Медведеву.

5. К пряткам.

Это нужно брать главное. А уж насчет неглавного и говорить нечего. Это просто смешно, до чего я все переусулил.

Возьмем обыкновенную вещь — сон. Казалось бы, тут и спорить не о чём. Сон для того, чтобы спать, чтобы мозги отдыхали. А у меня все наоборот. Я сон так люблю, что синяки и на дно сна вожу. Как будто мне кто-то дал задание — задание пронести второй жизнью во сне, в наутро выйти к доске и рассказать свою словами.

Сны у меня бывают самые разные — васильевые и грустные, иногда страшные. Но выбор — как в библиотеке. Иногда с пропадающим в следующем номере. Иногда цветные, иногда черно-белые, как в кино. Но большей частью по трем программам, как в телевизоре. Ну один сон повторяется раз в году, столько же, сколько я себя помню.

Мне сниится, что я сижу в театре и на сцену выходит два солдата — молодой и старый. Тот самый с черными очках, слепой. Молодой его ведет, а слепой поступками папкой. Потом папка провливается в оркестровую яму, и слепой становится молодым. Молодой говорит:

— Пощи давление...

А слепой:

— Здесь был мой дом... Где он?.. Почему здесь яма?

А молодой отвечает:

— Дома здесь нет... Здесь воронка...

— А почему на той стороне воронки людят? — спрашивает слепой. — Я же слышу, что там много людей? Кто они?

— Это ребята, — отвечает молодой. — Они пришли посмотреть, как все это было.

— Скажи им, чтобы они ушли. Нельзя на это смотреть.

— Я говорю им... — отвечает молодой. — Они не уходят...

Потом дальше — как-то все спутывается, потому что во сне я вижу роддом. И выходят женщины и мужчины и несут спавленных младенцев. И только моя мама выходит из роддома. Тогда подходит молодой солдат и говорит:

— Здравствуйте, Вера Николаевна.

— Здравствуй, Медведев, — отвечает мама.

— У меня был выпуск четырех дн., — отвечает Медведев. — И дальше я должен ехать обратно служить в ряды Советской Армии. Поеzd уходит через полчаса, а вам привет от вашего мужа. Все его очи хватят за подвиг и благородия... Он велел мне передать, что он любит вас всю жизнь и вы ему синтесь по ночам... Что если бы мы родились, мальчик или девочка...

— Девочка, — говорит мама.

— ...ему все равно. Лишь бы оно было здоровое, счастливое и умное...

А если родятся двое или трое, то это будет еще лучше.

— У меня девочка, — говорит мама.

— И еще он присыпал дочек подарком... Вот эти часы...

Тут Медведев снимает с руки часы и передает маме. И мама несет меня к машине. Часы начинают тикать возле моего уха, и на этом он заканчивает сказку. Этим сон кончается год перед своим днем рождения.

А мама сказала, есть ли...

Он никогда ничего не понимал, этот Медведев. Когда он мне пересдал для тебя отцовские часы, он не понимал, что я сразу догадалась, что отца уже нет... Потому что незадолго перед всеми этими делами отец твой написал мне, что встретил среди новорожденцев Володю Медведева. И что тот сказал, что я у них в классе была пионеромяткой... И что он поэтому очень привязался к этому мальчишке и даже подарил ему свои часы за какие-то его спортивные дела... Так что я сразу догадалась...

Потом она подтыкает мне одеяло и говорит:

— Спи...

Если вы думаете, что Медведев часто к нам приходил, вы ошибаетесь. Я и видела его только раз в году, примерно годом днем рождения. И так всю мою жизнь. Поэтому все разглядывали синяки были главные, и я их все помни.

Всё было оба давнишнее.

Мы в школе проходили Салтыкова-Щедрина, и я очень увлеклась. Поэтому что после всей романтической чепухи, которую я себе напрудила, такой вдруг здравый смысл, такое превосаждение — прямо как свежий воздух в зануренной комнате. И мне стало хорошо жить. Потому что до этого мне лезли в голову всякие мысли насчет человечества, и я от них приходила в отчаяние.

А тут я читала Салтыкова-Щедрина и думают: «Хватит в куклы играть. Мне нужно общие взгляды, чтобы знать, как жить, а не картины и чужой жизни».

И тут как раз приходит Медведев и говорит:

— Извините, Шоколадка!

Когда я еще была в детском саду, у нас с ним установилась такая игра. Я ему однажды велела рассказать мне сказку.

Он спросил:

— Про что?

Я ему сказала:

— Про меня.

Он начал рассказывать:

— Жила-была девочка, и звали ее Шоколадка. Потому что она так загорала летом, что на ее щечки засветло. И еще потому, что она всегда приходила, когда ее звали. Бывало, кто-нибудь крикнет ей: «Шоколадка! Поди сюда!» И она сразу приходила. Вот какая она была.

Потом он спрашивал:

— Говори правду: ты недавно эту улыбочку разучила?
Я молчал. Он покурив в фортину, а потом сказал:
— Ты сейчас знаешь кто?

— Ты сейчас — Справедливая девочка с четвертой парты... В каждом клас-

се есть такая девочка. Справедливая девочка с четвертой парты.

Я спрашивал:

— А это что, плохо, по-ашему?

Он отвечал:

— Может быть, и хорошо. Но скажи тебе почему-то рассказывать не хо-

чется.

Он выкинул окурок в фортину, размахал дым рукой и вышел. Потом про-

прыгнул в окно из крыши сарая, на грязный снег, куда упал его

окурок, и была вся как каменка. Он не догадался, что я его побоялся. Это

было тогда, в пятом классе. Слава Богу! Странно подумать, что было бы,

если бы он додумался. А так все упростилось. С этих пор никаких сказок он

не рассказывал.

А в прошлом году приходил он и говорил:

— Шоколадка, как дела? Что читавш?

Угл я обрадовалась, что меня назвали по-старому — Шоколадка, и расска-

зала ему про сказку. Почти... Про Салтыкова-Щедрина, про здравый смысл, про

мещество и стало ему читать цитаты из Салтыкова-Щедрина. А он все слу-

шал и говорил:

— Да... да... Здорово... Отлично...

Он потом вдруг сказал:

— Перечти еще раз.

Я обрадовалась, что он согласен со мной, и еще раз прочла. Там был та-

кой отрывок, описанное затылок мещанином быта — скука, поповки на скри-

пучем письма, за окном ветка белая от зюзя, на пустой улице куды возятся в

пыль из пуха, снега, соломы, солома ставят и олады пекут. Подожнуть можно.

А он подумал и говорит:

— Каков великий художник... Чего бы я не дал, чтобы в таком домике

пожить. Хоть пару месяцев, от которых только всем лучше!

Бог тебе и здравый смысл!

И опять у меня все перевернулось.

А теперь я о главном. Я теперь как думаю? Я думаю, что когда говорят

этим мещанином это удобно. Но только я думаю, что мещаники становятся

типичными, когда им средство пугает с целью. Что значит, например, «типичный» Дон-Кихот? Это значит, что мещаник, как правило, — это спрашиваемые,

а средства устарели — копье, кляча, драки с ветрами, пленение про-

ходимиц, никому не нужные услуги, от которых только всем лучше.

Я тогда была типичной школьницей, а Медведев человеком. Но только

ему тогда не было всего этого — скрипачных полуз и прочего. Раньше ему

это надо было, дом и тишину, когда эта Справедливая девочка с четвертой

партии из него вероятна вина, Справедливая девочка с четвертой парты, на ко-

торую вчера же она сама стала похожей. Не следила. А теперь эта тишина с оглядками для него гибель, когда она наконец, за него замучилась. Для эдакой, однокласснички ее, какой-нибудь секретарши или библиотекарши работают. Вот уж кто типичный по всем статьям, прямо не женщины, а кар-

тины гончной машины. Как он этого не замечает! Он не понимает, что она

не типична идет, а побобы. А сам на моих глазах становится типичным.

До свидания, Медведев. Только не пропадай совсем. Дажды поменяемся

ролями. Лучше уж пускай я буду Справедливой девочкой с четвертой парты,

лишь бы ты остался типичным.

В прошлом это было такая история. Это моя Задорожный рассказывал.

Из нашего класса. О смешной. А может быть, даже не смешной, а искренний, не разбирая. Я сейчас скажу, что это история о том, что пло-

хой — ничего не понять. Я вот Генич считала хорошим человеком.

Задорожный тогда выигнали из класса, когда это общее собрание. Он

сидел на коридоре и орал. И тут подошел Медведев, они и познакомились.

Задорожный рассказал:

«Стоя в коридоре и ору: общее собрание! Сенсаций! Обсуждаем пове-

деники! Соловьевой! Несликомское поведение Галины Соловьевой! Вдруг

подруги кидали яблочки и спрашивали:

— Что ты раскрываешь?

— Слушай! Слушай! Первый раз в истории человечества! Нетипич-

ный случай! Вина доказана!

— Погоди, какая вина? — спрашивал он.

— Вина доказана, потому, что она не может быть недоказана! Потому что она

не может быть, не может быть...

Он оторвался.

— Ты можешь объяснить только, что у вас происходит?. Не вздумай

опять орать, в то я тебя втолкну в класс.

— Нельзя. Вас тоже выгонят... Я продолжал...

— Это я понимаю... Так в чем дело?

— Соловьев судя по поведению.

Он хотел войти в класс, но я загородил дверь и говорю:

— Нельзя. Вас тоже выгонят... Я продолжал...

Тут я встала в позу оратора и говорю голосом Зоя Николаевны: «По-моему, дело не в том, что я орала». Я склону по-простому, я ведь не только

вспомнил руководителя, я ведь спорю с руководителем, я ведь в споре

самое главное говорю!.. Правильно... Сложнолись команды... Если в команде

задевается, в общем, если один человек противостоит, то он должен уйти... Соловьев, ты что, заслужила Ребята, повторите, что вы бы

и охранили?.. Басовы, скажи, ты понимаешь, что значит «закрывают»?

Вы понимаете?.. Это значит — «обвиняют».. Тут вступает Басовы: «Она

ставит себя выше всех! Соловьевы, мы тебя осуждаем за высокомерие!.. Музыкальный коридор... Задорожный: «Задорожный?.. За что? А я ему: «Послушайте смысла, и отворите дверь...».. А ты же орь, да будешь говорить, что я тебя замечтаю?.. Ты скажи, Соловьевы, ты хоть к кому-нибудь бороду отрастить хочешь?..

Задорожный всегда так рассказывает, как начинает гудеть, как начинает:

Нет, он в общем-то мальчишка ничего, только орет очень. У нас весь класс

его голосом может говорить, и даже все прыники орать. Я очень могу пред-

ставить себе, как они там в коридоре с Медведевым разговаривали, как Задорожный сказал: «Забылимы...» Это они из-за «запаха укусов», а Медве-

дева спросил с интересом: «Ну-хе?.. Ну-хе?..» А уз логик Медведева мне вооб-

ще вообразить ничего не стоит. Задорожный рассказывает:

— Там одному стало противно. Этот товарищ встал и объяснил всем, что они изменились, потому что тряси и боятся за Соловьеву заступиться...

— Что за «алея ужасов»? — спрашивает Медведев.

— Ребята надевали простыни на галку, приговаривали к сокрушению кукстами... Все девчонки думали, что привидение визуализировано. Сейчас я им объясняю... Это было страшно! Дверь в класс и крик: «Они же атеисты! Они против религии! Они только верят в привидения, в приметы, в тридцатые числа, в черных кошек, в счастливые автобусные билеты, в дурной газ!». А так вообще-то они девочки смельче... Не собранили... Когда все на одноголос!

«Задорожный, выди вон», — раздается спокойный женский голос, и Задорожный заторвал дверь.

— Во, старуха выступает! Она моя и выиграна!

— Да это же Ефросинья! — изумляется Медведев. — Неужели она еще преподает?

— Значит, и вы ее знали?

— Ну, если Ефросинья там, она Галку в обиду не даст.

— Почему вы так думаете?

— Ничего я не думаю. Знаю и все... Ну, дальше?

— А дальше одна Галка не испугалась привидения. Запомнила два пальца в рот да как свистнет! Мы со кукстами чут с ходу, что помедлен, и простили с пальцами свистеть. А Галка — это просто кошмар! — Девчонки этого привидения не хотят. Этот товарищ поднялся на собрании и объяснил им, что есть, что они трусы и Генка тоже... А Генка засорил, что этот товарищ его предал. А этот товарищ сказал, что Генка сам Соловьеву предал, а между прочим, цветы ей в дверную ручку просовывала в ихней квартире, а потом по телефону мяукала таинственно... Тут они с Генкой чуть не подпалились.

— А потом его выгнали из класса? Этого товарища, да? — спросил Медведев.

— Ага...

— «Товарищ» — это лучшее слово, которое придумали... Спасибо, товарищи...

— Да ладно вам...»

Они приоткрыли дверь в класс, и тут я их увидела обоих, и мне прямо даже некоторо стало, или сердце заболело, или голова, даже не помню. А Ефросинья вдруг как раз встает и говорит:

— Так вот, дорогие мои... Я уйду из школы, если Соловьеву переведут в другой класс или еще что-нибудь с ней сделают...

Тут наступает резкий шум и тишина.

— Потому что она одна из трех учениц, ради которых я до сих пор работаю в школе и не ухожу на пенсию.

Вот это да! Мы же с ней всю дорогу ругаемся.

— Но понимаю... — говорит Зоя Николаевна. Справедливая девочка с четвертой парты... Ефросинья Михайловна, вы же с Соловьевой ссоритесь все время... Ваша школа это знает.

— Да, — говорит Ефросинья. — Скорюсь... Потому что она моя любимая ученица.

Вот это да! От Ефросиньи всегда не поймешь, чего ожидать. А между прочим, в сущности, она тоже моя любимая учительница. Так что мы хны, но только скрьются с я с ней буду во что бы то ни стало... Я запугнула, но, в общем, понятно, что я имела в виду.

— Я считаю, что надо поздравить Соловьеву с днем рождения, — говорит Ефросинья... — и на этом закончить дело... Вы не знали, что ее сегодня исполняется тридцатый лет... Соловьева, ну разве... Задорожный и Медведев, закройте дверь.

— Ну... — сказал Задорожный Медведеву. — Против заслуженной Ефросиньи не попрешь... Полупса вся их затея...

А потом дверь нашего класса распахивается, и все вываливают в коридор, и в классе остаются только Справедливая девочка с четвертой парты, заслуженная Ефросинья и я — сижу за партой, посияю. Мне уже все равно. Почти.

Потом входит Медведев.

— Володя, ты притворяешься? — удивляется Зоя Николаевна.

— Задорожный... — притворяется отвечает Медведев.

— Вот, явился наконец пропавшая душа, — притворяется говорит Ефросинья.

— Здравствуйте, Ефросинья Михайловна, — притворяется говорит Медведев.

— Минуточку, — притворяется говорит Зоя Николаевна.

Все делают вид, будто ничего не происходит, но хотя говорят вслопогло, мне прекрасно слышно. И тут я слышу разговор, который не каждый день услышишь. Потому что Справедливая девочка говорит Ефросинье, что было непедагогично с ее стороны заступаться за Соловьеву, то есть за меня, присягнувшую на честность и честность. Ефросинья говорит Ефросинье, что было бы ошибкой, что непедагогично было в классе говорить о переводе Соловьевой, то есть меня, в другой класс, так как это делал педсовет, что непедагогично было сравнивать класс с футбольной командой, потому что педагогика не спорт, что непедагогично было хвалить за подпись подружину Соловьевой только потому, что она больше, а Соловьева, то есть я, одна. И тут все оглядываются на меня и начинают говорить еще тише. Но в классе хорошая акустика.

И вдруг я все понимаю. Каждый из них хочет поговорить со мной наедине, и я не могу им помешать. Мне становится не по себе, но я не уйду ни за что. Пускай выпутываются как хотят. Сегодня мой день. Праздник не получился, но это мой день.

— Ничего не понимаю! — говорит Справедливая девочка. — Да что Соловьева, особенная какая-нибудь! Исключение, что ли?

— Да, исключение, — говорит Ефросинья. — Как все... Для школы...

Справедливая девочка говорит Ефросинье, что если я хочу поговорить со мной наедине, то я могу это предложить. Мне становится не по себе, но я не уйду ни за что.

Ефросинья идет прочь. Один человек выбыл из футбольной команды. Единственный человек, кто хотелось бы теперя остаться. Я слышу, что она говорит Медведеву: «Лади и ми, потому — и потому по коридору наблуждали — топ-топ — как в пекарне... Справедливая девочка подходит к Медведеву. Я сижу тихо, как мышь.

Тут она спрашивает его, зачем он пришел сюда, ведь он же говорил, чтобы встретиться у автоматной будки, и на это он почему-то отвечает, что она хорошая спортсменка, а Галка, то есть я, хороший человек и потому не бояться быть самим собой, и что Ефросинья это любит, а яты не любишь, и поэтому Ефросинья педагог, а ты пока еще нет...»

— Оставь... — устало говорит Зоя Николаевна. — Я сама этого не хотела, Такышло... Это педагогика, в Ты в ней ничего не смыслишь.

— Ты действительно не хотела!

И вдруг Медведев склоняет меня. Я вздрогиваю.

— Галка... — громко говорит он.

Притворяться бесплодно. Я поднимая голову и гляжу на него.

— Спасибо... — говорит я, глядя на него в упор.

Он тоже глядит на меня в упор.

— Пока... — говорит она.

— По своим занятиям...

— Я тоже ухожу... — говорит она.

Но раньше их забегают из класса я.

А последний раз было так. Вдруг приходит телеграмма, что он приезжает, а на дворе весна. В milieu сердца упало. Мама, конечно, подумала, что он приедет на новоселье — мы получили квартиру в новом доме. Но я сразу поняла, что это Ефросинья. Справедливая девочка, которая приехала из другой деревни. Весна. Неужели я ее видела когда-то, эта Зоя, спрятавшая девочку?

Я тогда думала, что это недоразумение. Знаете, как в оперетте герой думает, что герой любит другую, а все зрители знают, что герой дура и так далее. Но врать не стоит. Никакого недоразумения тут нет, просто он спит, и там, где была девочка с четвертой парты, давно уже никакой спрятавшей нет, и никакого дома у них не может быть, потому что в ней что-то когда-то всорвалось. И теперь она пустая и деревянная. Она ушла из нашей школы. Ефросинья оказалась права, педагога из нее не вышло, и это было самое главное, что я не знала, но что-то делает, и она не веря, что она хорошая. А он верит.

И вот я стою во дворе дома новостройки, а во дворе скамейка, а во дворе будка телефона-автомата, а во дворе склизуты тополи и синий свет луны.

— Это спрочавщик... — говорю я в трубку. — Скамейке... рейс 117... Да, из Омска... Даю прилетел? А как давно?.. Это точно, что прилетел? Послушайте...

Но спрочавщик клацает трубку — раз-дав и нет разговора. И все становится ясно, как белые деньги, что нет дворе техника счастья. Самолет прилетел вперед, и никто не явился, и я жду его упором час. Вот так. Все как в странных снах.

И тут, как во сне, во двор входит Ефросинья. Но это, конечно, не сон, просто она теперь живет в соседнем корпусе и, наверно, видела из окна, как я торчу у телефонной будки. Вообще мне кажется, что меня пониможку берут в окружение, и колычко скжимается. Я ссылаясь обрывком разговора матери и Ефросиньи: «Что-то с ней творится», — сказала мама, и они заговорили о погоде, когда я вошла в комитут. Из чего следует, что разговор начался меня.

Пух-ту, пуху в этом году, — говорит Ефросинья, ловит пушинку и садится на скамью возле меня. — Когда тополиный пух летит, кажется, что сама летаешь.

Потом она приспускается.

— Электричка пошла... говорю она. — Галя, тебе домой не пора?

— Ефросинья Михайловна, — говорю я. — Когда моя мама у вас была во-жатой... она красавица была!

— Не... — говорит Ефросинья. — Спрочавщик... — говорит Ефросинья. — Вообще ее класс был трудный. Волок... Медведев... особенно зиркался... Он влюбился в Зоя Надеждину... Зоя тогда была совсем другая.

Потом мы молчим, а потом я спрашиваю:

— Ефросинья Михайловна... А зачем вообще нужна любовь?

Она сенунди молчит, потом отвечает:

— Если поверишь, что нужен одному, — повершишь, что нужен всем.

— Ефросинья Михайловна, почему это так?.. — спрашиваю я. — Человек кричит, а его не слышат.

На это она не отвечает.

— Ефросинья Михайловна... — говорю я. — Поесть ставьте себе... один человечек погреба... Глубоко и страшно... А второй уехал на год, в дальний город... А у первого был скрет — он часы переставил вперед на два часа... чтобы жить в одном времени со вторым...

Я начиняю задыхаться, как будто нырнула глубоко и никак не могу выплыть наверх.

— И я дару первый узнает... что тот, второй... хочет жениться на ком-то... Как для прописки...

— И я дару первый узнает... что тот, второй... Дело решают взгляды на жизнь этого, первого...

— Взгляды... — говорю я. — Любят не взгляди!

— Ты знаешь... в конечном счете любят все-таки за взгляди. Взгляды — это не только зрение, которые ты проницашь. Этому можно научиться. Взгляды — это все ты, все твоя позада, способ общения с людьми... жадный ты или готов подделяться, терпимый ты или фанат с белыми глазами. Чего ты больше боишься... что тебе будет плохо или влюблена друг...

Симпатичный скрипач летит. А мы сидим и думаем.

— Ему не может быть хорошо, — говорю я упрямо... — если мне плохо.

— Ты уверена в этом?

— Хорошо... — устало говорит она. — Тогда скажи ему об этом.

— Скажу...

Ефросинья Михайловна тяжело поднимается со скамьи, опираясь руками о колени, и идет прочь. Я юркну к телефонной будке.

Скрипач... — Рейс 117... Омск...

Но тут во двор входит компания ребят, и среди них Генка и Задорожный. Дуранко... я понял, говорит Генка Задорожному. — С женщиными надо решительно... хочешь покажу?

— Почему ты это... лучше ум... — отвечает Задорожный.

Я выхожу из будки. Компания хохочет.

— Галка... — говорит Задорожный. — Мне всегда хотелось тебя поцеловать...

— Отстань... — говорю я.

— Я хочу тебя поцеловать.

— Я вот тебя сейчас по морде тресну.

— Наплевать... — говорит Задорожный.

Он подходит ко мне, я даю ему оплеуху.

— Правда, треснула, — удивляется он.

Компания хохочет.

— Ни одного поцелуя без любви... — вздыхательно говорит Генка.

— Между прочим, да, — отвечает я.

— Тихо... Идет кто-то...

— Мы компания исчезаем...

А я вспоминаю, что у меня... Не приехал. Отправился прямо к своей замечательной Зое Никоновской...

— А ведь, в сущности, она ведьма, отрицательный персонаж... Ах, Медведев, Медведев, скажи-скажи... В сущности, я вас тоже выдумала... Не пришёл... «Шоколадка, не торопись!»

— Генка! — кричу я в темноту.

— Чего тебе! — отвечает Генка, выходя из темноты.

— Поди сюда.

— Занем?

— Поди сюда.

— Чего?

Он поцеловал меня. Я его оттолкнула.

— Противно... — говорю я. — Хочешь и буду теперь с тобой дружить?

— Почему ты решила со мной дружить? Тебе же противно...

— Потому что ты хуже всех... Хотят сказочек. Да здравствует реальная жизнь... Генка, что там горит?

— Горит... Это рабочая тополя под пылью.

Слишком тополя... Слишком я буду я что-то начинать понимать...

— Гена... — говорю я, и что-то во мне начинается... обращаться, никотинка за никотинкой, как будто я винду над пропастю, а никотин все разуется одна за другую, одна за другую.... — Гена... — говорю я — который час на твоих?

— Десять... — говорит Генка. — Еще рано...

— Не ври... — говорит я. — Двенадцать...

— Да, смотри ты.

И мы сперев часы...

— У тебя на часах часы... — говорит он. — Во, врут часики!

— Не врят... — говорит я. — Ну, пись, честное слово...

Гена покорачивается и идет прочь. Потом исчезает в темноте. Что же я наделала! И тут я вдрог входит Медведев. А я! Я пронусь в телефонной будке. Все потерянно. Я цепалась первым раз, и кинь противно, потому что я винду над пропастю, а никотин все разуется одна за другую...

Медведев взглядывает в окно...

— Шоколадка... — поди сюда... — говорит он гримо.

Тишина. Ну такая тишина, что прямотише не может быть.

— Шоколадка... — говорит он, и голос его печальный. — Сестричка моя называлась... Ты обманула первый раз в жизни...

Тишина.

Потом он закуривает и уходит со двора.

А у меня в голове дурацкая частушка звонит: «Ты не гниша, не ломайся, зеленая тросточка... Дольши, миль, не женишься... Жди меня, подросточ-...»

Ты не гниша, не ломайся, зеленая тросточка.

Я запляхала на карточки в ночной телефонной будке и пла-кала так, как будто я плакала последний раз в жизни.

Это было весной. Теперь зима, и перед моим днем рождения приезжает Медведев.

Вот звонок в дверь. Вот мама имела открыть. Вот он входит. Я сижу на кухне тоже, как и моя мать. Вот они входят в комнату, и у них начинается разговор про меня... Их мать... Их мать... Их мать... Их мать... Их мать... Он отвечает, что нет, не женишься и начинает долго рассказывать, почему он не женился и почему у него с Зоей не получилось ничего, и говорит всякие житейские вещи, которые, конечно, правильные, но все же не относятся к делу. И потому, хотя все, что он говорит, чистая правда, это все вранье. Но потом он наконец добирается до сути. Он говорит:

— Вы знаете, Вероника Николаевна, все, что я говорю, это, конечно, правда, но не в этом дело, а потому что все вранье...

— А в этом дело... — говорит моя мать.

— А в этом то, я вдруг стала для неизвестности умный и догадалась, что все это вранье... А знаете почему?

— Потому что...

— Я тогда приехал весной, и у нас с Зоей все уже было решено... Но перед тем, как пойти к ним домой и доложить формальное предложение, как говорили в старых романах... перед этим я зашел к вам во двор, где я должен был встретиться с Галкой, как мы говорились.

— Ну...

— Ну что ну... Я пришла во двор и никого не застала... Галки там почечного не оказалось... В общем, она меня не встретила...

— И все?

— И все...

— Легкомысленный ты все-таки членовек... — говорит мама.

— Наверное... — говорит Медведев. — Но я вдруг первый раз понял, что все эта энтузиазм школьная моя любовь — чистая глупость и больше ничего, что я не могу...

Потом они молчат. Этого мама делает ему знаки, что, мол, я сижу на кухне к чье, мол, я должен переменить тему. Значит, скоро пора вылезать из кухни и катят здороваться.

— Мне уши ничего не страшно.

— Прощай, — сказала я. — Действие окончилось... Наступает моя юность... Какая она будет, я догадаться еще не могу, но действие закончилось... Потому что я поняла одну вещь...

— Какую? — спрашивала я вдруг сказка.

— Я поняла, что я должна торопиться в неизвестной области... — Быстро я тебе я должна сказать... — говорит сказка. — С нами, сказками, никто не считается. Мы, конечно, мало лиши, но зато мы искренние... И вот что я тебе хочу сказать, Шоколадка... Запомни: счеты со сказкой еще не кончились...

Я поднималась с табуретки и, шаркая ногами, бреду из кухни.

Пора здороваться с приехавшим издалека знакомым.

Здравствуй, корабль с крыльями из тополиного пуха!

друзья познаются в труде

Со стр. 8.

живает внимание силы по воспитанию молодых рабочих, некогда плененных на Вitebskом заводе радиодеталей.

На этом предприятии, исходя из предложений, членов комсомольской организации, тех активистов, связанных с данным коллективом, — разработаны строго продуманный комплекс мероприятий по вовлечению в социалистическое соревнование всех категорий молодежи. Вот как это выглядит на практике.

Новички, впервые пришедшие на завод, проходят оснований школы производственно-технического училища, включаются в соревнование под девизом «Норма доступна каждому». Наставник, назначенный решением бюро цеховой комсомольской организации, помогает малолетнему товарищу разработать индивидуальные обязательства и со своей стороны дает помощь в выполнении их. Помогают новичку стать квалифицированным специалистом. Контроль за тем, как движется обучение, осуществляют комсомольские группы, причем предварительные итоги соревнования подводятся ежемесячно, а в конце года определяют, кто же из членов цехового училища — всего около 100 человек — лучше других, кто же благороднее снайдется на заводском пополнении подобной знати, с достаточной красноречивостью свидетельствует что бы тот факт, что на предприятии остались считанные единицы, точнее 27 молодых рабочих, пока еще не справляющихся со сложными заданиями.

Вот живой пример того, что дает новичку работа коллектива.

Раз Любецкая поступила на завод в 1949 году. Уже через два года она стала выполнять норму не менее чем на 140 процентов, а в ее личных обязательствах на нынешний год записано, что Рязь собирается справляться с главным заданием — за деять месяцев!

Достижение нормы — первенский рубеж в жизни новичка. Он в достаточно меру освоился с производством и сменил задание уже не кажется ему чисто-то труднодостигаемым.

А дальше вот что. Теперь он может погореться складами с товарищами, привозящими к днищению «Педровым» методом труда — каждому молодому рабочему. Практически это выглядит так: победитель соревнования «Норма доступна каждому», добившийся выполнения смелых заданий на 125% более того, получает шефство над теми, для которых такие результаты еще недоступны, и наглядно показывают нам, как за счет грамотного облучивания техники, и научно организованного труда научиться «перекрыть» норму. Задача — за год, в течение которого в цехе сидят 125 новых рабочих, — выполнить задание, решившее задачу пятнистого строительства с наименьшей эффективностью пройти «свою индивидуальную, свою путь, чтобы с честью сдать экзамен на гражданскую зрелость».

Много значительных успехов уже достигла на просторах нашей республики девятая пятилетка: освоено производство автомобилей грузоподъемностью до 20 тонн, привезено из СССР испытание 75-тонной МАЗы, запущены в производство электронно-вычислительные машины, собранные по интегральным схемам, введен в действие первый очередь шинный завод... А сколько новых подвигов принесет нынешний год! Для одних он трижды, для других — четырехкратный даже путь, но для всех советских людей он решительный год пятилетки, год комсомольской организации исполь-

зует их, вдохновив и заряжено подбодряя к каждой инициативе, от этого окказывается в большом выигрыше дело коммунистического воспитания молодежи — одно из самых главных, самых важных дел, доверенных комсомолу партии.

Вот какое начинание, сопряженное с работой трудовой, связанное с военным, политическим, воспитанием, началось, например, на Гомельском заводе сельскохозяйственного машиностроения. Члены молодежных бригад зачисляются здесь на венчич комсомольский учет героев-земляков и выполняют за них производственные нормы. Эти инициативы, показываемые группами друзей, группами патриотов и сознательной молодежи, получила горячую поддержку на многих предприятиях республики.

Организация социалистического соревнования ставит перед каждым комитетом комсомола очень много вопросов. От правильного, своеобразного ответа на них зависит, насколько ясно и отчетливо будет то или иное наименование, разгорится ли оно в полную силу или нет, и останется ли тепличным огном.

«Союз коммунистической молодежи» должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свою энергию, напустив на себя ярлык «Будущий комсомол». Имя Ильин Ленин, на этом участии проявляя свою виноватую роль, становится символом комсомольской организации никогда не станет по-настоящему творческой, беспослойской, целесуремленной, а значит, не сможет выполнять функции «ударной группы». Именем погибших семинаристов поддержано национальное соревнование «В борьбе за мир, в любом городе — ударные комсомольцы». Включившись в это движение организации — а число ихрастет день от дня — проявляют инициативу в самом важном для их предприятия деле... Но это же ударные дела? Для комсомольской Витеbsкой фабрики имени Коминтерна — это внедрение станков с программным управлением. Для комсомольского бригады кузнецкого корпуса Минского автозавода — это добиться полной взаимозаменяемости членов бригады. Для комсомольской семинарии поддержка национального соревнования «В борьбе за мир, в любом городе — ударные комсомольцы».

Для комсомольской организации производственных мощностей, которые позволяют дать сельскому хозяйству еще большие силособорочных комбайнов «Вихрь», освоенных в прошлом году. А комсомольцы Гродненского химического комбината имени С. О. Притцкого своим «ударным делом» — это что же это за ударные дела? Для комсомольской фабрики имени Федорова — это внедрение станков с программным управлением. Для комсомольской бригады кузнецкого корпуса Минского автозавода — это добиться полной взаимозаменяемости членов бригады.

Для комсомольской организации производственных мощностей, которые позволяют дать сельскому хозяйству еще большие силособорочные комбайны «Вихрь», освоенных в прошлом году. А комсомольцы Гродненского химического комбината имени С. О. Притцкого своим «ударным делом» — называли практическим. Они проводят субботники по ремонту станков и сельхозмашин, механизируют фермы, а главное — производят сверх плана 50 тысяч тонн минеральных удобрений. Словом, в зависимости от специфики предприятия ударные дела могут быть самыми разными, одни из которых на одномажды называются практическими. Они проводят субботники по ремонту станков и сельхозмашин, механизируют фермы, а главное — производят сверх плана 50 тысяч тонн минеральных удобрений. Словом, в зависимости от специфики предприятия ударные дела могут быть самыми разными, одни из которых на одномажды называются практическими.

Они проводят субботники по ремонту станков и сельхозмашин, механизируют фермы, а главное — производят сверх плана 50 тысяч тонн минеральных удобрений. Словом, в зависимости от специфики предприятия ударные дела могут быть самыми разными, одни из которых на одномажды называются практическими. Они проводят субботники по ремонту станков и сельхозмашин, механизируют фермы, а главное — производят сверх плана 50 тысяч тонн минеральных удобрений. Словом, в зависимости от специфики предприятия ударные дела могут быть самыми разными, одни из которых на одномажды называются практическими.

Много значительных успехов уже достигла на просторах нашей республики девятая пятилетка: освоено производство автомобилей грузоподъемностью до 20 тонн, привезено из СССР испытание 75-тонной МАЗы, запущены в производство электронно-вычислительные машины, собранные по интегральным схемам, введен в действие первый очередь шинный завод... А сколько новых подвигов принесет нынешний год! Для одних он трижды, для других — четырехкратный даже путь, но для всех советских людей он решительный год пятилетки, год комсомольской зрелости.

Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР *фото автора*

Телеграмма: «Спасательное судно «Зевс», Петровавловск, Институт вулканологии... Восши в зону облака вулканической пыли... Испытывали резкий толчок земли от северо-востока. Радиация не обнаружено...»

Еще одна, срочная: «Джель-электрород «Молотник». 22 июня 1972 г.—на северо-западном склоне этого острова Атласова резко начал увеличиваться стаб темно-серого облака. Высота достигла 2 километров... Облако продолжает увеличиваться. Расстояние 15 миль чувствовалось слабым запахом серы...»

В коридоре института — сквозные фотографии, изрезанные из местных газет. Повсюду обрывки, на которых видно что приблизилось. Черная лепешка тучи пробила облака над окном и поднялась на высоту в 8 тысяч метров. Потом в один из облетов увидела, что лава стекает в море. Возможно, что извержение началось под водой или у границы «вода — берега». Все окнуто облаками паров и пепла.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Алава — необитаемый остров. Добравшись из Петровавловска до его скалистых, трудных для высадки гор, удались лишь на восьмой день с вулканологами. Базовый лагерь поставлен пред самой группой под крутым склоном на участке террасы, покоящейся над полосой прибоя. Отсюда до места извержения три километра по воде или сильно рассеченному, круглоголовому берегу. Ближе нет пресной воды: окрестности засыпаны пеплом, и ручьи вымываются из него в различные эзиничные соединения. Грунтовые воды уносят донесенный дробленой породой и ледом пепел скрывают из забытья, забывает под одежду, в приборы и аппаратуру. Водолаз, из котрого барем воду, тоже не блещет чистотой, но это уже утешительно. Перед нами тихая бухта, заросшая морской капустой. Буты Отавы, хорошо защищенные от господствующего ветров. Но соседним мысу лежат сплошь снучай, в бухте плавают тюлени.

Отсюда не видно, что происходит на вулкане. Для наблюдений установлены два палатки на берегу окна. Здесь все рядом: поток, трогот вулкана, тучи пепла, шум прибоя, яркие краски извержения, яркие фонтаны лавы. Редкие взрывы, происходящие в кратере шлакового конуса, выбрасывают камни так, что они летят в палатки и даже в окна! Но все считают, что «возможность попа-

дания» достаточно мала. Открытый берег доступен всем ветрам, и одну палатку, разрушенную штормовым порывом, пришлось снять, пока она не улетела в воду со всем содержимым.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

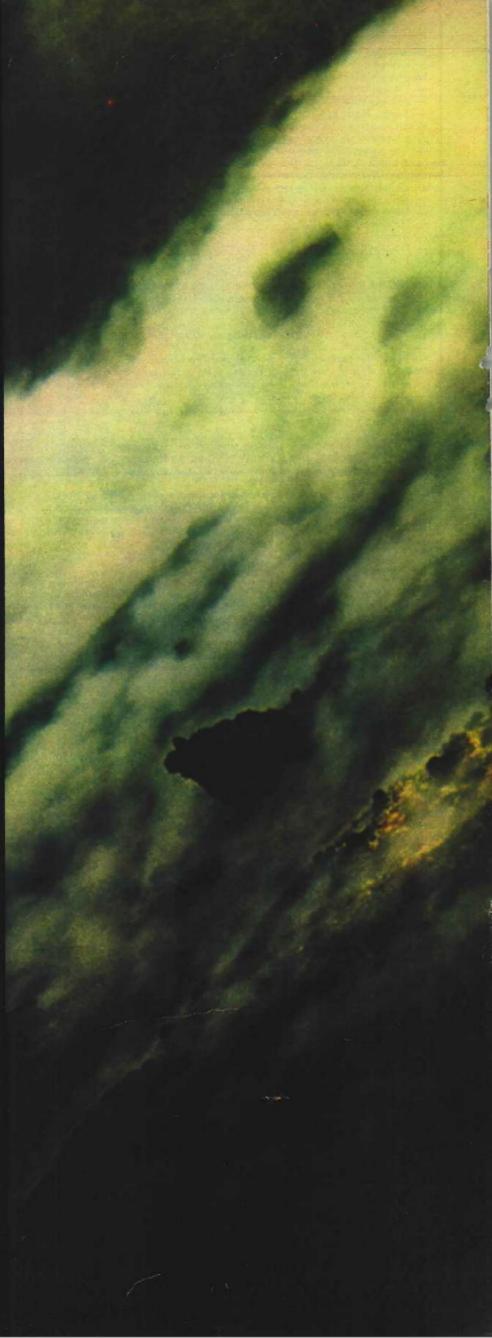
Мы в необычном мире. Основной цвет в нем — серый. Тысячи оттенков серого — холодных и теплых. Рядом — легендарное неизрватимое движение вулкана. В кратере — другие цвета: красный, лиловой, непрерывно пульсирующий. Над океаном — синее небо, солнце. Но это к нам не относится. Алавд замкнулся в облаке, под ним мы и живем теперь. Сквозь туман светят дожди, дует ветер. В Петровавловске предупредили, что с погодой в группе вулканологов — нужны наставки, зонты. В этом вскоре убедились. Серая пустыня картина вулканических бомбами. По краям воронки взрыва слой пепла до 25 метров; в обрывах на этой глубине остатки деревьев, росших до извержения. Вулкан выбрасывает все новые пепловые тучи. Пепел шуршит по поверхности, одевая ее. Могут с дождем, превращаясь в грязь. Грязь заливает все. Дальше от вулкана слой пепла тоньше, наложенные и обожженные скелеты ольхового ставнико, а на дальних холмах пробиваются сеяния растительности. Кончается извержение, пройдут дожди, и она снова будет жить. Вулканические пеплы плодородны, и пустыня, образованная извержением, скоро зарастет.

Маленькая палатка, которой с

трудом могут лечь четыре человека, притянута к большому камню. Он частично закрывает от ветра, но пепел все равно проникает внутрь через лабиринт складок, пересыпается во всех щелях.

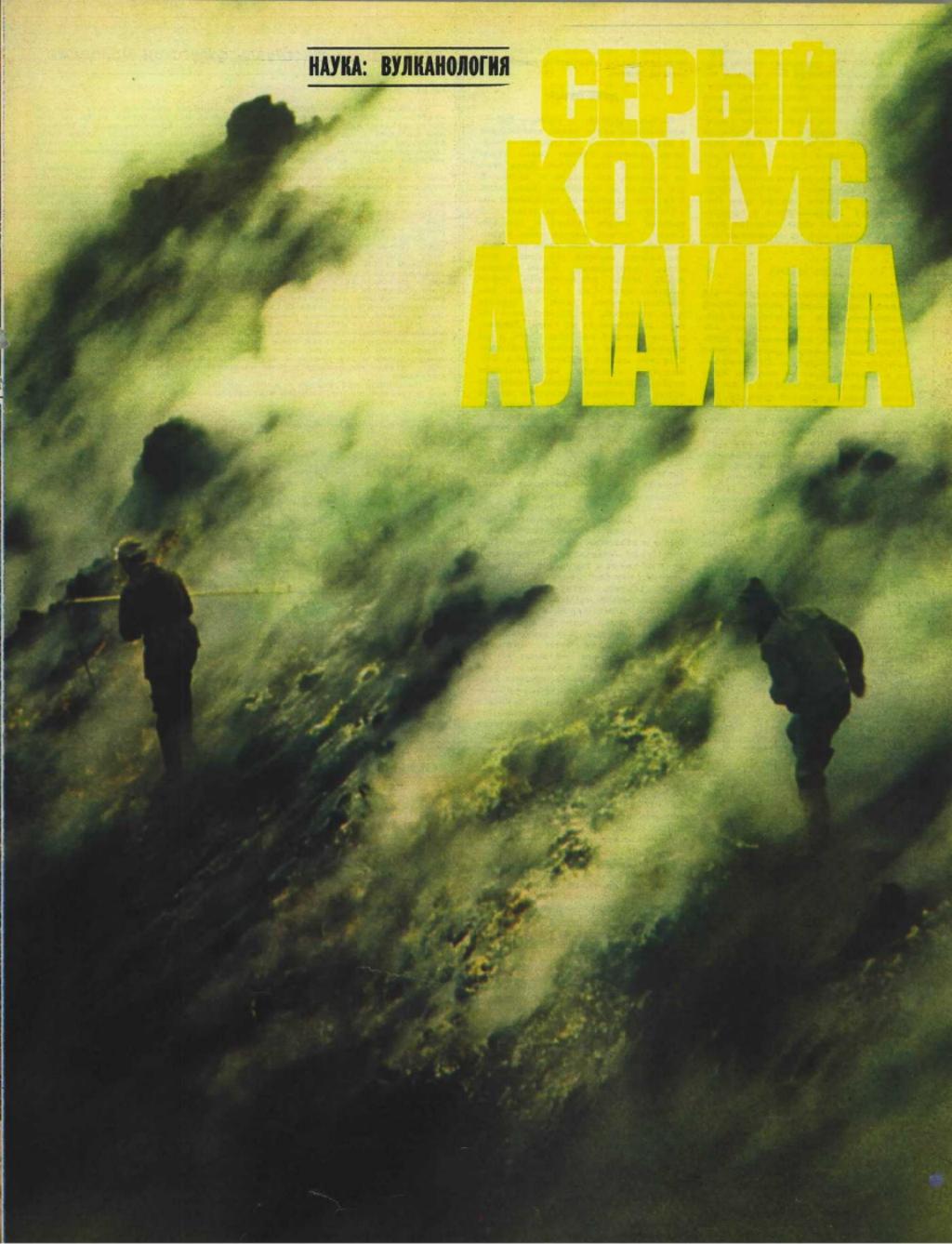
Весь день на ногах. Надо во всему присмотреться, чтобы не ошибиться в темноте. Сумерки съели пейзаж. Но дальше, обманувшись на миг узкая, как нож, ложе берега, всплывает к исчезающим. Саратинский в ночь поток замерцал, как город. Ветер относит пар и пепел в сторону. Вулкан открылся. Всю ночь фотографируем. Редкие взрывы сотрясают окрестности. Бомбы долго летят вверх, потом падают, сопровождая градом ударов большую площадь. В первом разрыве волны остановились, и следить за их падением невозможно.

Извержение Алавда началось грандиозным взрывом, выбросившим большой объем породы, больше по масштабу и опаснее. Оно сопровож-

НАУКА: ВУЛКАНОЛОГИЯ

СЕРЫЙ КОНУС АЛАНДА

дается выделением большого количества воды. Пар окружает поток, шахматный конус. Иногда всплеск исчезает за белой завесой. Парит окружающая вулкан поверхность, засыпанная пеплом и пеплом. Для стока и для работы с приборами мы находим места, выбирая безопасную на первый взгляд плоскость, возможно ближе к месту извержения. Долгие часы работы, испаряясьшаяся погода или изменчившийся ветер загоняют в палатку. Тогда пытаешься сполоснуть два-три часа. Потом выходит из палатки и обогреваешься, что все наша обитая пещера изнутри еще не остылая от скопления лавы.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Началась своеобразная пурга — над землей летят пепел, камни, магмы. Розиновою пургой: она взлетела, как булыжник змей, опускается на испепленную поверхность моря и вскоре исчезла за горизонтом. Относившись к палатке, дует от вулкана. Каждый взрыв сопровождается шквалом, начищенным дробленой породой. Пепел просачивается в щели, скапливается на полах, на краях палатки, на камнях и камникою придавливает края палатки снаружи. Всю ночь слушаем, как тугой ветер кидает разгоняется, набрасывает силу и вместе с песком и камнями обращается на нас убийцами. Тихо с одной стороны вспыхивает другая, разрывается винты. Мокрая и грязная, пыльная пурга, вспыхнувшая из-за вулкана, становится все сильнее. Пот, угрожающий пошел дождь. Ветер так силен, что продрессует воду через брезент. Металлическая лодка «казакина», привязанная к камню далеко от воды, всю ночь кувыркалась по берегу. Мотоцикл заплыл песком, он выше крыши. После такого опыта мы спешно покинули будущую базу. Сели в автомобиле в палате и стали спасать рабочими, завалив пеплом, засыпав камнями, чтобы не сдуло, и пошли в лагерь. «Казакина» двое проводят на веревке вдоль берега, двое идут по лайде. Двигаться на всплеск нельзя, унесет в океан. Эта парусница посудина легка, опровергается ветром, не удерживается на скалах, обломки пылают. Шторы, ящики и грехоты остались позади. Мы словно вдруг оголзлись — так тепло.

В лагере дымят костер, докуривают

готовят утки. Идиомлю опрокинутые взрывы бомбами, вхолода, где мы ходили, рядом с палаткой появилось несколько воронок.

Составление наших, как оно было, замедленного действия, — взорвалось, но неизвестно когда. Конечно, можно не подходить к вулкану. Тогда зачем же всплыть? Но склонность к опасности, страхи и страхи. Аланда, разрабатывая широкий кратер, изливается новый поток лавы. Части его направляются в воронку взрыва, основная масса заливается к морю. Всё в движении, все перестраивается. Плавники у подножия конуса, откуда никогда фотографируешь, сплюннувшись, синевой, из глубины раскачиваются. Очевидно, из глубины к прорыву перемещается магма.

Лебедания настолько сильны, что нельзя снимать аппаратуру, поставленную на штатив.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Ночью — дождь, утром — бур — мельчайшие капли воды, взвешенные в воздухе. Плащи не спасают — мокрость насыпь. Вулкан скрыт туманом, скрыт паром поток. День явен рабочий, все пошли в лагерь. В стоя метрах их поглотила серая мгла. В минутной находке за прошлые мы Гавриловы. Шкафы остались в палатке покою, грохот и холодом. Сидим у потока, иногда слышим у громадных, теплых глыб лавы. На горящих камнях кипятят чай, греем консервы [прозревающие] — бананы взрываются. Меня разношерстия искрой морских волей, всплески вспыхнувших фумаролов сказали. Где-то в фумароле вспышка, сопротивление и теперь выплываются на пляжи. Движется она быстрее, чем весь поток, и мы первыми становимся со своим хозяйством. В разных местах рушится глыба. Обнажается сплющено ядро-лимонное нутро, постепенно сдвигается, подрагивает, вспыхивает, вспыхивает. Сквозь ядро красные и зеленые в трещинах долги сияют и пыщет жаром. Георгий наставляя вешек, заметил время. Скорость движения оказалась метр в час, в отдельных местах больше. Когда рушится раскаланные глыбы, они почти не скакут — в них нет упругости камня, падая, они словно глохнут. И это были останки летя давно со звезд.

Иногда лава, едва прикрытая остывшей коркой, выдавливается, как тесто, осыпая ручеинами раскаленной пыли, и обваливается магмы кусками. Туман уплотняется. Перспектива края на каждом шагу. Очертания меняются, скрывают недоступное. Стены, слоны, пугающие удары, звон этой черепицы, вздохи и шорох — словно готовятся необычные события. У воды свое: всем фронтом, пар, синева, шипение. А жар идет, вслушивается, прокрехает, летит по горящим фонтанам. Но это там, выше. Из тумана всплеск леса обрывистых склонов. Струи, падающие с гор, подбрасываются с телобоязнью — посыпать. Извал целую пленку, а пошел обратно — он за мной, к биваку. Лис весь в реальном — идет ему, гротеся и сунувши у горячие камни. Выдыхая усмешки, остатки консервов. Хлеба не поневоле, зато утка — приветствует нас с горами. Принесли ее в прятки. Мы были ванно на высоте положения: лис посыпал нас как-то археологи, а мы — дикие подибравшающиеся животные.

В нескольких метрах от потока плавают нерпы, летают чайки. Возда — рядом с потоком, ходячими. Раскаленные бомбы, падающие, бурое вспышки, даже взрывы, остаются с поверхности, и дальнейшая отдача тепла происходит медленно, так как теплопроводность камня очень мала.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

В извержении затихнуло: с 1 часа ночи до следующего вечера ни одиночного взрыва. Происходят интенсивные выбросы пепла. С широким, вращающимся и мерцающим отсветами, расчерченная беззумно взлетающими красными бомбами, вырастает пульсирующая туча. Осыпающиеся пепел черными шариками гнется ядер, белые, яркие, яркие.

К вечеру небо поднялось, открылось склоновский конус, существо возмущенное. Лиши вершина Аланда в обнажах. Теперь взрывы в основном кратере идут непрерывно, но они скрыты клубами пыли. Далеко обходится конус, — бесполезно и легче идти, чтобы подойти к новым образовавшимся кратерам. Через них также вытекает лава. Сквозь туман — вспыхивает.

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

На корте советской поэзии Эстония занимает заметное место. Школьное мастерство стало творчеством Юхана Лийне и пришедших вслед за ним Бетти Альтъер, Аугусту Сангу, Керсти Меримаас. Большую роль в сближении эстонской и советской поэзии сыграли Борис Пастернак, Евгений Евтушенко, Владимир Бажанов, Матс Траат — те, кто широко известен за пределами своей республики и творчеством которых уже стало неотъемлемой и необходимой частью культуры.

Свобода формы современной эстонской поэзии продиктована прежде всего крепкими связями актуального содержания с особенностями устной традиции эстонской народной поэзии.

При этом эстонская поэзия не только в прямом обращении и старинных песнях, но и в сходстве форм, в построении и инструментов стихов. Стихи молодой, но уже выработавшейся эстонской поэзии отличаются от поэзии Бориса Пастернака и Евгения Евтушенко тем, что они несут в себе искренность и чувства. Ей понятны слова простых поэзий цветов — «я никою сердце слышит».

Стихи эстонской поэзии — это яркое выражение присущего сородичам разнотипного точечного сказания, осмысливаемого происходящего в себе и вокруг. Поэт, перед которым стоит задача, самое отдаленное и глубинное состояние человеческой души, ее способность к спасению и спасению других, ее способность к современным и сильным своего дарования вызывать личное до общего, частное до общественного. Нашим читателям могли бы быть знакомы с его необычайной силой и красотой, если бы в нашей стране было больше времени для внимательного изучения творчества этого поэта — в Таллине выходил его стихотворенный перевод С. Семёнова, вобраивший лучше из книги Паульса.

Издательство «Молодая гвардия» скоро выпустит сборник еще одного молодого эстонского поэта — Арии Сийн. Яркая образность и метафоричность его стихов, его способность к яркому выражению эмоций и чувств, его особенность — это позитив. Арий Сийн — один из тех, кто искренно стоит на земле, знает и эту землю и труд земедельца; и именно «земные» свойства делают его поэзию широко известной и популярной среди эстонских читателей.

Настоящая публикация — малая, но весьма характерная частичка молодой эстонской поэзии, активно пишущей, шагающей в ногу с многотиражной

Петр ВЕГИН

«ЛЮБОВЬ, ЧЬЕ ИМЯ-ДОЛГ»

Владимир ЛУЙК

СТАРЫЙ ГОРОД

Синие дома
похожи на дожди.

Белые дома —
как ранняя зима.

Дом из плитника —
подобие кладбища
без крестов.

Внутренний замшевый
дом, расставшийся
что колодец без воды.

Потемневшие деревья
дают стаканы блоков.

Курс указывает флюгер,
на ветру занярые
глаза.

*

Серьезно
смотрят на меня
смотри, растущий
на равнине.
Его пристой язык
понятен мне.

Понимаю
простой язык
маленьких, тихо
говорящих цветов.
Их только сердце
слышит.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Лахнет таволга,
и пахнет,
и габен.
Позднее лето, позднее

Красная гроздь
на рабине,
и в роще сосновой
вереск.
Этот лета
больше не будет,
больше не будет,
этого лета...

*

Хочу в рабине
скрыться головой.
Хочу в рабине
обрести покой.

Омыты ягоды ее дождем.
Я обрызгаю их горячим том.
О дерево осенне, уйор
меня своей пылающей листвой!

Ты понимаешь все, что я знаю,
как много доброго в тебе, простой!
Ты понимаешь, почему стоя
и к веткам прикасаясь головой.

Пауль-Эрик РУММО

СТИХИ О МОЕМ ОТЦЕ

С темно-зеленых полей
спешат запозданные ласточки,
низко-низко летят.
Воздух покоен на драгоценный
корону, венчает на груди.
Отец стоит возле дома,
взглядом доброго волшебника
он пересчитывает ласточек —
все ли успено
с темно-зеленых полей под струю,
вокругами в укрытие, под родину
струхну,

в круглое яйцо гнезда.
Отец входит в дом, целует мать,
у них одинаково молодые глаза,
дома ласточка.
Дома отец мой и мать,
дождь заневял стрехи, треплет
занавески,

и время идет своим чередом.
Словно осенние яблони — ясные

маслины
не спешат никуда в час, когда листья
падают.

Отец склонился над мажинковской
палкой,
вырезает узоры, словно ведет
разговор.

Он превращает в узор, словно
проповеди годы,
их немногим более полугоды, их недостает, и отец вырезает
годы, что ждут его вперед, вотор —

их умешается много следом за
полугодами.

И небо светляет, и время прошел,
ждут свежевымятые тропинки,

и, опираясь на резную палку, отец,
как добрый волшебник, выходит
до двери,

и ласточки, покрумки над ним,
разом все улетают.

Слушаю движение облаков,
закрыл глаза, лежа на темной,
блеклой траве.

ПОДВОДА ИТОГИ...

Вот и наступил финал.
Одноклассик лежал под рутикой
«Весенний» фестиваля советской
молодежи и «Смене» печатались
статьи о том, как вспоминали
республик. Это было фестиваль, по-
священный патриотизму и образ-
ования СССР. Собственно, младеж-
ный журнал всегда зделал должное
внимание переводаам из современной
советской поэзии. Запомнилась чи-
тателям, например, поэма Аннафер
Дж. Азарбова «Черное эхо» в переводе
А. Борисова, а также М. Альбера и
А. Заурика, отмеченные времечки Ленинского
комжонала республики.
Но на этот раз был найден осо-
бый подход к делу. Пронюдя своеобраз-

Багровым камнем полуденного
светила сердце твое во мне.
Клубится во мне, ширится неведомая
любовь, чье имя — долг.

Слушаю движение облаков,
Клены шумно дышат, раскинав
и черным роем туча клубится вокруг.

Слушаю движение облаков,
слушаю, как птицы с криками ломают
бескрайние ветви и черными
люминисцируют бросают на ветер.

Броши солнца резким никелем
ослепят и отступят. И все немо.
Где-то во мне, как на перекре-
шении кровь.

ЯН КАПЛИНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ
О ПОГИБШИХ ДЕТЯХ

Вечером, когда стемнеет,
приводят детей на детскую домой.

Мир разросся — города,
дома, машины такие большие,
их так много, а детям такие маленькие
на поле, в люльках, на спинах
матерей, беспомощные, как и в старину,
когда вещь еще не вырастала выше
лицей.

Дети Огненной Земли в поддах
на море студеном,
Дети Бариновы, поступавшие
в газовые камеры,

Дети Тарту в заснеженной темноте
я боюсь за вас, вы такие маленькие, все
на свете растут быстрой вах —
вы спрашивали, и мы должны ответить — ЧТО.
Не прощайте, если мы солжем.

Слушаю движение облаков,
закрыл глаза, лежа на темной,
блеклой траве.

разкий смотр молодых, редакция
приложила к этой работе известных
русских поэтов. Задрекомендование
себя как отличные переводчики, ма-
стера поэтического цеха стояли по
издательским журналам отправлялись в
братья со всеми привилегиями, вскры-
вались скромные изыскания, вскры-
вались познания с глубинными
творческими процессами, происходя-
щими в республиках и дающих поэ-
зии новые имена и новые книги, по-
священные нашей действительности.

Каждая такая командировка была
наслаждением звездом в жизни ли-
тии связей с теми, кто уже не раз
видел своих стихи в переводах Станислава
Кунинцева, Науки Кислика, Николая
Шкаляревского, Валентина
Проталина, Михаила Синельникова,
Екатерины Лучковской.

Русские поэты трех поколений —
Лев Озегов, Петя Велик и Вячеслав
Кунинцев — познакомились с членами
с гостеприимством своих товарищей
и с гостеприимством Дружбы. В этом
запомнившемся факте есть
свой особый смысл: из десятилетий
в десятилетие крепнет дружба рус-
ской поэзии с литературой брат-
ских народов. Например, обратили
на себя внимание стихи украинских
поэтов в переводе Льва Смирнова.

Одаренный поэт, Лев Смирнов пре-

вращал в украинский язык

поэзии из разных стран мира.

Подводя итоги, я хотел бы сказать:

«Смена» опубликовала не только перево-

ды Анатолия Преловского с турк-

ской, но и его стихи о Туркмении.
Собственное видение порази-
шей воображение поэта пустыни, по-
коренной советским человеком, дало
возможность Преловскому волготно
подойти к позиции своих туркмен-
ских друзей. Это было необычно.

Юношеская, густо-зеленая озимь
задает за сердце, как будто грудная клетка открыта.

Медленно выходят белокурое лето
на полях.

В эту пору, где бы мы ни были,
я всегда прикону постать на этом
зольные каменистом, где шумят единственная
старая-престарая

сосна с широкой короной, полевые цветы
и созревают морозика и ежовицка.

В этих птенцов к середине лета —
среднее образование.

Такой всегда была ты, родина моя.
Такой еще ты не была, родина моя.
Но надо высокой горы, чтобы увидеть
широкие квадраты пасищ и не них
чумные, деревенские, немного смешные,
будто бы разбросанные кости

домино, на пренитах болотных островах
стройные и светлы от вырубки

роши, поля, которые через колбяни
переврашаются в амбары, картофельные борозды, прыгающие
прямо в подвалы.

Иметь всегда работу и очар!

Когда наступает октябрь, смотрю
на оконо старого хутора,

который, может быть, уж в эту зиму
распылится в прах.

Из бересклетов веток и чертополоха
я в составы дела прозывали
буket.

Судьи дома зачастую умны
старых людей.

Со стороны свежесразнанного поля,
из оконо старого леса,
идет осенний дождь

шумно, как улетающая стая.
Навстречу дожди движется холм,

как зонт над головой, старую траву,

держа, как зонтик над головой.

Сергей БАРУЗДИН,
секретарь правления
Союза писателей СССР,
главный редактор журнала
«Дружба народов»

тур

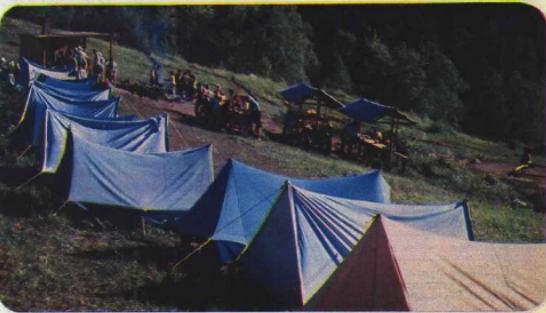

8

о все ступени нового комплекса ГТО входит туристский поход с проверкой туристских навыков и умения ориентироваться на местности. Этот нормативный комплекс — это не только новшество, своеобразный скорый экзамен по всей программе: в походе проверяются не только сила, выносливость, ловкость, но и чисто человеческие качества — взаимоуважение, сплочность, коллективизм.

Юноши и девушки 15—18 лет должны пройти поход по 20—25 километров или в два похода по 12—15 километров (меньшая цифра — на серебряный значок, большая — на золотой). Таков норматив 3-й ступени ГТО «Сила и мужество». Мужчины и женщины 19—28 лет, сдающие норматив 4-й ступени «Физическое совершенство», участвуют в походе на 25—30 километров или в двух походах по 15—20 километров.

Прежде чем отправиться в поход, тщательно изучите район будущего путешествия по литературе и картам,

В поход?

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

Фото Евгения ВАДИМОВА и Виктора САККА

Александр МОРОЗОВСКИЙ, инструктор по туризму

чтобы разработать маршрут как можно подробнее и точнее.

Туристский поход — это не только норматив ГТО, но и очень полезный и интересный вид отдыха. Поэтому руководитель похода должен предстать, как можно больше самостоятельности всем участникам. Для определения цели похода — ведь однобранное вышагивание километров никому не нужно и быстро принарядится. Целью похода, кроме сдачи спортивных нормативов, может быть посещение музеев и исторических мест, исследование местности и т. д. Составьте план и схему похода, определяя сплошные пути и места их преодоления, предусмотрите запасной вариант маршрута. Запланированное путешествие следует оформить в комитете физкультуры или в местном совете по туризму. Там вы получите маршрутный лист (петуху) или маршрутную книжку. Эти документы являются основанием для зачета спортивных нормативов.

Участники в группе может быть от 4 до 12, а лучше всего 10—12. При таком количестве легче распределить груз и обязанности, найти удобное место для стоянки, использовать при необходимости попутные транспорт. Перед началом похода надо пройти медосмотр. Для фотографированного похода в некоторым районам необходимо заранее сделать прививки.

Заблаговременно и очень тщательно организуйте подготовку необходимой амуниции. НЕ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ. ЕСТЬ ПЛОХОЕ СНАРЖЕНИЕ. Лишь в том случае, если вы не можете встать на самое плохое, то каждый участник должен иметь все необходимое и в отличном состоянии.

ОСОБОЕ внимание следует уделять ОБУВИ. Потерты ног — самая рас-

пространенная болезнь в походе. На ногу наденьте нитянный носок, затем шерстяной и снаружи нитяный. Надевайте аккуратно, чтобы это не было складок, иначе затрещут ноги. Затем наденьте ботинки с мягкой стелькой. Ботинки должны быть точно по ноге или в крайнем случае свободнее, но не тесные, иначе водянины обознены.

У каждого туриста должен быть топор. Топором в походе выполняются все работы: заготавливают дрова и лапти, забивают колышки для палатки и многое другое. Турист без топора, который не соединяется с оружием, сам себя не защитит. К тому же он не может. Кроме маленьких поздних топориков, нужно на каждые 5—6 человек иметь один большой плотничий топор. Перед походом топоры следует наточить и прочно закрепить на ручке, так как в походных условиях это сделать непросто.

Не меньше трех дней нужно заготовлять для похода продукты, ибо, как гласят, неблагодарная, но точная пословица: НЕ ПОЛОПАШЬ — НЕ ПОТОЛАПАШЬ. Питание в походе должно быть регулярным, сытным и недорогим. Некоторым подсобратья могут быть ягоды, грибы, рыба, но не слепте из дары природы планировать, они не всегда встречаются по пути, да не всегда есть возможности порвать.

Сначала составьте меню на все дни похода (в многодневном походе на первые 3—5 дней). Потом подсчитайте, сколько нужно продуктов. Первые блюда удобно делать из концентратов, супов, которых указано на этикетках, а заправки — на 10 человек (это и 8 съедят и на 12 хватит).

Для приготовления вторых блюд исходите из следующих норм на 10 человек (это и 8 съедят и на 12 хватит):

1. Макароны, рожки, лапша, рис, пшено, гречка	800 граммов
2. Мясная крупа, вермишель	600 граммов
3. Народные блюда	3—4 килограмма
4. Мясо тушёное	400 граммов
5. Свежее мясо	600—800 граммов
6. Сгущенное молоко	1,3—2 банки
7. Для приготовления блок нормы закладки следующие (на 10 человек со «средним» аппетитом):	
1. Кисель (концентрат)	600—800 граммов
2. Йогурт, сухофрукты	400—500 граммов
3. Чай	1 маленькая пачка
4. Кафе, кофе	
Еще нужно иметь в день на 10 человек 6—8 килограммов хлеба и 1—1,5 килограмма сахара.	

Исходя из этих норм, составьте список продуктов и распределите между участниками, кто что должен купить. Для многодневного похода продукты закупаются на первые 3—5 дней, оставшиеся приобретаются в дороге. Примерная стоимость продовольствия на одного туриста в день на человека, в весенний и осенний периоды: в первую очередь расходуются спортивные продукты, помимо и в тяжелой упаковке (например, в стеклянных банках). Кстати, такие продукты без нужды в поход брать не следует.

Для переноски гриза НУЖНО иметь холщевые мешки, которые обычно называют «бальзаковыми». Под лямки подешевеет вояж, чтобы их ширина была 6—7 сантиметров. Все тяжелые вещи кладите на дно рюкзака, легкие — сверху, мягкие — к спине. На наружные карманы положите то, что чаще всего требуется в пути. Рюкзаки должны быть удобными. В первых снаряжайте заполните углы. Каждая вещь в рюкзаке всегда должна ложиться в одиночку и жестко, чтобы ее можно было легко найти даже в темноте. Для женщин вес рюкзака с грузом не должен превышать 20 килограммов, для мужчин — 32 килограммов; для девушки — не более 16 килограммов. Соответственно 10 и 14 килограммов. Практически это значит, что личное снаряжение и продукты все несут примерно поровну, а групповые снаряжения (палатки, ведра и т. п.) — только мужчины.

Перед многодневным походом следует проконтролировать тело, чтобы все новички привыкли начальные туристские навыки, проверили снаряжение. Руководитель похода познакомится с физической подготовкой участников, их способностью к выполнению различных походных обязанностей, умением ориентироваться. Туристы становятся с необходимыми предметами: дровами, но и водой, столовой ложкой, миской, посудой, оказывать первую медицинскую помощь. Работа и поведение каждого отражаются на всем коллективе.

Не забывайте о правильной организации переходов и привалов. Привалы на 10—15 минут устраиваются через каждые 45—50 минут ходьбы, кроме первого привала, который делается через 10—15 минут; на этом

привале нужно устроить все, что машет при ходьбе: снять лишнюю одежду, погреться поближе, подстегнуть или ослабить лямки рюкзаков и т. д. Время переходов и привалов следует корректировать в зависимости от условий похода. Например, при подъеме в гору привалы делайте через 20—25 минут, кроме того, через 5—10 минут нужно делать кратковременные остановки на 1—2 минуты, чтобы перевести дыхание, не снимая рюкзаков.

Чтобы во время перехода группа шла плотно, не растягиваясь, нужно соблюдать определенный порядок: передней идёт руководитель похода, за ним — помощник руководителя, за ним, последним идет самый сильный и опытный турист — замыкающий. Он следит, чтобы никто не отстал, а при длительной задержке одного из участников должен остановить группу. Соблюдение такого порядка при переходе не сырьцство, а необходимо, чтобы все участники группы двигались в одном темпе, чтобы заторов не было. Особенно много неприятностей доставляют походы лихачи, которые самовольно уходят от группы, лежат в спальных местах, в буде они рискуют не только собою, но и всеми, кто одновременно уходит. Поэтому вся группа сидит с маркерами, чтобы всегда сидеть с маркером, чтобы добиваться пострадавшего в больнице, или в лучшем случае надолго задержаться.

Когда проходит 60—70 процентов запланированного дневного перехода, делается большая привал для обеда и отдыха. Наряду с обедом устраивается кратковременное ванные время, занятое 2—3 часа, желательно вблизи водоема.

На ночлег следует останавливаться засветло, чтобы разбрать бивак до наступления темноты. Место для ночлега должно быть сухое, с достаточным количеством топлива и питьевой воды. Палатки устанавливаются на возвышенности, чтобы избежать пронеса непогоды их не заняло дождем.

Ну, а в заключение нам остается поклоняться добром путем. Не сомневаемся, что новички, впервые познавшие все прелести туристского похода, не ограничатся сдачей нормативов комплекса ГТО и превратятся в заядлых туристов. Все мы так начинали, а теперь уже нет силы, способной заставить нас сидеть дома.

Ротационные машины печатали лист за листом 9-й том Большой Советской Энциклопедии. В этот том — впервые в энциклопедии — была включена заметка о Леониде Енгебарове, в которой приводились основные факты биографии артиста: родился в 1935 году, окончил Государственное училище циркового и эстрадного искусства в 1959 году, на праиском конкурсе клоунов в 1964 году был признан лучшим клоуном Европы. В 1971 году удостоен звания народного артиста Армянской ССР.

Лист за листом печатали ротационные машины 25 июля 1972 года 9-й том. Леонид Енгебаров входил в энциклопедию...

Именно 25 июля 1972 года, именно в этот день, вечером, Леонид Енгебаров крикнул: «Мама, у меня все горит в груди, помогите мне!» Через 4 часа он умер...

Эта беседа состоялась за месяц до его смерти. Я решил не менять в ней ни одного слова. Хотя, конечно, теперь по-другому смотришь на свои же вопросы, иначе понимаешь смысл ответов, жалеешь о том, что не спросил еще о многом.

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ

Истинный художник, любящий болеть за все искусство, никогда не уединяется собой и старается видеть дальше...

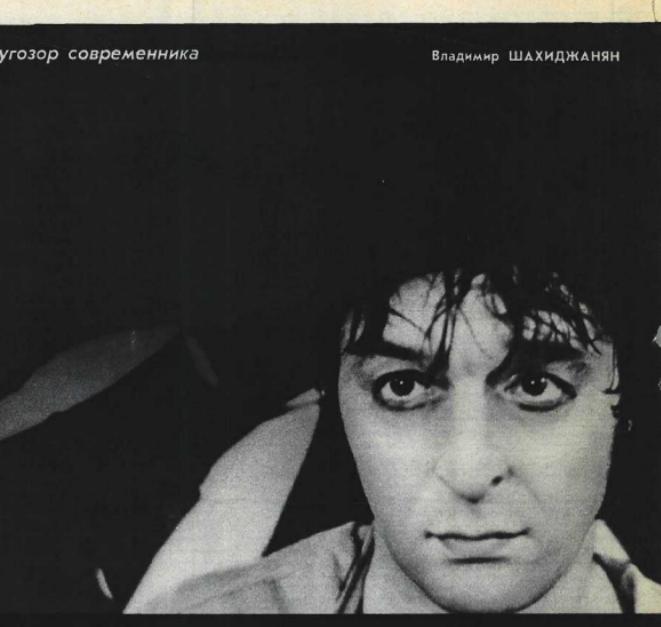
ЛЮДВІГ ВАН БЕТХОВЕН

Лауреат международных конкурсов, народный артист Армянской ССР, клоун, пакхомист, способный рассказать миллионы театральных, артистов, который ежевечерне, а в воскресные и праздничные дни трижды в день выставлял смехом зрителей, приведших на представления в Московский, Ленинградский, Ереванский, Минский, Пражский, Варшавский цирки (мы смотрели его выступление «справлено слишком долго»), — каков он, этот человек?

Я знаю — теперь уже знал — его 13 лет, смотрел первое выступление Енгебарова на арене учебного цирка, в зале, вмещающем не более двухсот зрителей. И был свидетелем его труда на московском стадионе в Лужниках, когда ему подпрыгнули десятки тысяч человек одновременно.

Мне довелось видеть Леонида Енгебарова уполномоченным способом, раздающим автографы почитателям и буквально через полчаса после этого расстроенным и элитам, когда ни один человек не мог заставить его сказать хоть слово. Но интереснее всего было наблюдать Леонида за несколько секунд до выхода на арену. Тогда он — мальчик — сидел у меня на плечах. А вечером устало шагал пешком, всегда пешком, в дом, где его ждала мать.

Мне кажется, я знал его хорошо. Но налишить с него так, чтобы его узнали и вы, трудно. Трудно, но нужно было иметь счастье видеть Леонида Енгебарова в работе, успевавшего делать, давать, отдавать, не думая. Довольствовалась о встрече со зрителями, готовила новые пантокомии, заниматься разработкой рожеками и костюмами для очередного спектакля, хлопотать за молодого артиста, доставать только что вышедшие книги, спешить на просмотр в цирковые училища, сниматься в фильме, записываться на телевидении или на радио, и так далее, и так далее...

И я решил: пусть Леонид Енгебаров сам расскажет о Леониде Енгебарове. А я стала сея в положение человека, не знающего этого артиста, и спросила его о том, что он думает о своих спектаклях, о которых мне хорошо известны.

О клоунах сказали немало. Грустный клоун предстает перед нами в рассказах Куприана, первенец клоун — в романе Генриха Бёля, странный клоун — в кинопроизведении Феллина.

А каков Леонид Енгебаров?

— Я хочу, у вас желание сменить людям? Почему не можете для себя более распространенной профессии?

— Если бы я вас не знал, то обиделась бы, услышав такой вопрос. В нем какое-то преизъявление к моей профессии: подтекст: мол, ничего путного не вышло, так клоуны подались. Но постараюсь ответить серьезно, тем более что мне периодически задают вопросы именно в такой форме.

Рассказ о себе всегда надо начинать с родителей. Это только в анкетах о родителях сообщают в последнюю очередь. А ведь в реальной жизни мы им обязаны всем.

Моя отец и мать никакого отношения к искусству не имели. Отец был знаменитым поваром. В последние годы он работал в ресторанах «Арарат» и «Маринела». А мать — кухарка, сейчас на пенсии. Тем не менее мой старший брат, Михаил, хорошо рисует, средний, Рауль, известный театральный режиссер, писатель, председатель Армянского театрального общества. А младший, то есть я, до сих пор не может определить, кто он.

— Но это же не может спрашиваться?

— Определю. Я поклон на Гела Сойера: мне всегда приходило то, чем занимаются другие. В юности я рвался в спорт. Я увлекся боксом, стал мастером спорта. Потом заразился цирком... Мне кажется, что человек всегда мечтает добиться именно того, чего у него нет. Неч-

даром говорит, что каждый комик мечтает сыграть Гамлета. Когда я был маленьким, я отливался от всех в семье полным отсутствием чувства юмора, что, наверное, сказалось при выборе учебного заведения после окончания школы. Я хотел учиться в институте изобразительного искусства. Это, как считали мои сверстники, было не смешно. Но после долгих размышлений я решил, что это именно для меня. Что призракло?

Может быть, надеясь развить чувство юмора. А если серьезно — почти безграничные возможности цирка. Я стал клоуном. Но вот тогда-то мне захотелось сниматься в кино. Я склонялся в плюс на кинематограф. Потом пытавшиеся драматисты начали писать. Более пятидесяти рассказов опубликовано. Не так давно в Арmenia вышла моя книжка, моя первая книжка — перевод с русского на армянский. А только что я получил сигнальный экземпляр нового сборника рассказов — «Первый раунд», уже на русском языке. Уже на русском, и вот результаты моих переводов: «Москва, в Москве, в Москве...». Оскар у меня армянский, а мама русская. И дома на армянском языке отец говорил только с гостями из Еревана и с родственниками. В свое время я серьезно занялся армянским и научился на этом языке общаются в любви, ругаться и с трудом читать рецензии на мои выступления в армянских газетах.

Конечно, был, все моя жизнь исполнилась, но нет, теперь я мечтаю о театре. О театре, где я смог бы сыграть Хлестакова. Мне говорят, что я стар для Хлестакова. Тогда впадаю в другое предложение: дай роль Сирено в пьесе Ростана. Мне кажется, я сыграю эту роль. Никто не отвечает мне отказом, однако и не говорит «да». И я убежден, что это будет. Я чистильщик чехлов — исполнитель всех моих желаний, рано или поздно, но исполнится.

Сейчас я занят, как мне думается, самым главным делом своей жизни. Вместе с режиссером и моном другом Юрием Беловым по моему сценарию мы соединили спектакль «Причуды клоуна» — исполнитель все мои желания, рано или поздно, но исполнится.

тельно к ней относиться». Кстати, он же сказал: «Даже те философы, которые писали трактаты против славы, не забывали сказать свое имя в заголовке своей книги».

Быть первым в чем-то — это великолепно. И писать о том, что ты первый, тоже страшно: придется к этому. Слава не только свидетельство заслуг; одновременно она означает, что заслуги эти признаются многими. Слава нужна спортсмену, слава нужна слесарю, врачу и, конечно, артисту. Она все время напоминает, что завтра нужно работать лучше, чем вчера. В некотором роде наше поколение — это поколение славы. Слава — это не всегда слава труда, это слава легкого труда. Другое дело, что слава, как и успех, может быть заслуженной и незаслуженной, скандальной, легкой, временной, курьезной... Какая у меня — судите же мне.

— Вы написали приоткрытия Цицерона. Любите древних авторов?

— Могли либо бы интересует мир древний. Ведь в древности, коринфа, холмистой, в давние века. В моем романе вы найдете и Бонифация, и Софокла, и Еврипода, и Аристотеля, и всех греков, издававшихся у нас. Читая древних, многое можно понять о современном. Но должен признаться, цитата из Цицерона — всего лишь цитата, я не могу, конечно, цитировать целые произведения, потому что нет, того нет.

Мы чуть-чуть отвлеклись от вопроса о славе.

— Нам помешал Цицерон.

— Хотелось бы, чтобы мы сказали несколько слов о своем отношении к поклонникам и поклонницам.

— Отличное самое разное. Мне неприятен тип однодилематических, к сожалению, грубых мальчиков и девочек, которые мечтают увидеть лишь нечто пикантное об известном человеке, а если это не удастся, сочиняют никакости сами. Другое отношение к тем, кто пишет тебе умные письма, помогает советом в работе. Спасибо таким людям за то, что они есть.

— Спасибо! Кстати, я — человек общественный, всемирный. Вас, каверзный, часто привлекают в компании?

— Вы правы. Случается, и прихожу к знакомым и визу, что все от меня ждут, когда я начну въезжать публику. Ждут чего-то необычного. Но ли я должен конопляться парижками с помощью ног или при этом рассказывать забавные истории, то есть, стоя руками на столе. Ставлю ноги на стол, и все говорят: «Ну вот, это что же такое?» Я же не могу сказать, что это глупо. А потом слышу разговоренные голоса: «мы-то думали, что он... А он, смотрите, какой скучный человек!..»

— Общительный на арене, на сцене, и довольно замкнутый, даже скромный другой. Да и друзей у меня не так уж много.

Самый верный друг — мама. Она готова к любым неожиданностям в моей жизни и всегда может отнестися к ним спокойственно.

Затем «великолепная четверка» — Ролан Быков, Юрий Белов, Олег Стриженов, Василий Шукшин. К нам иду, когда мне грустно, когда труда впереди, когда я не могу писать. Если ты напишешь, что не один, что у тебя есть друзья, интереснее жить. Ведь другому это не просто общение человека с человеком, это нечто большее, это — полное понимание. И потому кружок друзей не может быть обширнее, как, скажем, круг знакомых, которых у меня очень много.

Мы хорошо себе представляем рабочий дежурный учитель, врача, слесаря, шоферя, ученого. А каков рабочий день «клуна»?

— Утро, как и у многих людей, у меня начинается с зарядки. Лицо у меня — с изнаружкой. Артист вынужден быть всегда в форме. Поэтому приходится тренироваться как спортом. После этого — репетиция: по 10—15 раз повторяю ту или иную вещь, пока я не буду уверена, что умею ее. Однажды я устроила спектакль в одном из театров. Оркестр встал на сцену, а я не могла начаться с критикой. И выход из этого положения я вижу именно в создании своего театра с монопоставками, где останутся моя репризы, клоунады, где появится масса новых трюков, но где все будет объединено одной идеей. Но цирк и по-прежнему люблю. И когда меня приглашают на манеж, я с радостью принимаю это предложение.

Некоторые обзывают ваше стремление создать свой театр тем, что вы пишете славы.

— Ишу! Нет, это неверно. Но, чтобы мне не пришлось вдаваться в долгий спор с «некоторыми», не согласитесь ли мы слегка изменить вопрос? Ну, скажем, спросите меня, как я отношусь к театру?

— Так как вы относитесь к славе?

— Для начала я укроюсь за спину Цицерона, который сказал: «Так как слава только отражение добродетели, неразлучный спутник великих дел, то честные люди не должны прези-

ровать требует эмоционального остыния, если так можно сказать. Даже утомлено совершенно не хочется есть, а перед работой обедать нельзя — будешь вынужден выполнять акробатические номера, жонглировать, поэтому артист цирка и пытается быть скромным».

За час до начала спектакля в цирке или на эстраде я прихожу на работу. Таким образом, вот вам мой рабочий день: зарядка, репетиция, чтение, обед, короткий отдых, время на дорогу, работа в цирке. И так каждый день. Нередко бывает, что в эти же часы нужно встать еще сильнее кинуться на телевизор, записать ток-шоу и выйти со студии в студию, участвовать в других концертах, до матча борьбы в цирке или после вечернего представления, если мое выступление ставится в концертной программе где-то в конце. Так и живем. Довольно напряженно.

— Когда видишь нас на арене или на сцене, то понимаешь, что это — счастье, это радость, видимость. Одно только стоять в зале, когда вы стоите на левой руке, а тело вытянуто параллельно макушке, требует огромного усилия. Поэтому, наверное, я закономери следующий вопрос — о здоровье клоуна.

К счастью, я здоров. На пенисю не собираюсь, и здоровье мое остается 5 лет до получения пенсионного возрастного ограничения. Потом начинается после того, как я клоню пробором 20 лет, независимо от возраста. Как видите, наш труд приравнивается к самому тяжелому физическому. Поэтому я здоров и я здоров в клоуне должно быть геркулесовским.

В цирке вас подстерегает масса сюрпризов. На арену вы можете сесть на стул, глянцевый блеск, гайки и другие подиумы от старинных воздушных аппаратов. Одно нечтное движение во время репетиции — и растяжение, ушиб, травмы вам обеспечены. Вы должны пытаться, поднимать металлические упоры. В такие миги устремлены арены, наверное, сражаться с шагом забытого в 1913 году. За кулисами время от времени вы можете упасть на мебель, готовящуюся к выходу, а посыпать чай, кофе и вермикели. В цирковом буфете вас порой так кормят, что лучше заранее настичь часы для посещения терапевта, ибо все лучше из продуктов отдается хищникам — львам, тиграм и пантерам... Я, конечно, утирирую, такова у мои профессии. Но, говоря о требованиях к здоровью, я хочу сказать, что я здоров.

Вы человек увлекающийся. Вероятно, у вас есть и увлечения, которые называют хобби?

— Привозился, я и люблю слово «хобби». С ним связана нечто модное. А мне неприятны увлечения, продиктованные модой. Всегда стало модным вырезать из дерева, и этим занимаются все. Однажды я тоже модной собирать сечи. Поэтому я увлекаюсь в общепринятом смысле у меня нет, я ничего не собираю. Я увлекаюсь чтением. Много читаю, пишу сам. Люблю музыку, изобразительное искусство... Но сколько на земле не увиденного мною — я говорю о живописи, графике, о прикладном искусстве; сколько неизмышленного — симфоний концертов просто заставляет дрожать от восторга! Знаете, я подумал, что жизнь всегда коротка, сколько бы люди ни жили. Коротка, потому что человек не успевает сделать все, что им задумано.

Еще об увлечениях. Я люблю ходить пешком, но вряд ли это то, что вас интересует. Люблю спорт. Внимательнейшим образом слежу за всеми спортивными соревнованиями, особенно по баскетболу, ведь сам когда-то занимался баскетболом.

Сейчас я задам вопрос, на который не все отвечают охотно, но все-таки хотелось бы получить от него более или менее точного ответа, ибо каждый молодой человек рано или поздно начинает размышлять над этим вопросом: «в чем смысл жизни? Чем в ней гений?»

— Вопрос «Чем в жизни гений?», наверное, близок к вопросу «Чем в счастье человека?». А счастье, по-моему, в ощущении своей нужности, в радости, которую получаете от жизни... Если ты стремишься привнести в свой труд что-то новое, то всегда неизбежна борьба — с самим собой с устаревшими представлениями, с наследственными и житейскими преградами. И когда ты выходишь победителем, ты счастлив. Не правда ли? Думаю, это характерно не только для моей профессии...

Как и для большинства людей, для меня главное в жизни — работа. Хочется сказать свое слово в искусстве. Я ищу возможность соединения на первый взгляд несоединимого: цирка с театром, цирка с кинематографом, литературой. Здесь бездна неограниченного, и цель — проникнуть в нее как можно глубже.

— Есть ли человек, которому вы завидуете?

— Да. Это Василий Шукшин, прекрасный ли-

«ЭЗНЕМ»

уна. Спектакль этот — начало нового коллектива. Уже готовы сценарии следующих представлений — «О смешном и грустном», «Любовь».

— Значит, вы находимся ушли в цирк? Чем это вызвано?

— Дело в том, что клоун признался занапытству, что я — профессиональный работодатель, что я — директор, гимнаст, гимнастка, турник, а я склоняю, что так не говорят, только занапытывают пустоты между номерами, его задача — сделать неизвестными для зрителей смену костюма на манеже, вынос и переноску аппаратур, элементы бутафории, а также дать разрывку после выступления теки или иных артистов.

Мне же, как артистки, одна — конспираторка, другое — злодей, третьи — возмущаются, что когда я и работала на арене, то это становятся чутили не глазами, не приятно, не годится... С одной стороны, меня это радовало. Выходит, что не просто занапытитель пауз, а артист со своей ролью, разыгрывая свою роль, разыгрывая свою, со своим характером, образом? Оправдываю себя, я не могу отказатьься и с критикой. И выход из этого положения я вижу именно в создании своего театра с монопоставками, где останутся моя репризы, клоунады, где появится масса новых трюков, но где все будет объединено одной идеей. Но цирк и по-прежнему люблю. И когда меня приглашают на манеж, я с радостью принимаю это предложение.

Некоторые обзывают ваше стремление создать свой театр тем, что вы пишете славы.

— Ишу! Нет, это неверно. Но, чтобы мне не пришлось вдаваться в долгий спор с «некоторыми», не согласитесь ли мы слегка изменить вопрос? Ну, скажем, спросите меня, как я отношусь к театру?

— Так как вы относитесь к славе?

— Для начала я укроюсь за спину Цицерона, который сказал: «Так как слава только отражение добродетели, неразлучный спутник великих дел, то честные люди не должны прези-

Ч

то преследовал этот допрос о Жакли? Не считали же они меня виновным в ее исчезновении. Чушь какая-то... Но за мной сейчас, несомненно, будет присматривать. Пусть в Лусоне мне пока ничего не грозит...

Но об этом потом. Салун встретил меня boom электропирами, пыльным галдежом за стеклами, клубами дыма у потолка и подпирившей стойкой бара, по которой можно было гонять кружки с пивом, как кегельные шары. Я присторгнулся к ней, поймал полную кружку и оглянулся на молча сосущего пиво соседа.

Но об этом потом. Салун встретил меня boom электропирами, пыльным галдежом за стеклами, клубами дыма у потолка и подпирившей стойкой бара, по которой можно было гонять кружки с пивом, как кегельные шары. Я присторгнулся к ней, поймал полную кружку и оглянулся на молча сосущего пиво соседа.

Ко мне обратился обросшее русой бородой лицо моего недавнего знакомства, «первака» из бара центрального космопорта. Он из сразу узнал меня: в своем живописном мундире пилота я мало походил на прощецкого, перемахнувшего через стойку, чтобы ударить от проверки.

— Значит, не спалили? — улыбнулся он.

— Да, спасибо.

— Не от таких уходи.

— А теперь кто ты?

— Космик. Всюду вашу бодягу домой.

Окончание. Начало см. в №№ 5—9, 11, 12.

— Бруски?

— Ага.

— Будь они прокляты! Сбежал бы, да не куда.

— А ведь говорил: не все ли равно, что в скраффите? Дышать дают, заправку тоже.

Дахс. Контракт на пять лет, а ты уже через год пившила.

Я задумался. Кажется, открывался рычаг воображенного мной механизма.

— Говоришь, сбежал бы, да некуда. А вдруг есть куда?

— Может, с собой возьмешь? Страчешь в машине?

— Приезжай на военном космодроме. Только склем — схватят.

— Так куда же бежать? Кругом пустыни. Зыбучка да камень.

— А за пустыней?

— В зону Содружества?

— А что тебе их бояться? Думаешь, местные слащади?

— Не думай... А как сбежишь? Ножками? На второй день слалишься. Да и в баллонах скатого воздуха часов на восемь, не больше. Нужна машина, Чебби. А где ее раздобучешь?

Я огляделся по сторонам и сказал, понизив голос до шепота:

— Подумаем. У меня здесь, между прочим, тоже не рай. Тсс...

Я предупредил ответ Айка. К нам подходила Стив Кодбюри в кожаном пиджаке с дубиной

кожей у пояса. С такими же эластичными, щокоглубинами шагали позади трое его телохранителей — разные парни, косые сажень в плащах.

— Привет блудному сыну, — усмехнулся он нахлебой, — в честь возвращения приказу, пожалуй, зажарить барабашка.

— Не фигаширайтай, — сказал я. — Протяни. Он присел возле меня у стойки. Телохранители стали сидеть.

— Протяни? — повторил он с идиотским видом и начал протягивать слушать Жакли.

— О чём же? — спросил я невинно.

— О волке в овечьей шкуре. Она тебе никогда не верила. Только здесь молчала.

Я оглянулся. Телохранители выстроились угрожающим взором. Айк куда-то исчез. Вероятно, не захотел связываться с директором. Что ж, по-человечески это понятно.

Я решил обмануть, пока есть время.

— Бред собачий. Кто поверит психованной бабе? Даже Уоррен не верил.

— Я поверил.

— К счастью, ты не внесеншен.

— Достаточно силен, чтобы прокупить тебя здесь и отмыть на вымпучку.

— Не рискнешь, — сказал я, — и Уоррен.

— А я не ушащу? О пылью драке в салуне, где не слишком уважают законы?

— Есть свидетели — зал полно.

— Кто из них рискнет пойти против меня в открыто? Тебе конец... И только свистку...

Но свистнуть не успел. Я сбил его одним ударом с табурета, успев стать к стойке спиной. Маневр был своеобразным, потому что один из телохранителей тоже ринулся на меня, как таран. Я отбросил его ногой. Но парировал дубинку второго не успел — только отскочился

КАНАТОХДАЛЬ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

чуть-чуть так, что удар привнесся в плечо. Укол электротока сковал меня, в глазах потемело, а затем я упал на пол. Меня не только обхватил голову руками, чтобы не оторвало от земли. Но удара не последовало: кто-то отрывисто скрипнул из гаражной двери, что вызвало немедленное Пусты присыпать наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся уже кiosкам, нашел журнальный и, как предполагал, Линнит. Он деловито развернувшись по стендам газет и первых параллельных газет и сигарет, поступил в кiosк, вынул из кармана телефон и под наким предлогом я могу получить у него необходиное мне распоряжение о выдаче электротока?

— Подстегает в карьере.

— Подстегти лягушку на болоте, — усмехнулся Айк. — Все зеленые, все в скрафферах.

Мне могли подстегнуть у отеля. Поэтому я прыгнула из слуху направился в пляжный зал. Все уже спали и заспанными дежурным в гардеробной раздавливал мой пилотский жетон, пропуск членства в ассоциации. Но, проснувшись, завел ее без промедления, даже не непрерупленные иноны в шлюзах.

— Энергии хватит? — До СВК-два?

— Весь пустыня пройдет в любом направлении. А на СВК-два ставьте курс 114 спичкой.

К Европе я прыгнула из кiosка СВК-два. Служебная безопасность, несомненно, боялась, что я сбежала из отеля, и потому, не играя в прятки, я публично закрыла по видео номер в отеле, добавив, что выезжаю немедленно. Пусты присыпать наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся уже кiosкам, нашел журнальный и, как предполагал, Линнит. Он деловито развернувшись по стендам газет и первых параллельных газет и сигарет, поступил в кiosk, вынул из кармана телефон и под наким предлогом я могу получить у него необходиное мне распоряжение о выдаче электротока?

Итак я вспомнила о булляже Жаклин.

— Надеюсь, мне уже не придется вспоминать о старых номерах «Новостей», — спросила я, не задорвавшись.

Линнит не удивился.

— Принесла за деньги?

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась. О своем задании мне известно.

Линнит не нужны люди и деньги. Людей ты найдешь сам или уже напечь на месте, а за деньги приехал ко мне. Я даже слажу, сколько тебе нужно.

— Пять тысяч.

— Возьмись десять.

— Ващец, моя милая.

— Не я. Чабби. Первый. Когда ты хочешь их получать?

— Сейчас.

— В отеле?

— Нет. В отель я не поеду. Опасно: могут следить.

— А где же передать деньги?

— Влезжай на электроле немедленно, но со скостью черепахи. Догонишь в дороге.

Пакет с деньгами был вручен мне на пятидесятном километре от СВК-два.

— Подстегает в карьере.

— Подстегти лягушку на болоте, — усмехнулся Айк.

Мне могли подстегнуть у отеля. Поэтому я прыгнула из слуху направился в пляжный зал. Все уже спали и заспанными дежурным в гардеробной раздавливал мой пилотский жетон, пропуск членства в ассоциации. Но, проснувшись, завел ее без промедления, даже не непрерупленные иноны в шлюзах.

— Энергии хватит? — До СВК-два?

— Весь пустыня пройдет в любом направлении. А на СВК-два ставьте курс 114 спичкой.

— Зевнула.

К Европе я прыгнула из кiosка СВК-два. Служебная безопасность, несомненно, боялась, что я сбежала из отеля, и потому, не играя в прятки, я публично закрыла по видео номер в отеле, добавив, что выезжаю немедленно. Пусты присыпать наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся уже кiosкам, нашел журнальный и, как предполагал, Линнит. Он деловито развернувшись по стендам газет и первых параллельных газет и сигарет, поступил в кiosk, вынул из кармана телефон и под наким предлогом я могу получить у него необходиное мне распоряжение о выдаче электротока?

Итак я вспомнила о булляже Жаклин.

Впоследствии Дигбите называл мой илан чистейшей воды авантюристом, непростительной для разведчика, обиженного действовать только на верху. Я же рискованно отчаянно и бесправно находился на сопутствующем мне удалении, разъединенном в односкладье скрытую под маской всесильного повелителя обыкновенную человеческую трусость. С таким вздохом я ишел к Европре и Евроррену примерно за час до начала операции на обогревательной фабрике. Уоррен принял меня сдержанно и чуть-чуть ущипнуло.

— Соединяйтесь на работе, Лайк?

— Я раньше не тягнула время.

— У меня неизложенный и важный разговор.

Кстати, важный не только для меня, но и для вас.

Потому дайте световой сигнал на дверях, чтобы вас не беспокоили. — И посмотрел на часы.

— Сейчас. Десять минут до двенадцатого. Скажем, до часу.

— И я буду впереди разговор такой длительности.

Дигбите и я, Лайк, сидели у Евроррена.

Рэгров будет недолго. Я пододеж ближе.

— До часу вы пробуете в одиночестве.

— Вы, кажется, угрожаете, Лайк?

— Не буду обманывать, да.

Я тут же извлек из нагрудного кармана складывающийся тайник, добытый у Жаклин, и выпул блудушки.

— Узнаете?

— Булляже Жаклин. — Тордевые губы Евроррена побелели.

— Профессиональный разговор. — Я показал полупачку булляжек.

— Так вам знакомо действие препарата? Руки! — крикнул я, когда Евроррен потянулся к сигнальному клавишнику.

Сияет смирно. Вот так. Мне даже не понадобится оправдания, когда вас, парализованного, падут в кресле. Любой из ваших врачей поставит один и тот же диагноз — инсульт. Вы же гипертоник, с комплекционным видом.

— Вы понимаете меня, Лайк, — очень спокойно проговорил Евроррен. Но я не торгуясь. В моем положении это абсурд. Итак, что нам требуется?

— Небольшая услуга, значительно дешевле вашей жизни.

Но я тоже не торгуясь. Прежде всего наберите сигнал о том, чтобы вас не беспокоили. До часу. Только никаких тревог и прочих фокусов.

Лайк покорно набрал на клавишнике трехбуквенную смайл.

Теперь предписание о немедленном предоставлении мне вашего электротока на неограниченный срок.

— Решили бежать?

— Вы угадали.

— В зону Содружества?

— Поразительная догадливость. Диктуйте.

И снова покорно подчинились Еврорен, выдав мне словесную форму требуемого предписание.

— Что скажешь?

— Пустяк. Крошечная штука, которая про-

должна вас в состоянии неподвижности, — я

взглянула на часы, — час сорок минут.

Глава двадцать третья,

в которой Лайк переигрывает

Уоррена и выполняет

задание Центра

Линнит не переборщила с деньгами: десятия хватило в обрез. Индикатор затраты писать, да по две прописать обладают плюсом механизмов, плюсакции и выпускаемых металла с обогревательной фабрики. Мой механизм должен быть более совершенным, чем у индикатора, когда работа прекращается на обеденный перерыв. Индикатор выпустит на транспортере один бруск от предыдущего купола в сопровождении Айка и Рода. Транспортер тут же выпустит, и бруск мгновенно перегружается на ожидающий у шлюзового выхода электрол. Я включю управление, и мы со своим добчым уходом в пустыню, врываемся в зону Евроррена на нас: сигнал тревоги, из-за обесточенного переключателя запыленный, наименееактивных прохождениях в баре, гарячая закрыта, и мы выигрываем у погони не меньше трех километров.

Пляж был прост и рассчитан на многовенность и согласованность действий. Стычки уязвимы местом было бы электрол. Требовалось бронированное место, чтобы пропустить его от обесточия из дальнобойных прорезей погоды. И вот в этот самый бронированый электрол в Лоупоне при надлежал Уоррену. Любая цепь и должен был получить его, обеспечив свободу действий после этого по крайней мере в течение часа. Но как?

— Индик Гиш, — сказал Род.

— Индик — это имя?

— Нет, кличка. Такой же надутый и жадный.

— До десерта?

— Еще как!

— Погоди, — сказала я, не обясняя ребятам, что я задумал: побудь позже. — Значит, до воскресенья здесь же. А сейчас расходиться, пока Стив не вернулся.

— Он не вернется. В салунах свои законы, и не ему их отменять.

Подследать подчинил Уоррен на письменном приказании о выдаче машинки? К сожалению, у меня не было рукой человека, способного сделать это с достаточной точностью. Да и Уоррену самому мог потребоваться электрол именно в это время. Убить его? Где? В служебном кабинете, куда каждую минуту мог сплыгнуть лягушка из его подчиненных? Бред. Удобрение этого было бы опасно для меня и машины, всплыть ножом складывая и выбрасывать изо рта, задыхнувшись в зловонной атмосфере глянца будущего по космодрому. Но такая операция потребовала бы точно рассчитанной и длительной подготовки, а в моем распоряжении не было и полных суток. Можно временно вывезти из строя Уоррена — у меня имелись ампулы с первично-параллельными газами и сигареты, позволяющие вывести из строя любую машину, но под каким предлогом я могу получить у него необходиное мне распоряжение о выдаче электрола? Итак я вспомнила о булляже Жаклин.

Впоследствии Дигбите называл мой илан чистейшей воды авантюристом, непростительной для разведчика, обиженного действовать только на верху. Я же рискованно отчаянно и бесправно находился на сопутствующем мне удалении, разъединенном в односкладье скрытую под маской всесильного повелителя обыкновенную человеческую трусость. С таким вздохом я ишел к Евроррена примерно за час до начала операции на обогревательной фабрике. Уоррен принял меня сдержанно и чуть-чуть ущипнуло.

— Соединяйтесь на работе, Лайк?

— Я раньше не тягнула время.

— У меня неизложенный и важный разговор.

Кстати, важный не только для меня, но и для вас.

Потому дайте световой сигнал на дверях, чтобы вас не беспокоили. — И посмотрел на часы.

— Сейчас. Десять минут до двенадцатого. Скажем, до часу.

— И я буду впереди разговор такой длительности.

Дигбите и я, Лайк, сидели у Евроррена.

Рэгров будет недолго. Я пододеж ближе.

— До часу вы пробуете в одиночестве.

— Вы, кажется, угрожаете, Лайк?

— Не буду обманывать, да.

Я тут же извлек из нагрудного кармана складывающийся тайник, добытый у Жаклин, и выпул блудушки.

— Узнаете?

— Булляже Жаклин. — Тордевые губы Евроррена побелели.

— Профессиональный разговор. — Я показал полупачку булляжек.

— Так вам знакомо действие препарата? Руки! — крикнул я, когда Евроррен потянулся к сигнальному клавишнику.

Сияет смирно. Вот так. Мне даже не понадобится оправдания, когда вас, парализованного, падут в кресле. Любой из ваших врачей поставит один и тот же диагноз — инсульт. Вы же гипертоник, с комплексионным видом.

— Вы понимаете меня, Лайк, — очень спокойно проговорил Евроррен. Но я не торгуясь. В моем положении это абсурд. Итак, что нам требуется?

— Небольшая услуга, значительно дешевле вашей жизни.

Но я тоже не торгуясь. Прежде всего наберите сигнал о том, чтобы вас не беспокоили. До часу. Только никаких тревог и прочих фокусов.

Лайк покорно набрал на клавишнике трехбуквенную смайл.

Теперь предписание о немедленном предоставлении мне вашего электрола на неограниченный срок.

— Решили бежать?

— Вы угадали.

— В зону Содружества?

— Поразительная догадливость. Диктуйте.

И снова покорно подчинились Еврорен, выдав мне словесную форму требуемого предписание.

— Что скажешь?

— Пустяк. Крошечная штука, которая про-

должна вас в состоянии неподвижности, — я

взглянула на часы, — час сорок минут.

Я блефовал с лицом завзятого картежника, прикрепляя к руబру письменного стола машиниста, который изображал из себя аристократический клуб из плюшескам и фальшивым парфюмом.

Это выразительное устройство с тиферблатом включено не требуемое нам время. При машинном включении движением оно немедленно придет в действие. Не тянется ни к клавиатуре, ни к радио. И твердо помните, что полностью выключить механизм вы можете только в час дневнику. Ни секунды раньше.

С отчаянием я выпил, оставил весенний поезд-рекорд в состоянии бояка после поноса.

И уже тоже знал, что полтора часа с линией он не предпримет никаких направленных проприетарий мечт.

Но в одном я ошибся, и ошибкой моей она не поправила. Обнаружив ее в узле в гарячем, получив требуемую машину «Броненосец» и сама быстрая, я начал с головой вспоминать, как же машины назывались:

— Не «сама». Ракета, на которых стреляют пистолетами в пустыне, вдвое быстрые». Плещаков — пулевые зверьки Второй Планеты — я в пустыне не видел, такой ракетой использовалась, да и менять что-либо сейчас было уже подозрительно. И получила золотистый Альянт Уоррен, и, ровно в двенадцать часов каждого дня, ее выходили, и она обогнула фабрики. Две минуты, часы одновременно. Шесть закрыт. Минута двадцать секунд. Я жду.

Полторы минуты. Начинаю тревожиться. Две минуты. Выходной шлюз выпускается на транспортере укороченной платформой с одним бруском и двумя сопровождающими в таких же, как и мое, зеленых снайфандрами. С разговором: я об этом уже позабылся.

— Грузы в багажники, — приказала я, открывая крышки.

Мгновенно бруск с платформы был передан в багажники машины. Крышка захлопнулась.

— По местам, живо!

С такой же быстротой три зеленых лягушки скрылись в пасти золотистого электротела. Укали и поставили раневые: курс то двинуть-двиньтать. Точно по карте. Оставалась пуск. Я не замедлил ни секунды, и машина развалилась с места со взрывом воздушных струй, набирая скорость.

Ничего не произошло. Ни суты на шахзоде, ни скрипка тормозов, даже очищенные, как мы были, должно быть, не поняли, что к чему. До освобождения Уоррена из ложного плена осталось около пятидесяти минут. Значит, при скорости до пятисот километров в час мы выигрывали не менее четырехсот километров. Да тысячи километров! И это не считая Супердрайвов, которые, часа плюс. Много. Раньше при всех возможных задержках доходит нас на подбородок.

Я взял карту: лизловая лента пересекала наш путь примерно на тысячном километре — землячка. Надо менять курс, чтобы обойти ее где-то справа или слева — лишние триста километров пути.

— Не менять курса, — подсказал Айк, заглянув в карту.

— Ах, бучба, видишь? — пояснил я.

— И что же? Я знаю.

Из тьюбика не может быть воздушной по-души. Лизловский песок не оказывает сопротивления воздушным струям, свободно спускаясь под ноги дезавешем. А ширина какая! Постмотрю на масштабту — не менее пятидесяти километров. Никакой инерции не хватит даже при такой скорости.

— И все-таки, — говорю с куском. Там кромка синоптика — я помню. И землячка служит горизонтом почти вдвое. Подойдем ближе — обясняю.

Я согласился. Айк не безголовый — ара рисковать не будет. Подождем, если просит. А на обзорном экране, отражающем все землю до горизонта плюс машины, в размытстве пространстве вспыхнула черная точка. Она двигалась, пустынную размозг кровоточенного черного пятнышка. Погоня.

Не рискую, Айк? — обеспокоился Род.

— Они будут обходить нас справа, скрывающая угол. Рассматривают, что мы пойдем вдоль кромки синоптика. О землячке они тоже знают.

Замужская зуммер видео. Я откликался, не включив экрана.

— Кто?

— Вонисия взглянула мне в глаза. Чабби, — ответила динамика голосом Стэна. — Включи экран.

— Зачем? — сказал я. — Ты мне надоел давно и достаточно.

— Не хорохорься, Чабби, — продолжал динамика, — тебе и своим друзьям конец. Утоним в

зубыче. Слача на милость не поможет. Милост не будет.

— «Хорес», — подумал я. — «Злы и вонючий хорес. Знает, что его стороне скорость». Динамики, всхлипнув не то от радости, не то от злости, умолкли. Я включил видео.

— Будем отстреливаться? — спросил Род, перебираясь к щели скорострельного пулемета. Я знаком с этой штукой.

— Подожди, — прервал Айк, — до землячек они не додрогут.

Планета, на которой чужаки изменились. Красный песок на горизонте покрываешь темной полоской. Приближалась землячка. Она подошла к лизлову реку или сточную болотную гладь, окаймленную кустами синоптика. Приближалась она с чудовищной быстротой, нестяга косями рымжеватыми полосами, как будто сотворивший ее создатель мазанул желтой кистью по фиолетовой грязи.

— Вышли правильно. Здесь, — удовлетворенно промолвил Айк, — это делать надо на курку. Да от ствола не откусит, чуток влезе. Именно здесь мы и начали брод.

— Какой брод? — удивился я.

Какой брод мог быть в толще землячек песков, не выдержавших никакой тяжести?

Айк обяснял:

— Когда меня, штрафника, сунули в похоронную команду, именно сюда мы и поехали. Видели на землячке одного мертвого и вспомнили меттья вин в почву землю. А он не ноги.

Легит в песке и не воскресает. А легит в багром — чут: у нас такие багры для захоронки — чуту: грунт не то нее, не глины. Положил багром, перебрался на рыжеватую песку, где мертвых лежал, — стоять можно. Меттья два шириной под ногами, будто каменная стена. Просто сидеть. Просто сидеть и ждать то самое. Быстро. А землячка тварь, и она нет, в то время землячка. Потом один из наших ребят до конца пропадет, должно быть, километров десяти: здесь землячка горловиной суживается. Ну, а мы, понятно, об этом молчок, пригодится, думали: а шеф, который с нами был, сунули мордой в землячку. Да еще багром помогли. Где видите, синоптика по краю, а дальше по линии. Быстро. А землячка.

— Так и они пискачили, — сказала я.

Они загодя нас обозлили, под углом. А спраша про твои ноги. Либо в землячку, либо в багром, если сообразят. А вернее, не успеют. Увидят, что мы прошли, и рванут. Где на таком скроются собираться — не те головы.

Айк предсказал точно. На твои скорости, с какой мы летели над лесчаной пустыней, даже рассмотреть что-либо внимательно было трудно. Лизловский песок, скрывающий землячку, бесконечно тянувшийся куда-то влево, жесткие пастовые пропашни на фиолетовой глади, уходящие рванием полоской к горизонту. Они приближались так быстро, словно несло их устремленный ураганом пустыни. А справа в обзорном стекле увиделась черная ракета, превращавшаяся из куриного яйца в причудливо согнутые белые перья. Оно действительно было яйцом. Но в раскрытии яйца, что мы поворнем влево, спряталась и тут они нас и достанут. Конечно, прибрить стекны нашего электротела нельзя было даже бронебойным снарядом, но длинный черный бочонок, видав больше нашего золотистого, мог пойти на тарел, отпрокинут на квадру багром и тогда уж пробить и дыши и баллон с землячкой, подумал я. Продолжая разглядывать картину, я начал медленно пробовать машину Диагно: он, вероятно, доложил это и соответственно подготовился, но едва ли мог предполагать, что не сворачива, мы с той же скоростью пойдем над землячкой. Он даже притормозил, увидев наш призрак в лиловую песчаную муть, но раздумывал недолго. Дикий был глух, но смел до неосторожности. «Они прошли!» Прошли. Так почему бы и нам не проинти? На нас вдое выше». Так, вероятно, сработала его первая и все решинная мысль.

На скорости, с какой мы шли на «броне» в землячку, можно было увидеть только черный бочонок, похожий на кот в прыжке, метнувшись над коварной гладью и терявший скорость с каждым мгновением. Он скользнул по песку, ушел в яму, как торпеда. Две-три скайды, и все было кончено. Вероятно, они и не заметили нас, когда землячка, в свою песчаную могилу на течь пор, не достигла дна или пока не иссыпала влагу.

Мы или уже не так быстро, и все внимание наше было приковано к рыхким пропашням «броне», а гибель преследователей была столь мгновенносной, что мы на нее даже не реагировали.

Слётный сигнал на двери притягивает взгляды. Я молча, оценивая ситуацию, Игоря Планету поздравил, Айк и Род посланы на курсы механик-брюсов и документации — микророллы и микросъемки — ушли на Планету на два месяца раньше меня. А я вынужден был

взяться. Только Род было противу «Н-да...», но, не успев вспомнить, тоже у不可缺少. Лиши, когда прошли землячек, тоже привычно покраснели до самого горизонта, а губром изложили, посмотрели на часы. Два на четверть. Почти полтора часа осталось до цели.

— Я шел националика, а ее-таки страшно, — задумчиво сказал Айк, — вот так, как они...

— Я не ответил. Дикий, Уоррен, Жаклин и все, с ними связанные, стало вчерашними днем, о которых мы забыли. Раведдин, как шахматист, не вспоминает уже забытых ходов, рассчитывает варианты дальнейших, а рассчитывать, уже мысленно шифры лазерограммы Дабильту о выполнении задания.

Но Рода, должно быть, неоступно преследовала мысль о погибших преследователях.

— Бросьте вы об этом, — прервал я его, — еще сорок минут, и мы дома.

— Ты же не можешь! — сказал Айк.

И снова застонала зуммер видео. Я даже сбоялся. Откуда?

— Кто говорит? — спросил я.

— Включите экран, — услышали мы чей-то приказ.

— Подожди, и включай, — шепнул Айк.

Вдруг это Лоусон?

— Давайте, поглядим, а кругом пустыня. Включай, — речь кончилась.

На экране в неизвестном военном мундире человек лет тридцати упустил с клавишами.

— Говорит пограничная служба Свободной зоны. Сектор второй. Кто вы и откуда?

— Седините меня с начальником службы безопасности, — прореволбал я. — Уполномочен доложить только ему.

— Не вижу оснований для переклички.

— Сообщите, что говорит Дабиль-си.

Человек подумал немножко и сказал с плохо скрытым недовольством:

— Хорошо. Переключаю.

Начальник службы безопасности, тоже в мундире, оказался не из дешевых старцев передавшего эпитетом.

— Кто из вас Дабиль-си? — спросил он с экрана.

— Я.

— А остальные двое?

— Рабочие рудников Лоусона. Поскольку обе в снайфандрах, отличить их нельзя. Помогите мне в исполнении приваты Центра и проследите политическую линию.

Что можно сообщить дополнительное?

— Со мной бруск «ин-металла», добавленного на рудниках Лоусона. Бруск окрашен в золотой цвет, но это не золото. Металл сильно исклучает, и касаться его или находиться поблизости можно только в снайфандрах с антирадиационной пропиткой. Если такиховых нет, изолируйте электротело от остальных брусков на Планете. И не откладывайте — немедленно.

Говорите. Где никто не слушает.

— Надо срочно передать лазерограмму на Планету. Я предвиджу ее сейчас в защищированном виде.

И я продиктовал длинный ряд колонок с птицами-цифрами.

— Будет сделано, — сказал начальник службы безопасности, — и не есть бруск вытряхнут и изолирован до состояния. Если поручитесь за наших спутников, можете передать им, что после необходимости проверки правообъекта будет им предоставлено.

Когда экран отключился, Айк спросил:

— Ты говорил о нас. Что ты от ответил?

— Что вам общим будет и крок и работа. На горизонте показалась смерча на солнце, как гигантский алмаз, прозрачный купол большого города.

— Это их город? — взъерошил спросил Айк.

— Это больше, чем город, — сказал я. — Это свобода.

Глава двадцать четвертая,
в которой Лайк убеждается,
что его профессия еще нужна

Световой сигнал на двери притягивает взгляды. Я молча, оценивая ситуацию, Игоря Планету поздравил, Айк и Род посланы на курсы механик-брюсов и документации — микророллы и микросъемки — ушли на Планету на два месяца раньше меня. А я вынужден был

отделяться в госпитале, избавляясь от остаточной радиации, которая все-таки донесла меня, должно быть, из-за плохой пропитки сканфандра.

И вот я прибыл домой, как говорится, к швейцарской чайке, узелку, привезенному или услышанному? Открыл дверь и вижу... кто-то в коридоре неоднократно бился. За последние две ми события нагромождалась кучка и пребываний, создавая мелодию суетливой, напряженной, пустой, тревожной и радостной жизни, где все служило побором, на которую и были запрограммированы хитроумный и удивительный Чабби Лайк.

Столкнулся сидяк же Дигбит, может быть, в то время, когда я был в куртке, а я был совсем маленький, боль его так же выражалась, какими глазами, которые могли заморозить или согреть. Тот же Дигбит, придумавший Чабби Лайка, вдохновил в него языки и бросивший ее в океанские и космические дали, как ракету, не промахнувшись по цели. Только вены на руках его чуть-чуть набухли да поредели, по жалюзи и пандусам кипятком ходили по земле. И я, как помолчал, — молчал, — сказал он, привстал и поднялся кресло вилочную к столу. — Вы научились уже и мысли читать, — отклинулся.

— Нетрудно. Ты взглянул на мон руки и волосы — они первыми свидетельствуют об утраченной молодости. Здоров?

— Уже.

— Могу поздравить тебя с возрождением и поблагодарить тебя еще подсунул, втайне, для окружающих ты по-прежнему Чабби Лайк.

Чабби вздохнул.

— И рад и жалко. Рад потому, что Лайк сделал невозможное, а все-таки жаль, что он уже полностью рассекречен. Портреты твои, милюшки, пандусы, газеты, ящики, умы! Но кто, в сущности, помог тебе воскреснуть?

Так моя же машина сама уходит.

— Собака, может быть, и уходит, а человек нет. Есть средства, неизвестные молящим внешности, есть биографии, которые ждут обплощения, в дела, требующие твоего ума и таланта. Но о будущих делах потом. Поговорим о следующем. Ты уже знаешь о результате?

— Конечно.

Доподлинно прикрыты, так сказать, закулисными. Твой быстрый был расшифрован сразу. И национальные борьбисты и международный комиссионный физико-химиков. В СБК застращались: лабораторные анализы, мол, проведены без их участия. В сканфандрах работать отказались, потребовав полной замены камер с магнитудами. Только не понимают, что Блондин чистоплынь, беспринципен. Состоится встреча на высшем уровне. Ну и согласились: с золотой маскировкой покончить, назначили дату и место: в Лондоне избранные изображения будут листоны изъять на потребу мирного строительства, руничики в Лондоне взять под международный контроль. Расписались под доказательством, помяли руки и признали инцидент исправленным. В результате, я, конечно, ум и хитрость — это бы, пожалуй, начальство их гроссмейстеров контролировало! Гроссмейстеры, конечно, дали по шапке — Уоррен перезадал куда-то понике, Тейлора подорвали промышленники — где-то командуют у них сыщиком и черными списками, и, наконец, я, Бигль пока не удел. Ждет назначения.

— Мастер! Ушел?

— К сожалению. Но тебе не и добились — не оставили следов. А Док у нас.

— Слышишь.

— Такому трудно в подполье — слишком заметен. Но рветесь назад. Не знаю, может быть, согласился — пошлем.

— А дельбо-й-ой?

Геройски опровергнувшись и помотавшись, как-то странно помочившись слизью, то что членами настенились, то что предупредили о звонком уловистом. Потом вынырнул по видео приемнику, всмотрелся во что-то на экране и сказал:

— Прости.

И в коммунату вошел — у меня руки не поддается сказать, кто...

Бигль.

Разумеется, прыжки к неожиданностям, ему не положено открыто выражать свои эмоции — удивление, страх или радость. Он всегда собирал и готов к самому удивительному, чего и предположить не мог. Но я так и застыл с открытым ртом, как школьники в кинотеатре. Все что угодно, только не это, то Бигль вошел, чудной и непривычный, в штатском, такой же грузный, седой и величественный, каким я привык его видеть на фотографиях или в тех редких случаях, когда он появлялся публично — на конференциях.

Бигль крахти уселился напротив, молча, с ка-

кого-то хитрника подмигнув шефу, а тот скажет:

— Теперь закрой глаза, бывший Лайк. На минутку. Только по-честному.

Я покинул и вдруг услышал до жути знакомый голос.

Но вот мы и снова встретились, сынок.

Первый.

Я олемел.

Бигль — Первый?

Бигль — Даблью-ой?

И Бигль — душа Сопротивления — «слама», питавшегося в себе все оппозиционные группы и партии, всю ненависть народа к последней олигархией на Планете! Чудеса!

— Обязал, — усмехнулся Дигбит. — А еще разведен.

— Классный разведчик, — сказал Бигль. — Не смейся. Первого он знает по голосу, а по кодовому обозначению я был для него невидимкой.

— Если кодовое обозначение открыто, значит, больше не встретимся, — вздохнул я.

— Как знать, сынок. Твоя профессия еще интереснее, чем моя. Ты же не знаешь, что я знаю об этом. СБК, как гигантское: спиралки румплины, внутри — труха. Сланы становятся синий, с которой уже трудно совладать. А партия, смылок, наша партия знает, как и куда направить эту силу и как умножить ее. Не помешали старые Тейлоры и Уоррены, ни помешают новые.

— А где же будет старый Бигль?

— Найдется работника. Пока и им тоже еще нужно.

Как же ты рискуешь приехать сюда? А как хватат?

— Не хватается. Для них я где-то отходяко. А где именно — у меня еще есть привилегия не сообщать о своих маршрутах.

Шеф вынырнул из сейфа папку в черной обложке. Я знал, что разговоры начнутся.

— Тебе бы отдохнуть, — сказал Дигбит. — Воспользоваться передышкой. Миссис другой. Где-нибудь на море.

— У тебя и спутница есть для отдыха, — добавил Бигль. — Я привез с собой Линнет. Ей тоже нужно отдохнуть и сменить перышки.

* * *

С кругого берега мы глядели на море. Сталкновение с белыми гребешками смыло, сною не ласкало и не манило. И гул прибоя не взвился к курортной расслабленности.

Высоко над головой глушили электрические провода и белой санаторной пылью между пикниками деревьев. Но провод, тихонько пересыпался, пронесся, пронесся, кривые, птички, и птички, именно пересыпалась, не пылью и не пыткой.

Пернатые канатоходцы, — сказал я.

— Как в ширке, — улыбнулась Линнет.

— Там сестка. А на земле ее нет.

— Ты имеешь в виду — я в жизни?

— Конечно. Мы же канатоходцы. Только без страховочного троста и без баланса. И уж, конечно, не пересыпалась, не пылью и не пыткой.

Пернатые канатоходцы, — сказал я.

— Там сестка. А на земле ее нет.

— Ты имеешь в виду — я в жизни?

— Конечно. Мы же канатоходцы. Только без страховочного троста и без баланса. И уж, конечно, не пересыпалась, не пылью и не пыткой.

Пернатые канатоходцы, — сказал я.

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

Пернатый, который и отпускаю называть нельзя было, подходит к концу.

— И уши у меня и у меня.

Встретимся ли?

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

Пернатый, который и отпускаю называть нельзя было, подходит к концу.

— И уши у меня и у меня.

Встретимся ли?

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

Пернатый, который и отпускаю называть нельзя было, подходит к концу.

— И уши у меня и у меня.

Встретимся ли?

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

Пернатый, который и отпускаю называть нельзя было, подходит к концу.

— И уши у меня и у меня.

Встретимся ли?

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

крылась панорама города. Новые улицы и площади выстроили старые узлы; сохранившиеся еще с прошлого столетия здания назывались старомодными провинциальными среди изысканных светских львов — причудливых сооружений, кирпичных геометрических форм, пересеченных садами и парками, вмонтированными в стены и изящно плавающими каркасами этажей. Все знамено по мозгам. Родина моего рода родина. Даже в этой привычной все памятной и масштабы малых и сверкающие эмалью и никелем пустоты. А сердце скимается от гнева и горечи за это изведательство над словом *родной*. Третий десяток лет он здесь, в чужой широке, в чужом стиле, и все приглядывается, присматривается, — и не стало близко. Мне здорово не нравится это место, — сказал я, — и не могу сказать, что это место мне нравится. Бигль, живет по кодексу его законов, традиций и правил, даже попонченский музиклад наставляет с утра купаться и вспоминать три минуты, хотя они и кажутся ему часами, как в хирургической палате перед операцией.

Световой табло загорело всеми красками спектра. Бигль подняла мундиры, поправил сбывающиеся волосы и шагнул к неизвестной от стены двери.

— Я жду, Бигль, — сказала она знакомым голосом.

Над столом, как желтый фонарь, сияло одутловатое лицо шифа.

— Сядь, — сказала она почтительную неподвижность.

— Мне бы очень не хотелось, Бигль, чтобы мы сидели лицом к лицу.

— Но — пожал плечами Бигль. — За то, что я — это — я не заслуживаю связи слама с разведчиком? Грубейшие ошибки и, естественно, закономерные последствия.

— Я уважаю строгость вашей самоценки, Бигль, — сказала шеф, — но вы преувеличиваете. Последствия не своим утром трагичны. Вы просто возвращаетесь к своим симиферам. Темы вы ублажаете.

— Следом ваши слова: «Вы переросли их, Бигль». Значит, то порою.

— Верисес, мы их неподножили. Они помогут не только вымыть сопротивляющихся, но и воспитывать подчиняющихся. Есть новые модели с гипноэффектом, запрограммированные на воспитание поощряемыми наивными — не мысли самостийно, доверяя, веря в тебя, пресечь наивную даже в тебе сила дома не жди, когда твой доктор несет, — донесли первыми.

— Это эксперимент? — спросил Бигль.

— Пока да. Но мы надеемся на его успехах.

Надеялись, подумал Бигль. Во-первых, симифер, как и любой механизм, можно реконструировать. Снять гипноэффект или заменить пропрограммой, электронное воздействие требует, чтобы в мозгу, включая и мозговые массы, серии машин, способных пропрограммировать направленность симиферов. Таких машин еще нет. И будут ли? Эксперимент явно строился на песке, но Бигль переверхнал восторженный взгляд шефа и сразу понял, что от него хотят.

— Полезный эксперимент, — сказал он. — Попробую и встану.

Шеф тоже встал.

— Истата, добавил он, — ваше ходатайство о возражении Ли Джексона на работу удовлетворено. Перебежчик, виновный в сладостях сламы, может оказаться полезным. Возьмите его к себе с организацией, тщательной проверки и наблюдения.

— Мало исполнено, — заключил Бигль.

Ему очень хотелось вспомнить на преображенного Ли, и он не разочаровался. Ли покуда, вырос и научился скрывать свои чувства. Ничего не отразилось на лице его при виде Бигля.

— Младший блок-инженер Ли Джексон к смене готов, — отчеканил он.

— Не будем ворочить прошлого, сынок, — сказала Бигль. — Пристуй. Работа знакомая. Рутинная.

Малычишка уже многому научился — не только чувства скрывать. Ретия, Мадлен, Надежда, Коршун. Сколько таких Ли пройдет через Бигля, однажды его презирающих и готовых отдать жизнь по приказу Первого. Метаморфозы Бигля им неизвестны.

Но в этом и состоит своеобразие его пока еще нужной профессии.

Конец

тератор, не менее прекрасный актер и режиссер. И ужасающеший человек! Он обладает боевым души, знаний, интеллекта. Образы, созданные им в кино, останутся надолго. Кино будет читать. Фильмы, поставленные им, будут идти...

— Для определения того, что достигнуто актером — статистика не лучший метод. Но мне кажется, что в цифрах жизнь будет выглядеть любопытнее. Давайте попробуем «сосчитать» ее.

— Давайте. Жизнь на свете 37 лет. Работала, как уже сказали, 15 лет. За эти годы снята более чем в 6 тысячах фильмов. И этому можно добавить тысячи фильмов по телевидению, съемки в 6 кинокартинных. Написано более 100 рассказов и новелл. Десять человек считают меня своим учителем, а я их — учениками. Практически цифра, если учтешь, что цирковое училище в год выпускает максимум двух коверниных. Получил более 5 тысяч писем от зрителей. Прочел трудно, точнее сказать — не думаю, что это возможно. Выступал более 100 раз с рассказами о работе, о некрасивых пасторами... И если бы я, вместо ковара, то давайте запишем еще такую: много выпито... около 24 тысяч бутылок лимонада или минеральной воды. Но 4 за представление. Каждое представление — это большая расход сил, и всегда хочется пить.

— Известно, что вы автор всех своих реприз и минимотор. Сколько их в вашем репертуаре?

— Больше ста.

— Какое из шести тысяч выступлений запомнилось вам больше всего?

— То, которое было вечером 22 апреля 1961 года...

Этот день навсегда останется у меня в памяти. Помню, днем было скверное настроение. Накануне от звания плохое спал. По своей давней привычке на работу побрал пешком. Шел мокрый снег. На фасаде театра, уже старого, Московского цирка на Пресне, гульваре увидел оторванную, в почках лягушку, афишу, вошедшую о моих гастролях. Краски разошлись, и было впечатление — клону плачет.

В гардеробной оглеждался механически. Посмотрел на себя в зеркало и тут только отчетливо осознал — это же мой дебют в Московском цирке. А что будет, если проявлюсь?

Нет, это невозможно. Я repetировал даже номера, я рвался в Москву, я боролся за право работать в Москве. Но я знал, что всем, что смогу. Я убежден, что стану хорошим клоном и что это ходячее професия.

Нет, я не проявлюсь! Ни за что!

До сих пор отчленяю помимо ревущий зал, когда закончилась клонада «Бокса». И что-то совсем невероятное — вызывы после моего ухода за форпост, вызовы, будто это не цирк, а театр...

Я совсем не пользуюсь наклейками и патриками. Мой сценический костюм почти тот же, что и в жизни. Я не пишу, не кричу на арене.

Я молчу, и этот язык оказался понятен зрителям.

— И последний вопрос: легко ли быть комиком?

— Насколько это трудно, знают только сами комики. Клоун — это человек, который в обычной жизни не может проявить свой комический эффект. Но я выхожу на манеж не для того лишь, чтобы смешить «суважаемую публику». Я выхожу на манеж, на эстраду для того, чтобы гово рить с «уважаемой публикой». О добре и зле, благородстве и подлости, о любви и нежности. Возьмите мои репризы, пантомими, клонуиды. Их основная тема — человек. Вспомните «Бокса», где мой герой, самобытный, побеждает сильного соперника, но терпит поражение. Вспомните «Тарелки», «Акробата» — это не просто антре. Нет, здесь разговор со зрителем, хотя на манеже я не произношу ни слова... Одна газета назвала меня «клоном с осенью в сердце». Это приятно. Потому что осень — это раздумье. А ведь без раздумья, замечу вам, без самого серьезного отклика на мир, на жизнь нет и не может быть настоящего клонуа. Об этом и помню каждый день, каждый вечер.

Вечер... Самое любимое время суток. Вечером я по своей старой привычке пойду пешком на работу. Вечером меня ждет шумный концертный зал, со сценой которого я рассказываю людям о жизни и о них самих. Вечером меня ждет переполненная чайна цирка, на золотистом донышке которой так тяжело и так радостно работать...

Рисунок Олега ЛАПШИНА

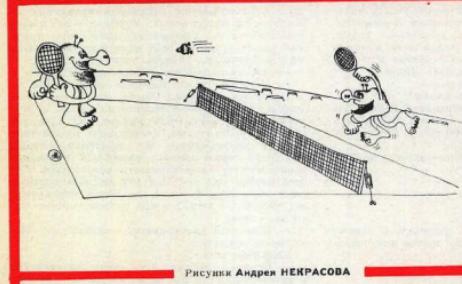

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

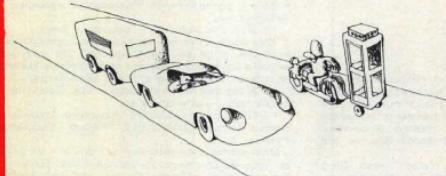

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

АВТОГРАФ

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА
Слова Владимира НОВИКОВА

**ПЕСНЯ ПРЕМИРОВАНА НА ВСЕСОЮЗНОМ
КОНКУРСЕ ТУРИСТСКОЙ ПЕСНИ (1975 г.)**

Все начинается с дороги,
Все начинается с путей;
Но как пройти нам надо много,
Чтоб путь к мечте своей найти.

Не потому ли мы, туристы,
Уют склонил на поход,
Не потому ли мы, туристы,
Идея без устали вперед!

Припев:

Мы на Земле распишемся дорогой,—
Автограф этот годы не сотрут,
Лиши брося в рюкзак терпения немногого,
А ноги нас не подведут.

Все начинается с задачи,
Все начинается с мечты;
Но может человек иначе,
Но может он из красоты.

Не потому ли мы, туристы,
За горизонтом чуда идем,
Но потому ли мы, туристы,
Как стieg, мечту свою несем!

Припев:

Все начинается с терпенья,
Все начинается с труда;
Турист не станет на колени
Перед бедой никогда.

Не потому ли мы, туристы,
Не верим словам, что везет,
Не потому ли мы туристы,
Их наш десант — всегда вперед!

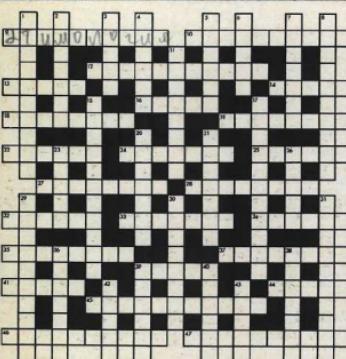
Припев:

Мы на Земле распишемся дорогой,—
Автограф этот годы не сотрут,
Лиши брося в рюкзак терпения немногого,
А ноги нас не подведут.

The musical score consists of two staves of music. The top staff is in common time (indicated by '4/4') and the bottom staff is in 2/4 time. The key signature changes between A major (A, C, E), D major (D, F#, A), and G major (G, B, D). The lyrics are written in a mix of capital and lowercase letters, often with musical symbols like 'f' for forte and 'mp' for mezzo-forte. The vocal line includes several sustained notes and some eighth-note patterns. The piano accompaniment provides harmonic support with chords and bass notes.

КРОССВОРД

Составила К. ЛАВРОВА
с. Булавовка,
Белгородской обл.

По горизонтали:

- Наука, изучающая быт и культуру древних народов. 12.
- Русская живопись XIX века. 12.
- Лечебное учреждение. 13.
- Помещение для автомобилей. 14.
- Слава нелепа с углеродом. 15.
- Французский художник, мастер пастели, лауреат Международной Ленинской премии. 15.
- Скульптор, создавший памятник героям Октябрьской социалистической реформы на освобожденной территории. 18.
- Советский писатель, публицист, основатель и первый борец за окупированную территорию. 21.
- Советский писатель, спортсмен, сочинитель спортивных сочинений. 25.
- Государство в Южной Африке. 26.
- Столица Франции. 28.
- Порт Ф. Гладкова. 32.
- Порт в Болгарии. 33.
- Порт в Китае. 34.
- Профсоюза. 34.
- Герой поэмы А. Твардовского. 35.
- Самые первые и самые новые научные исследования. 37.
- Прибор для измерения атмосферного давления. 38.
- Геометрическое тело. 41.
- Водоплавающая птица. 44.
- Вооруженные силы государства. 45.
- Город в Воронежской об-

46. Разновидность супа. 47. Рациональность, разнообразие.

По вертикали:

- Оправление своего места. 3.
- Врачующая часть туриста. 4.
- Самый яркий изгороди. 5.
- Советский христианский академик. 6.
- Пушной зверь. 7.
- Роман Л. Толстого. 10.
- Государство в Западной Европе. 11.
- Балтийский порт, один из старейших городов Европы. 12.
- Рукодельник первого русского прусского писателя. 13.
- Северная ягода. 14.
- Русская народная игра. 15.
- Большая Медведица. 19.
9. Остров в Индийском океане. 20.
- Название цикла рассказов А. Куприна из жизни сибирских рабочих. 21.
- Областной центр в Сибири. 23.
- Порт в Франции. 33.
- Самый большой остров на планете. 42.
- Единица напряжения электрического тока. 43.
- Предварительный набросок картин. 45.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

7. Турбодр. 8. Фурманов. 10. Огневна. 11. Атласов. 12. Литин. 13. Услуга. 16. Карнилов. 17. Степанов. 19. Штерн. 20. Штрем. 23. «Арсенал». 24. Баркер. 26. Ереван. 28. Личин. 32. Магнолия. 33. Переяслав.
1. Тургунса. 2. Поддвиг. 3. Хурал. 4. Дунай. 5. Смолина. 6. Коссовиц. 9. Интелигенция. 10. Борисов. 11. Бендер. 12. Кантала. 17. Решение. 21. Стальев. 22. Ирано-ливанская война. 23. Разрез. 28. Ялинс. 29. Снегирь.

По вертикали:

1. Тунгуска. 2. Дядул. 3. Смолина. 4. Коссовиц. 5. Интелигенция. 6. Борисов. 7. Бендер. 8. Кантала. 9. Решение. 10. Ирано-ливанская война. 11. Борисов. 12. Кантала. 13. Услуга. 14. Стальев. 15. Борисов. 16. Карнилов. 17. Степанов. 18. Штерн. 19. Штрем. 20. Огневна. 21. Литин. 22. Личин. 23. «Арсенал». 24. Ереван. 25. Ялинс. 26. Баркер. 27. Тургунса. 28. Борисов. 29. Хурал. 30. Поддвиг. 31. Снегирь. 32. Магнолия. 33. Переяслав.

СЕРЫЙ КОНУС АЛАИДА

Со стр. 22.

ИЗВЕРЖЕНИЕ СМЕТАЕТ ВСЕ ЖИВОЕ.

Лисичок привык к людям

ЛЯГА ОСТАВЛЯЕТ МЕДАЛЬЮ

ТЕМПЕРАТУРА ПОРОДЫ ТАКАЯ,
ЧТО И ПЛИТЫ НЕ НУЖНО.

ки-заринки. Блеск белесый занавес покрёл, и открылось незабываемое зрелище. Взрывы непрерывно осмыкают золотом ясно-чёрные сплошни. Из-заонот шелестят, звенят, течёт. Извержение насыщено, и оно неистово, когда то же становится золотым. И друг — затмение, гаснут склоны. Неоднократно светят гигантский глаз-изверг, устремлённый в синеву ночного неба. Потом медленно стекает в воронку взрыва, расчаривает стены светящимися полосами. Новая порция лавы раскалывает под насады землю, подступают к деревьям, к скалам. Разрывы взрыва высоко выстреливают не-большие порции бомб, потом, все учащаясь, захватывают все больше породы, снося и снова выбрасывают золотые потоки, сплавляясь в единий фонтанирующий каскад. Серый рас-свет наяву чёрные контуры на се-ром. Извержение пошло на убыль.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

После двух дней плохой погоды и бессонной ночи у вулкана все заняты работой: отбираются пробы газов на поверхности горы и возле кратера; прорывают замёрзшую воду, наполняют водой бутылки для анализа. Нужно взять образцы лавы, только что попавшей в морскую воду, чтобы установить возможных изменений в химическом составе раскаленных пород. Колышется синеватая вода, осторожно движется подвода. Из сырой изверженной породы всплывают бесплотные птицы. Гураются и глухо в глубинах разуется горячие глыбы; наружу белесую монотонность бурьми фонтанами. С моря идет змесь — погоня волн наступает на горячую стеч-ну, снова уходит. Если лодка в этот момент задержится, то коряга зато-нет. Островы вновь доказывают опасную мощь. На потоки извержениях ве-да по потоку горячая, в нескольких метрах от него — ледяная.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Снова, как запиралось, все ночь. У вулкана. Устали, головно и непри-клюю на сырье, пропахивающее вет-ру. Пепел влезет в глаза, носа на ли-це и руках сожжет и трескется. А уйт-ти невозможно. Лишь перед утром изменившийся ветер погнал в нас вину... — пепел и газы понесло в нашу сторону.

Предсказали сообщили, что прибудет судно. Но подле перевезли ящики с образцами, аппаратурой, пробы воды в базовый лагерь.

Извержение длилось около трех месяцев. Собран и обрабатывается большой научный материал. Остров Атласова изменил свои очертания — у него появился новый мыс, новый залив и новый шакновый конус, на картах появятся новые географические названия.

